

STAGOFF

PROJECT

первая в России книжная серия, рассказывающая о том, что происходит прямо сейчас
DPEP AZEPHILIMAM AKHA UJ SLOQL
A KAPYUTP MANDY

РЕЙВЭЛЮЦИЯ

АМФОРА

КАК ЭТО БЫЛО
НА САМОМ ДЕЛЕ

Олег Азелицкий
Кирилл Иванов

Рейволюция. Как это было на самом деле

Содержание

- Сквот в Свечном переулке (1990—1991)
- Сквот на набережной Фонтанки, 145 (1990—1991)
- “Гагарин-party” (1992)
- Сквот на Обводном канале (1992—1994)
- Вечеринки нон-стоп (1993)
- “Штубниц”, “Арсенал”, “Кристалл” (1993—1994)
- Тем временем в других городах: Ярославль, Москва, Пермь (1993—1994)
- Открытие транс-клуба “Тоннель” (1993—1995)
- Первые русские диск-жокеи (1995)
- Транс-клуб “Тоннель” (1995—1996)
- Клубов становится много (1996)
- Гламур подкрался незаметно (1997)
- Конец клуба “Тоннель” (1997)
- Клуб “Трансформатор” (1997)
- Вечеринка в ядерном реакторе (1996—1998)
- Модный клуб “Грибоедов” (1997)
- “Радио Рекорд” (1997—1998)
- Open-air (1998—1999)
- “Порт-FM” (1997—1998)
- Нулевые годы

Сквот в Свечном переулке (1990—1991)

Денис Одинг (промоутер): Не знаю... Думаю, что все началось с того, что я познакомился с Олегом Назаровым. Дело было на каком-то рок-концерте.

Олег Назаров (промоутер): В 1990 году мы с Денисом Одингом искали сквот. Я тогда как раз вернулся из армии. Мастерскую найти было несложно. Существовала целая технология: ты с самого утра берешь фомочку, выходишь на улицу и, задрав голову, ходишь, смотришь на дома. Если в здании окна не горят и разбиты стекла, значит, дом расселяют. Ты заходишь в парадную, выбираешь заброшенную квартиру, вскрываешь ее фомочкой, ставишь железную дверь – и все! Теперь у тебя есть бесплатная мастерская в центре города. Ну может быть, еще начальнику жэка дашь пузрь из валютного магазина “Березка”.

Денис Одинг (промоутер): Я учился в художественной школе и еще в джазовом колледже. Собирался поступать в Академию художеств. Но так как я жил с мамой в маленькой квартире, мне негде было рисовать. Ну и возраст такой – хотелось жить отдельно. А тут Назаров пришел из армии. И мы решили найти квартиру. Тогда это была распространенная практика. Дома расселяли, а на ремонт у государства денег не было. Правда, искали мы такую квартиру достаточно долго. Мы ходили по улице, смотрели на окна – нас интересовали немывтые и неухоженные...

Олег Назаров (промоутер): Ну и мы нашли мастерскую в Свечном переулке. Она была двести восемьдесят или двести девяносто квадратных метров – здоровая квартира. Сначала снесли перегородки, потом отпраздновали новоселье. На новоселье, помню, играла группа “два Самолета”.

Денис Одинг (промоутер): Сперва на Свечном мы въехали в небольшую квартиру... Относительно небольшую – она была трехкомнатная, но для вечеринок все-таки не подходила. А потом в этом же доме мы нашли огромную квартиру – триста квадратных метров!

Мы договорились с местным дворником и переехали в бо?льшую. У нас были спальни, мастерская, и еще оставалась куча свободного места. А тогда были очень популярны всякие молодежные обмены. В смысле советских деятелей культуры отправляли в Европу, а оттуда к нам приезжали их группы или театры.

В тот раз в Петербурге выступала какая-то датская группа. Мы решили устроить ее концерт, позвали “два Самолета” и еще кого-то. Группа не приехала, но вечеринка все равно состоялась. Тогда было голодное время, все по карточкам, а мы купили два ящика консервированных ананасов, шампанского... Было весело.

Олег Назаров (промоутер): У нас на Свечном стоял как раз тот самый комплект звука, который Джоанна Стингрей подарила Ленинградскому Рок-клубу. А попал он к нам очень просто: человек, который отвечал за звук в Рок-клубе, кроме звука любил еще и деньги.

Денис Одинг (промоутер): Изначально это была мастерская. Мы собирались не устраивать там танцы, а работать – рисовать картины. Да только вышло все совсем иначе.

Олег Назаров (промоутер): С какого-то момента мы стали устраивать еженедельные вечеринки. Все происходило как-то само собой. Вечером приходил кто-то

один, потом кто-то еще, потом приходили друзья тех, кто пришел раньше, а когда их набилось совсем много – вот уже и вечеринка.

DJ Слон (Олег Азелицкий): С Олегом Назаровым мы познакомились на Свечном. Мы пришли с Сергеем Зайцевым. Я стоял у стеночки, и Олег сам ко мне подошел. А я вообще не понимал, куда попал... Играла какая-то смесь из хауса и техно...

DJ Лена Попова: Первыми в Россию эту музыку привезли модный художник Тимур Новиков и его компания. На Запад поехала первая рок-н-рольная волна: Цой, Гребенщиков, Тимур Новиков, Бугаев-“Африка”... А там как раз расцвет хаус-музыки. Ну они всю эту фигню и стали сюда тащить.

DJ Фонарь (Володя Фонарев): Мне всегда нравилась музыка, в которой есть какая-то энергетика, которая бы бодрила. Точно помню, что, когда мне было четыре года, я поставил свою первую пластинку. Это была пластинка из журнала “Кругозор”. Там на последние страницы журнала вклеивали такую гибкую пластиночку с ультрамодными композициями. Не могу сейчас точно вспомнить, что это было, но меня это задело. Позже, уже ближе к армейскому возрасту, я ловил Би-би-си, где у Севы Новгородцева были свои программы. Они были более рок-н-рольные, но все равно какие-то вещи проскакивали. Ну и на телевидении периодически выходили две программы, которые жители всего советского пространства ожидали с сумасшедшей силой. Это “Мелодии и ритмы зарубежной эстрады”, которые выходили обычно в новогднюю ночь, и плюс “Утренняя почта”. И как-то я заразился...

Еще, конечно, был магазин “Мелодия”, рядом с которым находилась толкучка. На толкучке можно было приобрести какие-то пластинки, причем их стоимость была достаточно большая. Если средняя зарплата в стране составляла сто–сто двадцать рублей, то хорошая пластинка стоила порядка шестидесяти рублей. Фактически ползарплаты. И один раз мы с товарищем разжились деньгами и как наивные пингвины пошли покупать модную пластинку. В итоге нам втюхали полное фуфло. Сначала я не понял. Понял, уже когда пришел и поставил на проигрыватель. Слушаю, а там начинается какая-то полуклассическая-полухрензнаеткакая музыка. Я думаю: “Ну это вступление, наверно”. А потом посчитал количество дорожек и понял, что оно превышает количество треков, обозначенных на конверте...

Два дня находились в полном нокдауне. Мало того что не купили пластинку, так еще и денег жалко... Мы хотели что-то модное, с каким-то приближенным к электронному звучанием... Я тогда как раз полюбил электронику... Мы даже предприняли попытку сплавить этот диск, но нас, конечно, вычислили в момент. Хотя строго наказывать не стали. Вошли в положение. Сказали: “Ну ладно, фиг с вами”. И те взрослые ребята, которым мы пытались ее продать, даже дали нам послушать набор пластинок – венгерских, чехословацких. И совершенно неожиданно там оказалась группа “Kraftwerk”. Причем их дебютный альбом. Когда я поставил первый трек, то понял: всё, с этого момента моя жизнь перевернулась!

DJ Слон (Олег Азелицкий): А я впервые услышал эту музыку еще в конце 1989 года. Зима. Мы с друзьями пошли на вечеринку в ДК, не помню в какой именно. Там играли какие-то финские чуваки. Мне было девятнадцать лет. И я помню, мне все это тогда жутко не понравилось. Там была группа, диск-жокей и кто-то из наших. Мне совсем не понравилось. Жесткая, тупая музыка. Это, в общем-то, и понятно, я ведь тогда слушал “Einsturzende Neubauten”, “Bauhaus”. А тут такое...

Олег Назаров (промоутер): Наши вечеринки на Свечном очень быстро стали городской достопримечательностью. Я не помню, на что мы жили. Но помню, что денег всегда было очень много. На Свечном, например, если раз в две недели заказать грузовик (была такая служба, они забирали бутылки из-под шампанского), то получалось полгрузовика этих бутылок. За это давали триста долларов – по тем временам гигантские деньги! Хватало даже на то, чтобы жрать в ресторанах. Кроме того, мы продавали картины. У меня ведь специальное художественное образование – художник-реставратор. В основном картины покупали иностранцы. Они постоянно откуда-то брались. Ну это было логично: иностранцам было некуда пойти, а на Свечном как раз проходили вечеринки. Ну они и приходили знакомиться...

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): В то время Советский Союз был страшно привлекательным для иностранцев местом. Все хотели стать очевидцами перелома. Иностранцев на наших вечеринках всегда было очень много.

DJ Re-Disco (Денис Медведев, участник группы “два Самолета”): На что жили Одинг с Назаровым, мне непонятно. Ни у кого денег не было, а у них какие-то появлялись. Эти двое могли неожиданно выкатить ящик шампанского, на столе у них могли вдруг появиться какие-то фрукты... Элементы сладкой жизни! Мне тогда было вообще непонятно, чем они занимаются. Они целый день сидели малевали свои картины.

Денис Одинг (промоутер): Какие-то картины мы, конечно, продавали, но не очень часто. Достаточно ведь было продать одну картину за триста долларов, и на эти деньги можно жить несколько месяцев. Нормальная зарплата в то время была десять долларов.

Олег Назаров (промоутер): На петербургском телевидении тогда существовала передача, посвященная современной культуре. И вот один чувак приехал нас снимать, а когда этот сюжет показывали, то на экране появились титры, за которые мы на него потом очень сильно обиделись. Написано там было “художники-кислотники”. К нам потом это название навсегда приклеилось.

DJ Re-Disco (Денис Медведев, участник группы “два Самолета”): На Свечном было несколько огромных комнат, а в них были развешаны так называемые “кислотные” картины. Даже я понимал, что все это было очень непрофессионально. Там были намазаны какие-то огромные пятна ядовитых цветов... с непонятными разводами... картинами их было трудно назвать. Висели какие-то неоновые трубки. Дикое свободное выражение. Даже по сравнению с движением “Новых художников”, с Котельниковым или Тимуром Новиковым... У тех все-таки была концепция, собственная школа. А здесь – вообще непонятно что. Очень как-то странно. С Назаровым и Одингом мы все равно быстро подружились. Гуляя в центре, частенько к ним заходили. Там можно было чего-нибудь выпить или покурить.

Денис Одинг (промоутер): Мы рисовали светоотражающими красками. Казалось, что это и есть мое призвание. Но когда несколько позже я занялся клубом “Тоннель”, живопись пришлось бросить. Вообще, мы надеялись открыть “Тоннель”, чтобы зарабатывать на этом деньги и иметь возможность спокойно, себе в удовольствие рисовать. Как видите, из затей ничего не вышло...

Олег Назаров (промоутер): Да и бесплатно жить в квартире у нас получилось недолго. Через полгода жэк стал требовать с нас денег за жилплощадь. Мы не знали, как тут быть, но вскоре рядом с нами возник персонаж, который сам попросился пла-

тить за нас всю сумму аренды. Вроде бы это помогало ему списывать налоги.

Этот тип работал в администрации города, а мы как раз пришли оформлять договор на жилплощадь. Там и познакомились. Два сапога пара – мы жили на халяву, а он отмывал бабки. Он сразу заплатил за квартиру за год вперед. А потом разошелся и стал выдавать нам каждый месяц по шестьсот рублей каждому на краски. При том что зарплаты у инженеров тогда были рублей по двести. Удивительный, в общем, человек. Кроме всего прочего он еще и издавал какой-то порножурнал. Очкарик такой, странный... Пропал потом куда-то...

Денис Одинг (промоутер): Вообще это было время, когда любые проблемы решались очень просто. Мы были молодыми, все получалось, и казалось, что так будет всегда.

Сквот на набережной Фонтанки, 145 (1990—1991)

DJ Лена Попова: А лично я первый раз электронную музыку услышала не на Свечном, а в другом сквоте – на Фонтанке, 145. Меня туда привел первый отечественный трансвестит Владик Монро. Дело было так. У меня была подружка-француженка, она занималась журналистикой. И вот она устроила так, что в моднющем французском журнале “l'Actuelle” вышла огромная фотография Владика Монро. На целый разворот! Он там стоял на фоне зеленого с золотом камина в мастерской Георгия Гурьянова из группы “Кино”. Так вот, у меня был этот журнал. И Владик в обмен на журнал подарил мне свое фото в образе Мэрилин Монро. А вечером в благодарность за выменянный журнал впервые отвел меня на Фонтанку.

DJ Re-Disco (Денис Медведев, участник группы “два Самолета”): На Фонтанку приходили иностранцы, музыканты, художники. На Свечном была молодежная компания, а здесь – более взрослая. На Фонтанку ходили рок-н-рольные звезды типа Гребенщикова, Курехина или Брайана Ино. А на Свечном звездами была наша группа “два Самолета” и девушки из группы “Колибри”. Совсем другое поколение.

Олег Назаров (промоутер): На Фонтанку первый раз я попал, наверное, в 1990-м. Они, конечно, появились раньше, чем наш Свечной, но, думаю, не намного. Хозяев Фонтанки было трое: Миша Воронцов и два брата Хааса – Леша и Андрей. Никого из них я сперва не знал, зато знал большое количество других людей, которые туда ходили. Сначала я познакомился с Воронцовым и с Лехой. А потом уже, через месяц или через два, – с Андрюхой. Причем сперва я не знал, что Хаасы братья.

DJ Слон (Олег Азелицкий): А я сначала познакомился с Андрюхой и Воронцовым. И только потом выяснилось, что есть еще один брат, который на самом деле главный, – Леша.

Олег Назаров (промоутер): И вообще Хаас был всего один – Леша. Младшего брата стали называть Хаасом за компанию. Это ведь не фамилия, а прозвище. На самом деле их фамилия – Неароновы.

DJ Лена Попова: Фонтанка считалась очень серьезным местом. В том смысле, что туда приезжали серьезные люди на серьезных машинах. Говоря современным языком, там было гламурно. Туда ходил бомонд. Хотя иногда там можно было встретить и нормальных ребят – панков. Как сейчас помню, заглядываю в ванную, а там под душем стоит парень в кожаной куртке и моется.

DJ Re-Disco (Денис Медведев, участник группы “два Самолета”): Сначала между рок-музыкантами и диджеями была даже какая-то конфронтация. Я помню, как на Фонтанке нам с нашим басистом Антоном Белянкиным несколько раз говорили: “Ну что вы всё с этими гитарами таскаетесь? Посмотрите, вот модные ребята! Пластинки, новая музыка, девчонки! А вы со своим рок-н-роллом...” У меня это как-то совпадало. Наша группа “два Самолета” была ориентирована на живую танцевальную музыку: рэгги, ска, диско. И непроходимой пропасти с тем, что делали первые диск-жокеи, в этом не было. Я даже старался вносить в рок современное электронное звучание. Со временем купил синтезатор и стал добавлять какие-то другие

звучи. По-моему, получалось неплохо.

DJ Массаш (Александр Массальский): Мои друзья, которые жили приблизительно в этом районе, сказали, что на Фонтанке открылось классное место. Я тоже там рядом жил, ну и решил сходить. Там, на Фонтанке, 145, все было странное. Я ведь до этого слушал панк-рок. А тут – странная музыка, странные люди. Это вообще была очень странная жизнь.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): В тот момент Фонтанка была чуть ли не единственным местом в стране, где происходило что-то новое. Просто в Советском Союзе все очень долго было на уровне кухонных посиделок. А в самом конце 1980-х вдруг появилось ощущение, будто возможно все – сквоты, вечеринки; был какой-то удивительный подъем.

DJ Лена Попова: На Фонтанке все время играла музыка. Ребята ставили какую-то электронику с кассет. Но меня это мало интересовало. Я тогда была художницей и актрисой детского кукольного театра. Мне тогда все это диск-жокейство на хуй было не нужно. Дел было по горло! Гастроли в Польше, выставки в Швеции, жених в Германии... **Михаил Воронцов (промоутер, диджей):** Электронную музыку первый раз я услышал в исполнении подзабытого сейчас проекта “Technotronic”. Это был 1990 год, это была Фонтанка, это были кассеты. Кажется, кассеты привез Сергей Бугаев-“Африка”. Хотя до этого я, конечно, слушал и “Depeche Mode”, и все остальное.

DJ Лена Попова: Я помню, что меня поразило – квартира на Фонтанке вообще не выглядела запущенной. Там была маленькая комнатка, в которой стоял огромный стол, естественно, антикварный. На Фонтанке вообще вся мебель была антикварной. Видимо, ребята ее где-то по помойкам, по секундам собрали. И вот на этом столе лежала чистая бордовая скатерть. А вокруг стола сидела группа “Колибри” во главе с Наташей Пивоваровой. Все в перьях и боа. В общем, это был не просто чумазый сквот, а настоящий салон. В тот момент была такая тема, что на вечеринки все наряжались. Сейчас такое можно увидеть только в Москве. Все остальные сейчас воспринимают поход в клуб как тяжелую работу, ну или как спортивные соревнования. Сейчас надевают то, что не жалко проебать. То есть если уж ты идешь на мероприятие, то будь готов к тому, что у тебя будут сломаны каблуки, порвана одежда... Мы же не гламур! Это там всякая, блядь, гжель да хохлома.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): Пока круг был узким, это были совершенно бесплатные вечеринки. Но после того как к нам повалили совсем незнакомые люди, мы решили брать с них деньги. **DJ Массаш (Александр Массальский):** На Фонтанке играл классический эйсид-хаус конца 1980-х. Разумеется, эта музыка и это место меня заинтересовали. Я стал туда ходить. Сначала познакомился с Мишей Воронцовым. Он стоял на входе и пытался со всех снимать бабки, а я никогда не платил. На том и сошлись.

DJ Лена Попова: А я с Воронцовым даже и не знакомилась. Я просто знала, что Миша всегда стоит на входе. Он всегда был в кепке. Его так и звали – Миша Кепка.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): На Фонтанку я попал очень просто. Я был знаком с Лешей Хаасом. И в момент, когда Леша с Андреем нашли сквот на Фонтанке, они предложили мне принять участие в его освоении. Мы занимались каждый своим делом. Леша рисовал картины, я моделировал одежду. Попутно мы чистили сквот, а в большом зале устраивали вечеринки. Дело было в 1990 году. Хотя первые художники стали заселяться в этот дом даже еще раньше. Наша квартира рас-

полагалась на третьем этаже. Напротив жил художник и музыкант Георгий Гурьянов, бывший барабанщик группы “Кино”. Наверху, кажется, никто не жил, а вот внизу была самая обычная жилая квартира. И на некоторых вечеринках пол не просто ходил ходуном, а была настоящая амплитуда. Я боялся, что пол просто провалится и вся эта компания рейверов окажется в гостях у несчастных соседей.

DJ Слон (Олег Азелицкий): Мне кто-то рассказывал, будто Миша Воронцов шил то ли Леше, то ли Андрею Хаасу какую-то легендарную, судя по описаниям, просто фантастическую рубашку. Мол, так они между собой и познакомились.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): Дизайном я занимался с 1986 года. Еще за несколько лет до появления Фонтанки я сидел дома и шил целые коллекции – рубашки, пуховики... Мне все это очень нравилось. Тем более в то время с одеждой была напряженка... Я, собственно, и на Фонтанку поехал для того, чтобы там организовать мастерскую. Но потом моя дизайнерская деятельность как-то сошла на нет. Просто вечеринки стали вдруг куда интереснее.

Олег Назаров (промоутер): Дресс-кода не было, но одевались все более или менее в одном стиле. Помню, в 1990 году в моде были белые бадлоны.

DJ Magic В (Василий Борисов): Тогда были такие флюоресцирующие наряды, ботинки “Dr. Martens”, джинсы красного цвета... Рейвера можно было издали отличить.

DJ Слон (Олег Азелицкий): А самая модная вещь в начале 1990-х, мечта любого модника – красные штаны. Почему? Хрен его знает... Видимо, это выглядело стильно.

Олег Назаров (промоутер): Вообще в тусовке была целая куча модельеров. Модно было, когда кто-то из знакомых тебе что-нибудь шил. Миша Воронцов шил прекрасные вещи. Был еще Костя Гончаров, основавший модный дом “Строгий юноша”. Это был особый шик – иметь что-нибудь от Кости Гончарова. А обувь делал Пукшанский. Это были такие ботинки, на которые нельзя наступить, потому что они были на гигантской... просто на гигантской конусообразной платформе. И упасть было нельзя – очень уж они были большие и тяжелые. В те годы в Риге проводился “Фестиваль неукротенной моды”. Пукшанский смастерил для него какое-то количество этих ботинок и потом дарил их друзьям.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): Леша Хаас уже в те годы ездил в Швецию, сидел там какое-то время в тюрьме, ходил по клубам. Вот у него, может быть, в голове и был какой-то образ – во что же все это должно вылиться. А остальные занимались этим без четкого понимания, что именно может получиться на выходе. Мы просто разгребали завалы мусора в своей квартире и пытались содержать ее в порядке. Никто не думал, будто мы разгребаем для того, чтобы сделать клуб. Просто так срослось. Когда мы ломали стены и вообще приводили сквот в порядок, то даже не думали, что будем устраивать там вечеринки. Но к лету 1991 года мы все убрали, а в это время у одного нашего, ныне покойного, товарища Сергея Зайцева гостила группа то ли немцев, то ли еще кого-то... не важно... я не помню... вернее, помню – американцы! Точно – это были американцы! У Зайца была девушка-американка! И он с ней мутит роман... или не роман?... в общем, он предложил: “Давайте сделаем у вас вечеринку!” Так и началось. Были какие-то иностранцы, которые желали развлечений, а у нас были для этого все возможности. Ну а потом мы стали каждую субботу устраивать вечеринки.

Денис Одинг (промоутер): Шведское общество “Адреналин” почему-то подарило Фонтанке вертушки. Я не помню почему...

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): Первые вечеринки начались то ли в конце мая, то ли в начале июня 1991-го. У Леша Хааса был знакомый швед. Он приехал через месяц после того, как мы открылись, и привез одну вертушку. Я даже уже не помню, на каких условиях. Думаю, это была самая первая вертушка в Петербурге, а значит, и в стране. Вертушки у нас появились, да вот только играть на них было некому. У нас даже пластинок вначале не было. Вернее, знаменитый немецкий диджей Вестбам, гостивший у Георгия Гурьянова, подарил Леше Хаасу какое-то количество пластинок. А потом Леша стал ездить за границу и тоже стал привозить пластинки. Но вот диджеить, играть в том смысле, как мы представляем себе это сейчас, на Фонтанке никто не умел. Ставили песню с пластинки, потом пытались ее как-то свести с кассетой... Хотя уже тогда к нам приезжал DJ Янис из Риги, который очень здорово играл на пластинках. В общем, все как-то стало понемногу развиваться.

“Гагарин-party” (1992)

Денис Одинг (промоутер): Вместе с Олегом Назаровым мы все еще жили в сквоте на Свечном. А помимо нас в том же здании существовал еще “Дом мира и милосердия”. Это были хиппи, у которых имелись очень благородные, но плохо реализуемые идеи. Они выдернули из детских домов нескольких сирот, чтобы те жили в нормальных условиях. Но за этими ребятами никто не следил, и они стали грабить все вокруг. Власти терпели-терпели, а потом в жесткой форме всех неформалов из здания выселили. Жесткая форма – это пожар. В один прекрасный день наш дом на Свечном просто сгорел. Я думаю, это был поджог. Мы видели, что все к тому идет, и успели заранее съехать. Сейчас наш бывший дом отремонтировали. Там элитное жилье.

Олег Назаров (промоутер): Весь 1991-й мы просидели на Свечном. Я, Одинг и еще пару месяцев художник Саша Штейн. Но потом осенью нам отрубили воду. Без воды стало тоскливо, и мы переехали в другой сквот, на Загородном проспекте. Там было меньше места – всего метров шестьдесят. Зато было комфортно. Там даже стояла стиральная машина. Правда, Одинг очень быстро ее сжег. Он решил постирать носовой платочек, налил в нее два литра воды, запустил, и она сгорела.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): К нам на Фонтанку приехали двое москвичей: Иван Салмаков и Женя Бирман. Они пришли с конкретным предложением: давайте сделаем вечеринку в Москве. Огромную вечеринку прямо в павильоне “Космос” на ВДНХ. Давайте, мол, давайте! У нас есть знакомые, есть заточки с ВДНХ, то-се, пятое-десятое! Называться все это будет “Гагарин-party” – как вам? Салмаков и Бирман, собственно говоря, придумали название и концепцию и пришли уже с готовой идеей. Мы разделили между собой обязанности и стали всем этим заниматься.

DJ Бумер (Федор Крылов): Когда зимой 1992 года в Москве проходила “Гагарин-party”, мне очень хотелось поехать. На тот момент я жил в Перми и уже пытался сводить музыку. Не помню почему, но той зимой у меня вдруг совсем не оказалось денег. Так что мимо первой “Гагарин-party” я пролетел.

DJ Фонарь (Володя Фонарев): Тогда еще не было такого понятия “клуб”. В Москве были дискотеки, на которые приходили хорошо одетые и состоятельные люди. Там звучала простенькая музыка и демонстрировалось видео. Тогда видеомэгафоны только-только получили широкое распространение. Устроители дискотек делали какие-то видеонарезки, ставили видеоклипы, чтобы люди не только могли слышать трек, но еще и видеть его. Самая популярная дискотека в Москве называлась “Молочка”. Это было кафе в Олимпийской деревне, где к Олимпиаде-1980 сделали действительно профессиональную дискотеку. Человек с улицы туда попасть не мог: существовала очень странная система пригласительных билетов. По этому пригласительному билету ты проходил внутрь и получал один молочный коктейль. Этот вид досуга и считался единственно возможным. Ничего круче, чем открыть дискотеку с видеосопровождением и коктейлями, в том году еще никто и представить не мог. А тут – вечеринка!

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): Леша Хаас приехал в Москву примерно за неделю до мероприятия. А я, нагруженный аппаратурой и еще какой-то ерундой, – за пару дней до “Гагарин-party”. Я занимался организацией баров, танцпо-

ла, гардероба. Леша это все придумывал, а я, грубо говоря, воплощал.

Денис Одинг (промоутер): Для “Гагарин-party” ребята с Фонтанки попросили у нас с Назаровым несколько наших картин. И мы решили, что раз так, то за это они должны бесплатно свозить нас в Москву. Но никто везти нас не собирался. И тогда мы заняли такую снобскую позицию: мол, клуб должен быть через дорогу, нечего ехать за тысячу километров.

DJ Массаш (Александр Массальский): Я ездил на “Гагарин-party”. Это было очень мощное мероприятие. У нас было забронировано полтора вагона в поезде “Петербург–Москва”. Огромный павильон, спутники, космические корабли с солнечными батареями. Были приглашены космонавты. Я выпивал, кажется, с Гречко и его женой. Насколько я помню, ему там очень понравилось. Людей было очень много – тысячи три-четыре. Для того времени это было очень много. В Москве ведь ничего такого не было – ни сквотов, ни клубов. У нас вечеринки шли уже два года, а там до “Гагарина” ни о чем подобном никто и не слышал. Это была вообще самая первая вечеринка в истории Москвы.

DJ Фонарь (Володя Фонарев): Первое, что принес с собой перестроечный ветер свободы, это возможность делать дискотеки. Свободу танцевать сколько влезет. Раньше для этого нужно было что-то выбивать, оформлять какие-то документы, а теперь все стало просто: хочу – и делаю! И это ощущение свободы, вседозволенности очень быстро вывело дискотеки в ранг сначала популярных, а потом уже и коммерческих предприятий. Все делали деньги и танцевали. Появились первые МЖК, первые комсомольские кооперативы. Теперь можно было открывать собственные предприятия и превращать хобби в настоящий бизнес. Потому что в советские времена ставка была порядка двадцати рублей на весь танцевальный вечер. В зависимости от уровня заведения там могло быть несколько диск-жокеев, звукорежиссер, оператор, танцевальная группа, и эти двадцать рублей делились на всех. А тут появилась возможность зарабатывать столько, сколько тебе по силам заработать.

DJ Дэн (Андрей Котов, участник группы “Мальчишник”): Я в то время русскую музыку вообще не слушал. Ну я был криминальным элементом. Дела всякие проворачивал. Тогда русскую музыку было западно слушать. Я занимался валютными махинациями, даже в тюрьме полгода сидел. Потом один знакомый предложил вложить бабки в музыку и завязать с криминалом. Ну я подумал-подумал – и согласился. Просто пора было заканчивать со всем этим.

Про то, что происходило в Петербурге, я знал мало. Хотя какие-то слухи доходили постоянно. И люди, конечно, по-хорошему завидовали, когда слышали про легендарные питерские вечеринки. Все-таки они у себя уже давным-давно приспособились отдыхать ночь напролет.

DJ Фонарь (Володя Фонарев): “Гагарин” продемонстрировал, что полноценно отдыхать можно и в ночное время. Вернее, что именно ночью отдыхать и стоит. Сейчас уже никто не помнит, но до этого все мероприятия заканчивались к 23:00. И народ спокойно разъезжался спать. А потом из Петербурга приехали ребята, сделали “Гагарин”, и мир перевернулся. По-моему, это было вообще самое первое глобальное ночное мероприятие. Стало понятно, что можно танцевать всю ночь. И что на танцах можно выставлять бар. Сразу после этого по всей Москве начали открываться ночные дискотеки.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): На первой “Гагарин-party” было три тысячи человек. И по большому счету никто не был готов к такому количеству посетителей. Кроме того, павильон “Космос” выглядел тогда несколько иначе, чем сейчас. Это был настоящий музей: на постаментах стояли спутники, двигатели, детали орбитальных кораблей, антенны. Так что, несмотря на огромные размеры павильона, места для людей там было совсем немного. Проблемы приходилось решать даже не на ходу, а на лету. Это была зима, декабрь месяц, а павильон не отапливался. Леша Хаас поставил обогреватели в одну очень длинную линию. И воздух нагрели, и выглядело это красиво. А когда началась вечеринка, то вдруг выяснилось, что гардероб-то мы сделали, а вот нанять гардеробщиков забыли. И я часа два развешивал куртки и пальто. Для москвичей все это было в новинку. Они ломались страшной толпой. Спонсором всей этой истории была фирма “Кринта”. Не помню как, но мы их как-то на это развели. Но все мероприятие в итоге все равно оказалось в минусе. Насколько мне известно, коммерчески все это совсем не оправдалось. Однако мы не опустили руки и на День космонавтики, 12 апреля 1993 года, решили провести вечеринку “Гагарин-party-2”.

ДЖ Лавски (Константин Петров): На первой “Гагарин-party” я не был... Собирался, но у меня не получилось. Я учился в медицинском институте, и в субботу у меня был какой-то жуткий зачет по биохимии. Мне было с него просто не уехать. Вместо того чтобы ехать в Москву, я был в институте.

Зато со второй “Гагарин-party” получилось здорово. У нас была компания активных тусовщиков. И мы все очень здорово танцевали. То есть, строго говоря, танцем это нельзя назвать: мы просто отрывались. У нас не было какого-то постановочного танца. Мы были одеты во все белое, носили темные очки и делали очень прогрессивные для того времени движения.

В какой-то момент нас не то чтобы стали нанимать, но, в общем, приглашали участвовать на всех проводившихся в городе вечеринках. И на вторую “Гагарин-party” нам просто выдали билеты, забронировали места в гостинице и сказали: надо ехать. Тогда в Москве вообще никто ничего не знал. И было очень важно, чтобы приехала питерская тусовка, которая обеспечит веселье.

Наплыв народа был просто бешеный. Москвичи просто сметали все на пути. Снять вечеринку примчался даже “Первый канал”, и наутро, в двенадцатичасовых новостях, нам всех показывали. Я на некоторое время почувствовал себя знаменитостью. Мне почему-то казалось, что меня тут же все увидят и узнают. Смешно конечно.

ДЖ Массаш (Александр Массальский): Сперва был один “Гагарин”, потом второй, а потом вечеринки в Москве стали проводиться регулярно. Было несколько вечеринок в Московском планетарии. Была “Минкульт-party”. Андрей Хаас пытался устроить вечеринку в только что построенном “Экспо-центре”. Питерские ребята стали устраивать вечеринки “Мобиле” на велотреке в Крылатском. На все эти вечеринки приходило очень много людей. Москвичи просто не верили своим глазам.

ДЖ Фонарь (Володя Фонарев): На вечеринках “Мобиле” по велотреку катались люди на велосипедах. Минимальный свет, по квадрату стояли колонки, а вокруг всего этого по самому периметру катаются велосипедисты. Над велотреком нависала судейская будка, а на ней стояли вертушки. Ощущение возникало фантастическое. Я помню, что не уходил с танцпола с полуночи до шести утра. Оттуда невозможно было

уйти. Несколько месяцев после “Гагарина” все только и делали, что ходили по вечеринкам. А потом в Москве стали открываться ночные дискотеки. Первая открылась во Дворце спорта Советской армии. Она называлась “Red Zone”. Это место работало шесть дней в неделю, и там постоянно были толпы народу. Время было такое, что люди наживали деньги очень легко и были готовы так же легко с ними и расставаться. Где-то до двух часов на дискотеках работал дэнсинг, а в два на сцену выходил кто-нибудь из артистов. С кем удалось договориться, тот и выступал. Могла выйти старая рок-группа “Рондо”. А мог – только появившийся танцевальный проект “Arrival”.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): На вторую “Гагарин-party” пришло уже пять тысяч человек, и мы заработали довольно много денег. Вот из-за непонятки с этими заработанными деньгами я с братьями Хаасами и расстался. Еще вначале мы договорились делить деньги поровну. Ну допустим, после первого “Гагарина” делить было нечего. А после второго?.. Там были десятки тысяч долларов! Однако кому сколько дать, решал единолично Леша Хаас. И я получил какие-то смешные деньги. Что-то вроде ста долларов. Это была очень неприятная история. Кончилось тем, что я ушел и следующие вечеринки делал уже сам.

Сквот на Обводном канале (1992—1994)

DJ Слон (Олег Азелицкий): Миша Воронцов – очень добрый чувак. Когда нам было совсем нечего есть, мы частенько к нему заходили. О жизни поговорить, заодно и покушать. Отлично он рис готовил.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): На Фонтанке тусовалась куча ребят, которые жили поблизости и просто иногда заглядывали. Им все это страшно понравилось – художники, электронная музыка... И эти ребята тоже решили, что они художники. Они образовывали такой малый круг. У них была своя, немножко детская, тусовка. Ну им хотелось чувствовать, что они тоже ко всему этому причастны. Они видели, что у нас сквот, и тоже захватывали какие-то пространства, занимались там какими-то поделками. Они что-то рисовали, но я, честно говоря, плохо помню, что еще у них происходило. В какой-то момент они захватили новое помещение на Обводном канале.

DJ Массаш (Александр Массальский): Я тогда учился в Архитектурно-строительном техникуме, тусовался, фарцевал. Бушлаты, командирские часы, палехские шкатулки – все это мы продавали иностранцам и в день зарабатывали столько, сколько взрослый инженер не зарабатывал даже за месяц.

DJ Слон (Олег Азелицкий): А я учился в поварском училище на кока. Это был самый простой способ получить визу и слиться из России. Все мои знакомые ходили в заграничные рейсы, и я тоже хотел. Но когда я закончил училище, Балтийское морское пароходство пошло в расход. И поработать коком мне так и не случилось. Помимо учебы я занимался еще и музыкой. Попытался играть панк-рок. Еще до “Обводов” на улице Чайковского существовал легендарный рок-н-рольный сквот “НЧ/ВЧ”. А у нас как раз была панк-рок группа “Труп в зеленом чемодане”. И мы пытались получить точку в этом “НЧ/ВЧ”. Но как только мы ее получили, сквот тут же и закрылся. Это был 1991 год. В этой группе были Паша Владимирский и такой Тошнот. Первый потом стал клипмейкером и делал клипы “Мумий Тролля”, а второй вскоре умер от черно-белого. Ну и охота играть панк-рок у меня после этого отпала.

DJ Массаш (Александр Массальский): Нам хотелось иметь свое место, но на Фонтанке все было занято. Хотелось как-то поддержать эту волну. У нас была компания друзей: кто-то художник, кто-то парикмахер, кто-то просто неплохой парень. Ребята нашли квартиру, заняли ее и сказали, что там есть еще много квартир. Мы посмотрели на окна, выяснили, что там никто не живет, взломали дверь. Квартира оказалась пустая, заброшенная, полная всякого shit’a. Зато были свет и вода. Это была огромная восьмикомнатная коммуналка. Там было не очень уютно, поэтому ночевали мы там редко. Зато все время тусовались.

DJ Слон (Олег Азелицкий): Дом на Обводном шел на расселение. Массаль как-то случайно нашел эту квартиру. Пошел в жэк: бутылка коньяка, деньги начальнику – ну и делайте, что хотите. Лично меня на Обводы привел Заяц. Это друг Хаасов, которого потом убили в Индии.

DJ Массаш (Александр Массальский): Кто-то предложил план: снести четыре стены, сделать танцпол, а в остальных стенах пропилить арки. Мы вдохновились и очень быстро все сделали. Снесли стены – получился танцпол. Купили колонки, уси-

лители. Кто-то что-то из дома принес. Обоим в магазинах тогда не продавались, но мы купили большие географические карты: если клеить их оборотной стороной, то получалось идеально белое пространство. Карты были очень дешевые, и этими картами мы заклеили все стены. Потом купили где-то дешевые флюоресцентные краски и разрисовали ими всю квартиру. В главной комнате прямо на стене огромными буквами было написано “ЭКСТАЗИ”.

ДЖ Слон (Олег Азелицкий): Раду из Кишинева, Массальский, Саша Ломбах, Кузьма и я – это был костяк нашей тусы на Обводах. Сперва мы все были рок-музыканты, потом все стали художниками, а в конце превратились в диджеев. Раду – единственный в нашей компании, кто жил на Обводах постоянно. Остальные предпочитали ночевать все-таки дома. А Саша Ломбах – он был тусовщиком, и у него уже тогда водились деньги. У него папа был профессор, а брат – крутой бизнесмен. И там начались какие-то запредельные разборки. Жену брата выбросили из окна. Отца убили. Брата тоже убили. Один Саша убежал. Для того времени это была, в общем-то, будничная история.

ДЖ Массаш (Александр Массальский): После ремонта было непонятно, что делать с огромными кучами мусора. Мы подрядили нашего соседа снизу, алкаша. Он за несколько бутылок водки все это вынес. Впоследствии он у нас постоянно убирал после вечеринок. А мы ему за это отдавали пустые бутылки. Он был совсем опустившийся, но иногда заскакивал к нам на вечеринки. Были такие чуваки, панки, Олег Башка и его компания. Вот они с этим соседом постоянно пили. А он им показывал всякие приемчики типа того, как правильно вести себя в тюрьме. Вообще он был довольно милый. Он жил прямо под нами, и на него приходилось основное звуковое давление, но мужчина ни разу не жаловался.

ДЖ Слон (Олег Азелицкий): Еще приходил чувак по кличке Луза. Он постоянно приводил с собой иностранцев и пытался развести их на бабки. Иностранцы покупали у нас картины. В 1992-м какие-то шведы купили все объекты, которые скопились у нас на Обводном. Незадолго до этого мы устраивали перформанс, в ходе которого раскрашивали бюсты советских вождей флюоресцентными красками. И после перформанса все это добро у нас так и осталось. А потом пришли шведы и скупили бюсты по пятьдесят долларов за штуку. Особенно им понравился флюоресцентный Ленин с отрубленной бородой: мы случайно ее отрубили. А в другой раз Луза по пьяни локтем смазал чью-то картину. Причем инострцы потом купили именно ее. Они заплатили что-то около трехсот долларов, и после этого все наши картины стали напоминать как раз ту – размазанную. С кинотеатра “Москва” мы сняли гигантские афиши по шесть метров шириной, загрузовали их, положили на асфальт и с четвертого этажа кидали на полотно банки с краской. Потом мы несколько раз пытались эти произведения кому-нибудь вдуть. Но они так и остались на Обводном. Сгнили сейчас уже, наверное.

ДЖ Массаш (Александр Массальский): Сначала плату за вход мы не брали. Но в какой-то момент стало приходиться очень много левых людей, и пришлось просить деньги. Просто чтобы как-то их отсечь. Сколько это было в рублях, я не помню, но что-то около пяти долларов. За эти деньги ты мог пройти и послушать музыку, которая тогда не звучала больше нигде. Иностранцы привозили нам уже сведенные кассеты. Мы просто ставили кассету, она играла сорок пять минут, потом кассету переворачивали, и играла другая сторона.

DJ Слон (Олег Азелицкий): На Обводах вечеринки иногда были платные. В 1992—1993 годах билет стоил тысячу рублей. Иногда мы даже делали для своих мероприятий флаеры. В администрации Петроградского района у меня работал друг, и там стояла очень редкая по тем временам штука – ксерокс. Я вырезал слова и картинки, клеил все это на бумагу, а потом ксерил в количестве двухсот-трехсот штук и раздавал. Думаю, это были самые первые техно-флаеры в стране.

DJ Массаш (Александр Массальский): Еще мы сделали бар. Уже ближе к концу. Стали продавать алкоголь. Разумеется, без лицензии. Ну там все было так. Мы не платили за аренду, не платили за свет, не платили за воду и плюс провели себе бесплатный телефон. С жэком мы договаривались посредством коньяка, хотя под конец уже пришлось оформлять какую-то аренду. Правда, это были мизерные деньги все равно сравнимые со стоимостью бутылки коньяка.

DJ Re-Disco (Денис Медведев, участник группы “два Самолета”): К тому времени в городе уже могли происходить вполне легальные вечеринки. Не только в сквотах, но и в каких-то общественных местах. Самая первая дискотека с диск-жокеем, насколько я помню, проходила в Клубе работников связи “Курьер”. Причем она была как-то связана с фондом Чайковского, то есть предназначалась в первую очередь для сексуальных меньшинств. Спродюсировал ее знаменитый художник-неоакадемист Тимур Новиков. И вот на ней впервые выступал диджей Янис из Риги. Тимур Новиков, вообще, был идеологом всего, что происходило на Фонтанке. Он чувствовал, что за техно-музыкой будущее, и старался подвести под происходящее теоретическую базу. Следил, чтобы все выглядело правильно, чтобы все одевались модно, хорошо выглядели и музыка звучала бы только хорошая... Я был на той дискотеке в “Курьере”. Помню, какой-то придурок ухватил меня за задницу. (Смеется.) Я был в зеленых клешах...

DJ Лена Попова: На Обводном канале одно время устраивал вечеринки Артем Саламатин. Это, можно сказать, были какие-то первые подобия оупен-эйров. Там постоянно играл DJ Майкл Пуго. А так как туалетов не было, все отливали прямо под столом с вертушками. Класс, в общем.

DJ Массаш (Александр Массальский): Нам с Олегом Азелицким пришлось начать играть просто потому, что не было диск-жокеев. А тогда как раз на Обводном появились вертушки “Корвет” и “Вега”. Мы разузнали место, где вертушки можно было купить за двести двадцать долларов, и купили два комплекта. Один продали за четыреста пятьдесят и второй получили, считай, даром. В какой-то момент у нас стояло пять киловатт звука. Целая саундсистема! Этот звук принадлежал чуваку из какого-то клуба в Купчино. Один раз мы у него поиграли, а он за это дал попользоваться своим звуком. Ну потом мы его так и не вернули. **DJ Слон (Олег Азелицкий):** В сентябре 1993-го у меня был первый опыт игры за аппаратом. Я тогда не думал становиться диджеем. Хотел стать художником и уехать за границу. А потом у меня был день рождения и я решил поиграть. Гостей пришло человек триста. Кроме меня в тот раз играли DJ Грув, Миша Воронцов, DJ Гаврила и Костя Лавски.

DJ Лавски (Константин Петров): Первый раз я играл в 1992 году. Это было двадцать девятое февраля, тот год был високосный. В роскошном дворце Белосельских-Белозерских проходил модный показ. Со своими аттракционами выступал Владик Монро, показывали несколько коллекций, плюс выступали молодые группы типа “Нож для фрау Мюллер”. То есть сперва был концерт, а потом дискотека. И когда мы

еще только обсуждали эту вечеринку, я предложил: “Давайте я сыграю андеграундную музыку!”

Все согласились, и я сыграл. Для первого выступления это были все-таки экстремальные условия. Императорский дворец, толпы людей, причем в основном они пришли не танцевать, а слушать панк-рок. И тут я со своей электроникой. Под конец все это мероприятие не лезло уже ни в какие рамки. Кто-то танцует, панки беспредельничают, дворец ходит ходуном. Дело закончилось тем, что пришел какой-то дядя грозного вида и в ватнике. Во время разговора он стучал кулаком об стену и требовал прекратить безобразие. Снаружи было уже утро. Так что свой первый сет я до конца так и не доиграл.

DJ Массаш (Александр Массальский): Соседи периодически вызывали милицию. Тогда еще не было ОМОНа. Забирать нас приезжали просто милиционеры, которые грузили всех в козелки. Я помню, как-то раз во двор въехало пятнадцать ментовских машин. Тогда в отделение отвезли человек сорок. Ничем серьезным это все равно не кончилось – всех отпустили. Единственная проблема: у какого-то чувака нашли пистолет. Этого чувака, кажется, звали Саша... Непонятный какой-то парень. Хотя в то время бандиты еще не очень интересовались нашей музычкой.

DJ Слон (Олег Азелицкий): У Массальского был друг-англичанин. Его звали Дэвид, и он работал на канале “Superchanel”. Он пришел к нам и сказал: у меня есть друзья, они занимаются такой же фигней, как вы! В результате нам привезли пластинок, а потом настоящие британские вертушки. Это все были подарки лондонского техно-коллектива “Либераторы”. В 1993-м приехал Джулиан из “Либераторов” и сразу доказал, что действительно занимается ровно такой же фигней, – этот парень, едва войдя, моментально сжег нам весь звук и свет.

DJ Массаш (Александр Массальский): Этот Дэвид с английского телевидения очень нас поддерживал. Первый раз в Петербург он приехал в составе съемочной группы, чтобы снимать какой-то концерт на Дворцовой площади. После работы он заскочил в сквот на Фонтанке, и вот тогда мы с ним познакомились. Дэвид ощущал себя миссионером. Ему хотелось перенеститанцевальную музыку и вообще всю эту культуру из Англии в Россию. Он прислал нам пульт и несколько ящиков пластинок. Правда, тогда я не знал, что с ними делать. Периодически я давал их DJ Груву, потому что своих пластинок у него тогда еще не было. Потом эти пластинки много кто играл – Воронцов, Лавски, Адельсон...

DJ Джулиан “Либератор” (совладелец лейбла “Stay up forever” UK): Я приехал в Петербург в 1993-м и охренел. Тут происходило то же самое, что у нас в Лондоне. Черт, тут было даже круче. Я ехал, ожидая увидеть что угодно: медведей на улицах, ну просто, что угодно... а увидел расцвет электронной культуры. Фантастика.

Самое поразительное, что люди в Петербурге тогда очень тонко чувствовали музыку. Попросту говоря, они во все врубались. Местные диджей, кстати, тогда уже неплохо играли. То есть, конечно, не очень круто сводили, но в общем понимали, что и как надо делать. Ну и я, когда приехал, тоже кое-что им показал.

Больше всего меня поразили Обводы. Настоящий сквот. Такой же как в Лондоне. Такой же крутой. Там были настоящие подпольные вечеринки. В России в то время был настоящий кризис, но в смысле электронной музыки петербургские парни были чуть ли не впереди планеты. Ну уж точно шагали в ногу.

DJ Слон (Олег Азелицкий): Мои первые сеты состояли не пойми из чего. Я играть не умел. Сводил через “сопли”. После вечеринки на мой день рождения был день рождения у еще одного знакомого. Там играли Компас-Врубель, Гаврила и я. Это выступление было уже более или менее сознательным. Диджеинг начал понемногу меня засасывать.

Вечеринки нон-стоп (1993)

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): Расставшись с Хаасами, я занялся собственным проектом – вечеринками в городском планетарии.

DJ Лавски (Константин Петров): Я был на самой первой вечеринке в планетарии. Это был 1991 год. DJ Янис из Риги играл там хаус. На тот момент в принципе любая хаус-музыка звучала для нас как шикарный подарок. Еще играли ребята из творческого объединения “Новые композиторы”, потому что они эти вечеринки и организовывали. Там было очень простое освещение, но нам нравилось. Вообще, все это казалось еще очень свежим и необычным. Не вечеринка на квартире, а почти официальное мероприятие. И главное, эти первые несколько вечеринок еще успели пройти в очень узком кругу. Публика – узкий круг посвященных в тему. Ни бандитов, ни гоппников быть не могло, потому что об этих вечеринках еще почти никто не знал. Обстановка получалась очень богемная. Художники, иностранцы... Всего человек триста.

DJ Re-Disco (Денис Медведев, участник группы “2ва Самолета”): “Новые композиторы” умудрились внушить руководству планетария, будто они группа молодых ученых и работают над новым звучанием. Космическое сознание и все в таком духе... Они сказали, что будут проводить научно-технические вечера, а устроили первую массовую дискотеку. Неожиданно собралась толпа народу. Стали продавать билеты по десять рублей. Немало по тем временам! Туда-сюда таскали ящики шампанского, а народ прямо в зале курил косяки. Администрация в панике бродила по планетарию и спрашивала: “А чем это пахнут ваши папиросы?” Им отвечали: “Где? Вот эти? Ничем не пахнут! Вам, наверное, показалось!” И давай хихикать. Это был полный хаос, который воспринимался как реальное начало новой эры. Только длилась эта эра недолго, потому что скоро на дискотеки стали ходить совсем другие ребята.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): В то время в планетарии работал наш знакомый Саша Потапов. В его обязанности входило зажигать звезды, в смысле, включать макет звездного неба. Я познакомился с ним на курсах английского языка еще до всякой Фонтанки. С ним и с группой “Новые композиторы”. Они, кстати, тоже чем-то занимались там, в планетарии. И вот Саша Потапов всем предлагал что-нибудь там устроить. Потому что декорации были действительно роскошные: не хуже, чем в московском павильоне “Космос”. И с какого-то момента я стал устраивать в планетарии ежемесячные вечеринки. Мы делали их с осени 1992-го по весну 1993-го. То есть в самые нелегкие времена: постоянные стычки с бандитами... Сперва тамбовские на нас наезжали, потом они же нас и защищали... В общем, ужас!

Свобода ведь тогда появилась у всех, и у бандитов тоже. В том году даже милиционеры боялись ходить с оружием, потому что за пистолет могли запросто убить. Кстати, рядом с планетарием одного милиционера как раз и убили. Просто чтобы забрать табельное.

DJ Лавски (Константин Петров): В планетарии получались иногда очень странные вечеринки. Как будто они были специально заточены под пацанов. Там были тусы, когда “ребята с нашего двора” чувствовали себя королями ситуации. Очень скоро это был уже полностью их клуб, во всех смыслах. Допустим, я приходил играть и на мне была куртка “Адидас”. Так на входе охранники могли издеваться надо мной

и не пускать в клуб, потому что я одет в спортивную одежду.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): Еще я пробовал устраивать вечеринки в помещении Ленинградского Рок-клуба. Я тогда познакомился с парнем по фамилии Тарнавский и с его компанией. У них был собственный очень качественный аппарат. И мы вместе стали устраивать вечеринки. Но эти вечеринки нельзя сказать, чтобы были очень уж успешные. Просто тогда был действительно самый разгар бандитизма. Я помню, одни бандиты назначили стрелку другим бандитам ровно напротив входа в Рок-клуб. Они встретились в час ночи и устроили реальную пальбу. Как в кино – одна бригада стреляла в другую. В ход шло все: помповые ружья, пистолеты... Пули рикошетили от стен и машин. А случайные прохожие лежали в лужах и боялись поднять головы. Вообще, на вечеринки начала 1990-х приходили только две категории людей – либо бандиты, либо модная молодежь. Другой публики не было. Причем для модников это было, конечно, серьезное испытание, потому что огрести можно было на ровном месте. Как-то мы делали мероприятие в кинотеатре “Колизей”. В очереди в бар там стояло несколько человек, и среди них мой знакомый музыкант, очень вежливый человек. Ну в очереди в бар всегда можно кого-то случайно толкнуть, ведь правда?.. Ничего страшного в этом нет. В общем, этот музыкант нечаянно задел какого-то уродца, а тот, недолго думая, одним ударом свалил его с ног. Сломал парню челюсть. И такое происходило сплошь и рядом. Поход на вечеринку в то время – это был реальный экстрим.

ДЖ Лавски (Константин Петров): Первый скачок произошел, когда криминальные структуры узнали про рейвы. Году в 1992-м я порой даже раздумывал: может, плюнуть и сегодня никуда не идти? Потому что возможность оказаться после вечеринки в травмпункте была очень велика. Могли просто подойти: “Ты че здесь стоишь?” – и бах в голову! Или, например, ты скачешь, танцуешь, а эти люди в упор на тебя смотрят: “Ты че, пидор?!”

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): Был такой парень, кикбоксер... я сейчас уже не помню, как его звали. Кроме того, что он был кикбоксер, он был еще и модник. И он тусовался у нас на Фонтанке. Когда в планетарий начали приезжать бандиты, мы стали нанимать ментов. Они стояли у дверей и говорили: “Это частное мероприятие. Извините, но вам вход закрыт”. А потом этот кикбоксер предложил свою помощь. Так и так, говорит, могу обеспечить охрану твоего мероприятия. Ну и обеспечил... Пришел, а с ним еще человек десять. Через полчаса после начала вечеринки я подошел к входу, смотрю, а эти бандиты щемят какого-то зяблика. Я говорю: “Вы что себе позволяете?” А они: “Чего-о-о?! Ты на кого рыпнулся?!” Эти бандиты пришли на вечеринку не охранять посетителей, а просто развлекаться. То есть вместо того, чтобы нас защитить, парень просто стал бесплатно проводить своих приятелей. Я отказался от его услуг, и через какое-то время этот кикбоксер ввалил с братвой уже прямо на Фонтанку. Ну мы ведь его знали, дверь приоткрыли, а вбежала целая ватага: “Вы кому платите? Теперь под нами ходить будете!” Ну и все в таком духе.

ДЖ Лавски (Константин Петров): Страшно было всем – организаторам, работникам, посетителям. На вечеринке просто могли убить в прямом смысле слова. Ни за что. Можно было прямо на вечеринке очень серьезным образом попортить себе здоровье, если начать, например, идти на принцип или еще что.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): В начале лета 1993-го в планетарии появились люди, которые сказали: “Мы это место арендовали. Здесь будут клуб и казино...”

Собственно, так появилось чудовищное бандитское место “StarDust”. У них была какая-то война с соседним казино, которое находилось в здании Мюзик-холла. Закончилось тем, что из трех учредителей двоих убили.

DJ Слон (Олег Азелицкий): Хороший пример, который характеризует то время. Мне DJ Майкл Пуго рассказывал, что играл где-то в те времена, и человек, заказывая песню, так подтянул его к себе, что просто оторвал ему капюшон от кенгурухи. Тогда разговор был короткий.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): В общем, из-за всех этих разборок мы передвинулись в бассейн при Институте инженеров железнодорожного транспорта. Это очень красивое здание прямо напротив станции метро “Горьковская”. Один мой знакомый ходил туда заниматься плаванием и как-то сказал: “Сходи посмотри, там классное помещение”. Там действительно оказалось здорово. Я подошел к директору. А тогда время было очень свободное. Все хотели зарабатывать деньги, туда-сюда... В общем, директор согласился, чтобы мы устраивали в его бассейне мероприятия. Назывались эти вечеринки “Акваделик-party” и проходили каждую неделю на протяжении всего лета 1993 года.

DJ Слон (Олег Азелицкий): А я работал в том же самом Институте инженеров железнодорожного транспорта сторожем. У меня была собака, кавказская овчарка. Она все сама обходила, а я постоянно спал. Потом уборщицы ругались, что собака их пугает.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): На “Акваделиках” все было устроено просто. В бассейне есть зал сухого плавания, который находится в отдельном помещении. Точнее, он отгорожен от бассейна таким невысоким заборчиком. Так вот там мы устроили танцпол. Но если люди хотели купаться, им надо было просто переодеться, и можно было нырять в бассейн. Ну а колонки мы там поставили везде, так что можно было танцевать и прямо в воде.

DJ Лавски (Константин Петров): Все были в купальных костюмах, плавочках, купальничках. А если не в купальничках, то летели в бассейн прямо в чем есть. Приходили на вечеринку, заходили в раздевалку, переодевались и шли купаться. На этих вечеринках было не то что небезопасно, там было просто страшно. Там ходили такие рожи, что сегодня и не представишь.

Олег Азелицкий (диджей): Мне рассказывали, что на одном “Акваделике” такой персонаж Игорь Борисов зашел в бассейн и случайно выронил вставную челюсть. Потом ее водолазы искали.

DJ Re-Disco (Денис Медведев, участник группы “2ва Самолета”): Вечеринки в бассейне закончились, когда в бассейне кто-то утонул. Парень закинулся всем, чем только можно, плюхнулся в воду, и там у него остановилось сердце. Его еще и нашли не сразу. А когда труп выносили, девушки возмущались: “Эй, а че музыку-то выключили?!”

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): На одной из осенних вечеринок, так же как и в планетарии, появились прибандитченые люди, которые решили, будут смогут устраивать такие мероприятия и сами. В смысле без меня. Они провели то

ли одну, то ли две вечеринки. А так как они были бандиты, то в какой-то момент парни очень жестко наехали на дирекцию. Причем даже не бассейна, а всего института. Дирекции это совсем не понравилось, и любые мероприятия в бассейне были тут же запрещены.

DJ Массаш (Александр Массальский): Вечеринки было легко проводить. Всегда было очень много народу. Так как вечеринок было немного, народ ходил на все подряд. Прогореть было фактически невозможно. Мы вот, например, устроили вечеринку в цирке. Там были акробаты и всякие перформансы, а люди танцевали прямо на манеже. Мы пришли к директору цирка и сказали: “Мы художники. И хотим провести у вас ни на что не похожее мероприятие, которое называется рейв. В Европе сейчас миллионы людей ходят на эти рейвы. Ваш цирк как нельзя лучше подходит для такого события”. Денег у государственных учреждений тогда не было. В цирке и в других подобных местах начальство быстро соглашалось на любые наши предложения.

DJ Слон (Олег Азелицкий): И после вечеринки в цирке несчастные хищники – львы, тигры и волки – очень громко и протяжно выли.

DJ Кома (Алексей Дунаевский): Для меня самый важный рейв 1990-х – это приезд Джефа Миллса. Даже не помню, в каком году это было. Миллс меня просто вскрыл. Это был фантастический трип от музыки. А так, впечатление от мероприятия напрямую зависит от того, с кем я туда ходил. С какой компанией. Хорошее мероприятие – это значит, что я нашел себе хороших собутыльников.

Павел Стогар (промоутер): А я как-то делал концептуальную вечеринку “Турбо” в павильонах “Леннаучфильма”. Народу там было! Просто плотняк был народу! Не пройти было. Играли Зорькин, Компас-Врубель, Слон и Демидов. Там был отличный антураж. Все-таки это был павильон киностудии. Мы набрали у них кучу ненужных декораций. Например, диджей играл в гигантских руках. Там были две огромные ручки, прямо до потолка, и между ними стоял диджей. Одна рука зеленая, другая – синяя. Единственная проблема: пол был застлан картоном, и, когда люди начали танцевать, картон тут же превратился в пыль. Пыль просто висела в воздухе, даже дым-машина не нужна. Когда включили свет, все охуели.

DJ Слон (Олег Азелицкий): Пластинки, на которых я тогда играл, использовать до сих пор невозможно. Прошло десять лет, а они все еще насквозь пропитаны пылью. Это была самая пыльная вечеринка в моей жизни!

DJ Лавски (Константин Петров): Слово “концепция” в последнее время вообще пропало. Попробуй сегодня объясни кому-нибудь, что у тебя именно концептуальная вечеринка. Сейчас ведь концепция – просто прийти всем в одежде в горошек... или, блядь, во всем белом. Ничего интересного в смысле вечеринок давно не осталось, понимаешь? А десять лет назад было много совсем разных мероприятий в совершенно непригодных местах, а клубов не было вообще. Потому что когда появились стабильно работающие клубы, то веселье от этого просто умерло. Ты знал, что если не успел сегодня, то можешь прийти завтра. А можешь через месяц. Все равно ничего не изменится. Но в начале 1990-х до этого было далеко. Вечеринки тогда делали, кто где мог: в сквотах, во дворцах, в Домах культуры, в кинотеатрах... Каждый раз люди знали: это только сегодня! Завтра ничего, что ты видишь, уже не будет! Ни здесь, нигде, понимаешь? Поэтому все куролесили по полной. Вот это и был рейв! Все только начиналось, и все было нереально прекрасным.

“Штубниц”, “Арсенал”, “Кристалл” (1993—1994)

Денис Одинг (промоутер): Еще мы организовывали вечеринку на немецком корабле “Штубниц”. Когда распродали ГДРовский морфлот, несколько парней выкупили этот корабль, отремонтировали его и превратили в плавучий центр искусств. Летом 1994 года они отправились в тур по портам Балтийского моря. Очень долго стояли в Стокгольме. Потом приехали к нам. От них был куратор – очень милая девушка. Кажется, в итоге мы сделали там четыре вечеринки.

DJ Анжела Шульженко: В трюме “Штубница” играл хип-хоп. Но из-за железных стен больше всего это было похоже на хардкор. Периодически кто-то падал с палубы “Штубница”. Ну и его съедали карликовые невские акулы.

DJ Слон (Олег Азелицкий): Там были какие-то хип-хоп диджеи. Они играли в трюме... От металлических бортов звук отражался, и казалось, будто все фонит. Плюс эти диджеи были очень нечистоплотные – ногами ходили по собственным пластинкам. А у нас как раз был пластиночный голод. И я это запомнил на всю жизнь. У меня всего семь пластинок, я берегу их как зеницу ока, а эти придурки ногами ходят по вилу.

Денис Одинг (промоутер): Странное было время. Все вечеринки были похожи одна на другую. Выступали примерно одни и те же артисты, даже заграничные, ведь никаких контактов наладить мы еще не успели. И все равно ощущения однообразия почему-то не возникало. Каждое мероприятие казалось неповторимым праздником.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): У нас был такой товарищ Валера Ващенко, его еще звали Валера Сказочник. У Валеры всегда было много идей. Он, например, часто говорил, что неплохо было бы сделать что-то на открытой местности. И в какой-то момент мы придумали устроить вечеринку в каком-нибудь музее. Валера съездил в Артиллерийский музей, все осмотрел. И через несколько дней мы уже договорились с администрацией о проведении первого в России оупен-эйра “Арсенал”.

Олег Назаров (промоутер): Кажется, это был вообще первый оупен-эйр в стране. Диджейский пульт стоял на башне танка, а плясали все прямо среди пушек и самоходок, расставленных во дворе Артиллерийского музея. Вход, конечно, был бесплатным. Я помню, после вечеринки Миша не мог закрыть багажник своей “девятки”. Деньги не помещались в машину!

DJ Анжела Шульженко: Очень скоро Миша Воронцов зазнался. Ну да, он был близко к настоящим звездам того времени: художнику Тимуру Новикову, музыканту Георгию Гурьянову. Миша очень этим кичился и перестал подавать руку старым друзьям. Он мог в очень грубой форме сказать: “Ты че, не видишь? Я тут раз-го-ва-ри-ваю!” **DJ Re-Disco (Денис Медведев, участник группы “2ва Самолета”):** А я вообще мало общался с Воронцовым. Воронцов был какой-то замкнутый, с ним сложно. Он стоит таким воробьем, пару слов буркнет, да еще и в сторону, а все остальное время молчит. Кроме того, он ведь почти не выпивает. А когда человек не выпивает, контакт сложно налаживается.

Константин Шевелев (владелец одного из первых магазинов винила):

Первый раз настоящую электронику я услышал в ДК “Маяк” на Галерной. Друзья повели меня слушать DJ Компаса-Врубеля. Я был потрясен. Во вторник в десять часов вечера у входа стояло несколько тысяч людей! Ну и под Компаса меня, конечно, накрыло. Сейчас я понимаю, что это был обычный хаус, но тогда это казалось чем-то совершенно необычным.

Олег Назаров (промоутер): Делать вечеринки пытались многие. Но за большие мероприятия брались в основном либо мы с Денисом Одингом, либо Миша Воронцов... После “Арсенала” у Миши были отличные “Кристалл-party” во Дворце спорта “Юбилейный”.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): Тот же самый Валера Сказочник все спрашивал меня: а почему бы не устроить вечеринки прямо во Дворце спорта “Юбилейный”? Там ведь после того, как застрелили певца Талькова, вообще никто не выступал. У них проводились только спортивные мероприятия, да и те нечасто. В общем, “Юбилейный” бедствовал. Я сходил туда, поговорил с администрацией, и так появились “Кристаллы”. Мы устроили, наверное, два или три “Кристалл-party”. Зал поделили на две части: одна была накрыта щитами, другая – льдом. Кто хотел – танцевал, остальные могли прямо там кататься на коньках.

DJ Лавски (Константин Петров): Один раз в “Юбилейном” был какой-то концерт. Играли москвичи – Володя Фонарь, еще кто-то... А я просто притусовывал. И по ходу дела залез по стропилам на самую верхотуру, прямо над диджеями. Залез и лег там. И я запомнил это очень странное ощущение. Все менялось прямо у меня на глазах. То есть было ощущение, будто происходит что-то очень важное, глобальное. Обыкновенный советский Дворец спорта, но это только снаружи. А внутри – музыка, о существовании которой раньше никто и не подозревал. Я почему-то очень хорошо помню ту вечеринку: внизу море людей, диджеи пыхтят над пластинками, а я лежу на самом верху и мне удивительно хорошо. И как-то очень весело.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): Приблизительно в это время стали появляться и первые звезды среди диджеев. В смысле люди, на которых публика могла прийти просто потому, что знала их по имени. Первым профессионально стал играть Женя Грув. Он появился еще в сквоте на Фонтанке. Женя страшно хотел стать диск-жокеем и поэтому часами смотрел, как играют DJЯнис и всякие иностранцы. Для всех нас это была немножечко игра, а вот Женя с самого начала хотел быть профессионалом. Так что скретчить, сводить, разводить (причем делать это качественно) первым в нашей компании и, значит, в стране наострился именно Грув.

DJ Слон (Олег Азелицкий): Рассказывали, что на Фонтанку Грув в самом начале пришел с банкой варенья или грибов и сказал: “Я слышал, у вас здесь музыка, вечеринки. Пустите меня, я хочу играть. Я вам дам варенья, печенья! Вы меня пустите, я буду учиться. У меня есть еще разные банки, я еще принесу!” Назаров потом сказал: “Пустили на свою голову!”

Олег Назаров (промоутер): Женя Грув приехал из провинции и пришел на Фонтанку в школьных брюках и пиджаке от фабрики “Большевичка”. Пришел и говорит: “Что мне надо сделать, чтобы я стал диджеем?” Леха Хаас посмотрел на него и сказал: “Вот тебе две пластинки. Через неделю принесешь мне кассету. Сведи их, туда-сюда...”

Он свел, всем понравилось. Тогда Леша на свои деньги купил ему вертушки и отправил к Янису в Ригу учиться. Тоже на свои деньги. Он сказал Груву: “Мы сделаем из тебя человека, но работать ты будешь только у нас. В промоутерской группе „Танцпол“”.

Разумеется, как только Грув расправил крылья, Леху он тут же послал.

DJ Слон (Олег Азелицкий): Грув приходил к нам в сквот на Обводном. Прибегал и начинал показывать какие-то дурацкие вырезки из иностранных журналов, где было про него написано. В общем, все время хвастался. Его даже за глаза называли Пробка. Потому что он успевал везде. Я помню, в 1993 году в каком-то немецком журнале напечатали чарты Грува. Это устроила Маша Малос, подруга Дениса Одингга. У нее в Германии были знакомые журналисты, ну и она договорилась. И после этого Груву снесло башку... Он ходил по Невскому и каждому, кого встречал, показывал ту статью. Меня он в тот день встретил два раза и оба раза показал эти свои чарты...

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): В апреле в “Юбилейном” должна была состояться очередная “Кристалл-party”. Там должен был играть DJ Грув, а также представитель старой школы DJ Матик и прибалтийская звезда DJ Янис из Риги. Плюс еще была такая группа “Not found”. А больше диджеев не было. Не только у меня – нигде! В то время по всей стране диск-жокеи от силы восемь человек. И за несколько дней до мероприятия мы по какой-то причине с Грувом поссорились. Не помню из-за чего, но играть в тот вечер он, в общем, не стал. То есть теперь мне предстояло проводить вечеринку, для которой не было достаточного количества диск-жокеев. И я решил, что отыграю сам. Я отобрал у Грува свои пластинки и вертушки, стал учиться и где-то через неделю понял принцип: одна пластинка убегает, другая расходуется. Вот бас, вот бит... Я достаточно быстро все понял. А дальше – уже дело техники. Чем больше играешь, тем лучше получается.

Тем временем в других городах: Ярославль, Москва, Пермь (1993—1994)

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): Впрочем, через какое-то время мы помирились, и я решил организовать Жене самые первые гастролы в его жизни. Дело было так.

В 1993-м Андрей Хаас устраивал в Москве вечеринку с британской звездой Марком Каммингсом. Называлась она “Пирамида” или что-то в этом роде. Сама вечеринка проходила в Московском доме кино. Тогда там работал рестораник. Те, кто устраивал вечеринку, арендовали на “Радио Максимум” пару вертушек, но только не учли, что там не было нормальных слипматов... ну, вот этих ковриков, которые подкладывают под пластинки. Там были простые резиновые “блины”. Марк Каммингс, когда увидел все это, сразу отказался играть и ушел. А ему там наливают: водка, кокос, то-се, пятое-десятое... Ну, через некоторое время он пришел в нормальное состояние и решил-таки поиграть. Он положил на эти дурацкие “блины” гору салфеток и так выступил. Но так как он был в дюпель пьян, то никого особенно не впечатлил. Еще в мероприятии участвовал москвич DJ Фонарь. Ну это было и вообще смешно! Особенно мне, я ведь на тот момент уже всю игру сам. Фонарь играл на бобинах, и все это по меркам Петербурга не лезло ни в какие ворота. В Москве тогда люди и приблизительно не представляли, как может выглядеть нормальная вечеринка. Даже слабенкое мероприятие с Каммингсом всех настолько впечатлило, что сразу после него хозяева ресторана в Доме кино решили переориентироваться и открыли у себя в помещении клуб “Арлекино”.

DJ Фонарь (Володя Фонарев): А мы тем, что происходило в Петербурге в начале 1990-х, мало интересовались. Своих дел хватало.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): В общем, посмотрев на все это, я решил привезти в Москву самого крутого питерского диджея – Грува. Просто чтобы показать москвичам, как надо играть. Он тогда уже всю скретчил и вообще здорово выступал. Правда, все пластинки, которые играл Грув, и вертушки, на которых он тренировался, были мои. В конце концов, я ему все это продал. И вот мы с ним поехали в Москву. Я отвез его в клуб “Jump”. Перед Грувом играли Fish, Spider и Фонарь. Играли они стук в стук, да и с музыкой у них было грустно. Ребята ставили “Dereche Mode” и вообще все подряд... Плюс в то время москвичи еще и играли как додоны – никакого артистизма. Разве что Фонарь, этот хоть улыбался. В общем, выглядело все это так себе... а потом вышел Женя. Радостный, живой, со своим хаусом! Он был там настоящим богом! Именно он, а никакой не Марк Каммингс показал москвичам, как надо играть. После этого все московские диск-жокеи зачесали репу, а Фонарь даже купил себе вертушки и пульта.

DJ Фонарь (Володя Фонарев): Грув с самого начала позиционировал себя как мегазвезда. Он приехал со своими вещами и показал действительно высокий уровень мастерства. Все остальные тогда играли, в общем, как могли. **DJ Лавски (Константин Петров):** В самом начале 1990-х в Москве было просто раздолье для диск-жокея. Клубов почти не было, но были какие-то вечеринки. И главное, никакой

конкуренции среди диджеев.

ДЖ Лена Попова: В Москве вообще не было техно. Это мы его туда завезли. То есть там были диск-жокеи, но они постоянно ездили в Петербург, потому что дома играть им было негде. Техно-клубов там просто не было. Даже через семь лет московские техно-диджеи приезжали к нам и просили: “Ну Лен! Ну пожалуйста! Нам играть негде, а-а-а! Дай нам выступить в „Тоннеле“, а?” Хныкали, плакали – несчастные москвичи.

ДЖ Дэн (Андрей Котов, участник группы “Мальчишник”): С Грувом я познакомился на его первом выступлении в Москве. Играл он, конечно, круто, хотя на самом деле по технике мы были с ним, может быть, на одном уровне. Просто я тогда очень стеснялся. Вот странно, да? В группе “Мальчишник” звучали очень провокационные тексты, и при этом я всегда был действительно скромный парень. В общем, Грув приехал к нам в Москву, и на почве любви к ломаным ритмам мы с ним сошлись. Стали двигать брейк-бит в массы. Один раз ребята из нашей группы над Грувом пошутили. В модной музыкальной программе “50?50” мы сказали, что едем в тур и нам срочно нужны танцовщицы. И дали домашний телефон Грува, он тогда уже жил в Москве. Грув офигел! На автоответчике были запредельные сообщения: “Я отсосу твой хуй!”, “Возьми меня раком!”. Грув сначала вешался, а потом просто перестал подходить к телефону.

ДЖ Лена Попова: Московские диск-жокеи – это, в общем-то, очень особая публика. Им, например, всегда нравилось перекармливать малолеток таблетками, а потом затащить куда-нибудь. Насколько я понимаю, это интересовало их чуть ли не больше, чем сама музыка. Они даже не скрывают этого до сих пор. Это как спорт, понимаешь? А вот у кого таких малолеток будет больше? Но в самом рейве этой дряни изначально заложено не было.

ДЖ Бумер (Федор Крылов): Я в те годы жил в Перми, но постоянно ездил в Москву на вечеринки. Как раз к тому времени открылась дискотека “Jump”. Но мы там не выступали, это было нереально. Мы из другого города, в Москве никого не знаем. Кроме того, мы не могли остаться надолго – существовали ведь определенные финансовые моменты. Ты приезжаешь, где-то надо остаться переночевать. Лично я где только не спал: начиная от подъезда и заканчивая гостиницами в Электростали за двадцать или за двадцать пять рублей.

ДЖ Лена Попова: А я сначала жила на юге страны, в Краснодаре, а потом оттуда переехала в Ярославль. И как-то там проходил фестиваль “Джаз на Волге”. В Ярославль приехали петербургские звезды: художник Кирилл Миллер, работавший с группой “АукцЫон”, режиссеры-некрореалисты, какие-то музыканты... Я числилась сотрудницей “Молодежного центра”, и нас попросили помочь с организацией фестиваля. С ребятами из Петербурга все мы быстро сдружились, и они мне говорят: “Чего ты тут делаешь? Поехали в Питер!” Я сорвалась и переехала жить в Петербург. С тех пор здесь и живу.

ДЖ Бумер (Федор Крылов): В конце 1980-х в Перми у меня была отличная жизнь. Я просыпался, с утра бежал пробежку десять–пятнадцать километров, потом шел на тренировку. А после тренировки я общался с неформалами. Дело в том, что тогда молодежь не делилась по стилям. Все было предельно просто: либо ты неформал, либо гопник. И я был самым лютым неформалом. Таких как я в Перми, считай, вообще не было. В то время у меня были проколоты все уши и брови. А это было

просто нереально круто. Каждый гопник хотел меня избить, для них я был враг номер один. Мы тусовались на центральной пермской площади, и бить нас постоянно приходили какие-то гопники. Они подходили и начинали свои незамысловатые разговорчики: “Ты че? Охуел? Или че? Че такой борзый?”

В те годы в Перми существовал собственный рок-клуб. Он принадлежал друзьям моего брата. Иногда в этом рок-клубе я проводил хип-хоп вечеринки. Там собирались нереально крутые, модные ребята, и мы танцевали брейк-данс. Кроме того, я фарцевал. Мой дом располагался около гостиницы “Интурист”, в самом центре Перми. Иногда мы покупали у интуристовского завскладом кока-колу и сдавали ее на рынок. Для того времени на этом можно было сделать очень неплохие деньги.

Бедность ведь была просто запредельная. Футболку, джинсы “Levi’s” или там какую-то нормальную вещь иметь – это было нереально. Чтобы ее купить, надо было горбатиться несколько месяцев. Ну а я был состоятельным молодым человеком. По тем временам у меня была гигантская коллекция кроссовок “Nike” и “Reebok”. Со шмотками у меня всегда все было в порядке.

Первый раз танцевальную электронику я услышал, когда попросил друга записать мне какого-то нового рэпа и там на видеокассете попало несколько электронных треков. Тогда ведь везде были видеопрокаты, и нужно было просто попросить: “Сделайте мне дописку”. То есть после какого-нибудь фильма со Шварценеггером тебе дописывали музыкальную передачу или концерт. Эти дописки я смотрел куда внимательнее, чем сами фильмы. Одной из дописок была программа про хип-хоп, и там было выступление DJ GRAND MASTER FLASH. Я посмотрел и чуть не сошел с ума. Эта кассета стала моей библией.

DJ Лена Попова: Я переехала в Петербург, стала ходить на вечеринки и открыла для себя совсем иной мир. После всех этих дискотек, медленных танцев с прижиманием, после вечного брачного периода и девушек на каблуках я вдруг увидела что-то совсем другое. Настоящую-то электронную сцену от всего остального (например, от кабака) отличает как раз абсолютная асексуальность. То есть желание нравиться людям противоположного пола, конечно, присутствует и здесь, но внимание на этом никто не акцентирует. Рейв сразу показался мне очень чистой идеей.

DJ Бумер (Федор Крылов): А я стал все больше времени проводить в Москве. Мы с приятелями тогда очень много танцевали. Из Перми мы постоянно ездили тусоваться на Арбат. Я очень серьезно увлекался танцами и на одном из танцевальных сейшенов познакомился с DJ Funky. А потом еще с кем-то... В общем, постепенно обзавелся приятелями среди московских диск-жокеев.

DJ Лена Попова: Чтобы хоть как-то выжить в Петербурге, чем я только не занималась, и одно время даже пыталась работать барменом. Закончила курсы, получила удостоверение бармена и пришла устраиваться на работу. Там сидели двое здоровых негритосов, которые сказали: “Для вас, ребята, мы не Тони и не Вася, а мистер Тони и мистер Вася! Так нас отныне и называйте!” Услышав про это, мои друзья, воркутинские бандиты, сказали: “Лена, ты очумела? Сколько денег тебе там будут платить? Сто долларов? Давай эти бабки будем платить тебе мы. Только не надо работать на черных!” (Смеется.)

DJ Magic В (Василий Борисов): В Москве можно было жить за счет диджеинга почти с самого начала. Платили нормально. Если сравнивать со средней зарплатой

обычного постсоветского служащего, было даже очень неплохо. Потом, когда начался ранний расцвет бизнеса и бандитизма, ориентиры, конечно, сменились. Появились люди с мобильными телефонами размером с чемодан. Они ездили на страшных “мерседесах”, и по сравнению с ними диджей получали просто смешные деньги. Хотя в принципе с деньгами в Москве было всегда неплохо.

DJ Лена Попова: У меня есть собственная теория, почему электронная музыка так активно развивалась в Петербурге, а в Москве развиваться так и не смогла.

Дело в том, что в Москве диджеям с самого начала платили, и диджей стали относиться к этому как к нормальной профессии. Москва не смогла пойти дальше ресторанов для состоятельных клиентов именно потому, что состоятельные клиенты были в состоянии заплатить диджеям за то, что им хочется послушать. И диджей им это ставили. А кто хотел не просто менять треки, а делать что-то свое, тут же вылетал в андеграунд и дальше мог играть только за бесплатно.

В Питере ситуация другая. Здесь у людей больше свободы как раз потому, что меньше денег. В гламурном клубе ты играешь или не в гламурном – бабок-то в любом случае тебе никто не даст. А раз так, то какой смысл играть музыку, которая тебе не нравится? И соответственно ни в каком ресторане петербуржцы никогда не играли. Вместо этого они просто взяли и открыли самый первый в стране нормальный техно-клуб. Место, которое нравилось не клиентам, а им самим.

Сейчас я смотрю, у нас в городе тоже завелись всякие гламурные клубы. Но, на мой взгляд, это смешно. И конечно, никакого отношения к электронной сцене это не имеет. Полные мужчины в обтягивающих футболках “Dolce&Gabbana” со своими двадцатилетними подругами, у которых силикон уже не помещается... Самый первый петербургский клуб выглядел абсолютно иначе. Просто абсолютно иначе.

Открытие транс-клуба “Тоннель” (1993—1995)

DJ Лена Попова: В 1994 году я уже жила в Петербурге на набережной Фонтанки. Не в том доме, где Хаасы, а рядом. Сначала жила одна, и у меня была целая квартира. Потом Анжелке Шульженко тоже стало негде жить, и мы с ней взломали еще одну квартиру. Так что у нас стало две квартиры. Потом еще кто-то подселился, потом еще кто-то... Ну и как-то заселили весь подъездик...

К тому времени лучшие времена Фонтанки были давно в прошлом. Жизнь пошла тяжелая. Ну, чисто физически. Холодно, никаких удобств, с потолка штукатурка падает. Неожиданно оказалось, что мои лучшие друзья (кто бы мог подумать?) – воркутинские бандиты. Вот они меня в беде не бросали. А беда случалась постоянно.

Местная малышня повадилась залезать в квартиры через слуховые окна и черные ходы... Место было такое, что на секунду нельзя было зазеваться. Я однажды пришла, смотрю: мои вещи лежат на моем же велосипеде. Аккуратно так сложены. А сам велосипед стоит прямо у выхода. Я рванула к черной лестнице, поняла, что вот буквально секунду назад ребятя разбежалась. Там был лист железа отодран, и они прямо через это окошечко ко мне в квартиру и влезли.

Кончилось тем, что пришел ОМОН и всех выгнал. Фонтанка закрылась. К тому времени жить там все равно было уже невыносимо. Самый знаменитый сквот города перестал существовать. Жалко, конечно. К тому времени мы уже провели воду, поставили туда телефоны, как-то обосновались. Если сейчас вспоминать, отличное у нас там было жилье.

DJ Слон (Олег Азелицкий): Почти тогда же закрылся и сквот на Обводном канале. Как-то мы устраивали там вечеринку, на которую пришло много панков. Во главе с легендарной группой “Пупсы”... Это было летом, и панки сломали нам кран с горячей водой. Но летом-то горячей воды нет, поэтому поломку никто и не заметил. Потом мы все разъехались – кто куда. Массальский вместе с нашим другом Денисом уехал в Швецию и привез оттуда модный микроавтобус. А когда к осени мы все подтянулись назад, то смотрим: вода из крана прорвалась, и мы залили всех на несколько этажей вниз. Приходим домой, а к двери нашей квартиры прикреплена записка: “Зайдите в кафе на первом этаже”.

Мы приходим и понимаем: о-о-о... зря мы сюда поперлись. Не надо было сюда приходиться. Дорогущая мебель, кожаные куртки, бритые затылки... Чуваки мнут кулаки и мрачно так нам говорят:

– Вы нас залили. Что делать-то будем? Кажется, теперь вы должны лимон.

Что на такое можно ответить? Откуда у нас лимон? Они бы стали и жестче с нами говорить, но тут чувакиразглядели наш микроавтобус. Таких тачек в городе тогда не было, наверное, вообще ни одной. И ребята вдруг перестали понимать, как именно вести с нами разговор. Если мы ездим на таком замечательном шведском микроавтобусе, то, может, не стоит нас совсем-то прессовать, а?

Ну мы говорим:

– Мы – художники. Мы вам сами ремонт сделаем.

– Хорошо, сделайте. А автобус не продаете?

– Нет, не продаем!

Мы по-честному собирались все им починить. Даже купили какие-то краски. Но потом подумали – ну, на фиг! Лучше нам в то кафе все-таки не ходить. В общем, из этого сквота мы сбежали. Тайком забрали с Обводов аппаратуру и просто скрылись. В сентябре 1994-го Обводный перестал существовать. Тогда сквоты по всему городу уже начали умирать.

DJ Лена Попова: Последним выжившим сквотом стал огромный художественный центр на Пушкинской, 10. Я тогда дружила с Женей Дебилем и всей его компанией кинорежиссеров-некрореалистов. У них на Пушкинской была свободная комната. Вместе с Адрианом Аникушиным (внуком знаменитого скульптора Аникушина) мы расчистили эту комнату, превратили ее в мастерскую, и примерно два года я там прожила. Спонсировали нас студенты-иностранцы. Тогда, кстати, двадцать долларов были очень приличные деньги. Я помню, как-то на двадцать долларов мы купили четыре ящика вина. Недорогого, конечно, но, чтобы убраться, хватило. Кроме того, я организовывала на Пушкинской первые ночные вечеринки. Наш музыкальный формат заключался в том, что мы приглашали группы “два Самолета”, “Пупсы” или “Колибри”, и они в акустике там херачили. Но это все равно был рейв. Потому что рейв – это любой шабаш-угар. Ночных клубов ведь еще не существовало, и приходилось как-то выходить из положения.

Денис Одинг (промоутер): А мы с Олегом Назаровым думали об открытии собственного клуба уже давно. Еще в 1992-м Олег гостил у своей девушки в Гамбурге. Он приехал оттуда и сказал, что немецкие клубы расположены в основном в военных бункерах. И мы стали искать бункер. Мы достаточно много их осмотрели, пока брат не сказал мне, что видел очень неплохой на Зверинской улице.

Олег Назаров (промоутер): До этого мы проводили вечеринки, и это было не очень рентабельное занятие. Денег с друзей мы не брали, а если приезжали менты, проблем было столько, что не разгребешь. Ну мы и решили, что неплохо было бы открыть постоянное место. Ни проблем с ментами, ни проблем со сбором оплаты за вход!

Мы стали искать людей, которые дали бы нам на все это денег. Сперва думали взять у москвичей. Была такая компания: Женя Бирман, Иван Салмаксов и Кирилл Фролов. Они принимали участие в организации первой “Гагарин-party”, а потом занялись московскими вечеринками “Мобиле”. Эти ребята пообещали, но никаких денег нам так и не дали. Они тянули, тянули... время шло, а денег все не было. И тут нам говорят, что братья Хаасы купили новый комплект звука. И как раз в это время Фонтанка закрылась. Ну мы и предложили Хаасам сделать клуб вместе.

Денис Одинг (промоутер): Бункер принадлежал заводу имени Кулакова. Но мы сначала об этом не знали и пошли спрашивать в военкомат. Оттуда нас выгнали: “Вы бы еще в шахте атомной ракеты танцы устроили!” Мы все равно как-то выяснили про этот завод, а там как раз сменился директор. Предыдущий умер, а новым стал главный инженер. И мы начали с ним переговоры.

Тогда вообще клубов не существовало. Новый директор не очень понимал, о чем идет речь. Поэтому мы описывали свое будущее заведение как такой неформальный

театр, галерею, молодежный центр. В общем-то, это было почти что правдой. Переговоры длились год. Сначала у них было предложение от китайцев: построить над этим убежищем медицинский центр. Потом хотели сделать там торговый центр. Но из планов ничего не вышло, и в конце концов директор заключил с нами договор о совместной деятельности. Мы договорились, что они будут получать процент от прибыли. Он потом даже приходил на открытие. Это вообще был очень адекватный, открытый, доброжелательный человек.

Мы подписали с ним все документы и стали оформлять помещение. Модельер Татьяна Парфенова тогда как раз делала у себя в мастерской ремонт, и оттуда нам досталось много деталей интерьера. Они выкидывали, а мы подбирали. Решетки, которые закрывали диджейскую, – это как раз оттуда. Ну, еще отец Назарова на своем заводе сделал стойку.

DJ Кузьма (Андрей Кузнецов): После домашней Фонтанки и домашнего Обводного, где все друг друга давно знали, вдруг появился клуб. И появилось очень много новых людей. Раньше мы их не знали, но они были нормальные, здоровые, позитивные... Среди этих людей я, кстати, встретил девушку своей мечты, но тогда подойти к ней не решился. Познакомился с ней только девять лет спустя.

Олег Назаров (промоутер): Хаасы для первой вечеринки купили лазер. А в то время лазер казался таким удивительным чудом техники. Даже по западным меркам это было очень круто. Тогда мало в каком клубе был лазер. Правда, я помню с ним были какие-то проблемы, кажется, оторвался шланг и залило весь туалет. Просто это был лазер водного охлаждения.

Денис Одинг (промоутер): У нас было помещение, а больше у нас ничего не было. У Хаасов был аппарат, а тут еще один мой знакомый американец согласился нас как-то профинансировать. Ну и все срослось!

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): На первый “Тоннель” были потрачены смешные деньги. Когда через семь лет открывали вторую реинкарнацию “Тоннеля”, было потрачено уже четыреста тысяч долларов. А если бы его стали открывать сейчас, это стоило бы не меньше чем полтора миллиона. Но в 1994-м уложились в сумму, которую сегодня смешно даже вспоминать.

Олег Назаров (промоутер): Две тысячи! Чтобы открыть клуб, нам понадобилось всего две тысячи долларов! Вся смета проекта составляла две тысячи баксов! Вместе с рекламой, арендой и покупкой первого алкоголя! **DJ Слон (Олег Азелицкий):** 7 мая 1993-го открылся первый в стране техно-клуб “Тоннель”. Помещение нашли Одинг и Назаров, а у Хаасов к тому времени уже были какие-то проблемы с Фонтанкой – все закрывалось и разваливалось. Зато у них был свой звук, ну и парни все это как-то совместили.

DJ Кома (Алексей Дунаевский): “Тоннель” стал первым и единственным настоящим клубом. Потому что клуб – это ведь не напитки в баре, плюс диджей и вертушки. “Тоннель” стал легендой, потому что там происходили самые главные вещи на свете. В то время техно ведь было предметом культа. Это не обсуждается, это техно! В каком бы состоянии диджей ни вышел за вертушку, как бы он ни сыграл, что бы он ни сыграл, если это диджей, который зарекомендовал себя как техно-диджей, – это бог! Даже если техно-диджей играл не техно, а какой-нибудь хаус. Мне в том году было интересно только техно, причем не меньше чем сто тридцать пять ударов в минуту.

Под DJ Демидова я провел на танцполе четыре часа. Не просто слушал, а по-честному все отплясал. Я не уходил и четыре часа подряд скакал под потолок. Сегодня, кто бы ни встал за вертушки, я просто физически не смогу так прыгать. И ощущения от вечеринки сегодня у меня уже не те. Тогда все мы были моложе, и те незабываемые ночи останутся со мной навсегда. Прошло чуть ли не пятнадцать лет, а я до сих пор могу закрыть глаза и воссоздать в себе те чудесные ощущения.

Первые русские диск-жокеи (1995)

Олег Назаров (промоутер): На открытии “Тоннеля” играли два модных французских диджея Laquation и Дидье Синклер. Они, кстати, до сих пор крутые... Их тогда привез парень по имени Эрик, сейчас у него своя студия в Париже... Каких-то чуваков подтягивал Леха Хаас. Но в общем играть первое время было некому.

DJ Слон (Олег Азелицкий): Вход в “Тоннель” стоил поначалу тридцать тысяч неденоминированных рублей.

Олег Назаров (промоутер): Я сейчас уже не помню, сколько стоило войти в клуб. Деньги ведь так часто менялись... Но это всегда стоило от шести до десяти долларов.

Денис Одинг (промоутер): Клуб открылся, но играть там было некому. Поначалу в “Тоннеле” играли сами Леха и Андрей Хаасы. Был еще Грув, но он приходил к нам нечасто. К тому времени Грув уже четко понимал, что хочет жить в Москве.

Олег Назаров (промоутер): Резидентами в “Тоннеле” стали все, кто хоть немного умел играть. DJ Матик не был резидентом, зато очень хорошо чинил вертушки. За это мы давали ему иногда поиграть. Ну а так, кто умели, все и играли. Юджин, Залогин, Гаврила, Адельсон, Воронцов, Леха Хаас...

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): Собственно, до открытия “Тоннеля” диджеев было совсем мало. Я тогда приехал из Лондона и привез с собой штук сто пластинок. К тому времени я уже делал все как надо. И когда слышал в “Тоннеле” Залогина или Гаврилу, то, конечно, улыбался, потому что они играли из рук вон. Не сводили, а играли конец в конец: один трек у них заканчивался, а другой после этого начинался. Звучало это довольно смешно.

DJ Кома (Алексей Дунаевский): Мне очень запомнилась вечеринка в плавучей гостинице “Паллада”. Кажется, это был 1995 год. Там выступало несколько диджеев и групп, но я пошел только из-за Воронцова и еще из-за DJ Спайдера. Воронцов тогда мне очень нравился. То, что он играл, все тогда называли “какой-то транс”, но это было совсем не то говно, которое сейчас называется трансом. Это был супер-транс! Именно на той вечеринке я решил, что буду диджеем. Я вошел внутрь, а там одни обдолбанные бандиты. Просто вечеринка криминалитета! Мне было как-то не по себе, но когда я увидел, как играет Воронцов, а после него еще и DJ Фонарь, – мне стало на все наплевать. Меня просто накрыло. Я никогда – ни до, ни после – не испытывал от музыки ничего подобного.

DJ Лена Попова: Первый раз я играла, кажется, в сентябре 1994-го. Тогда я жила у искусствоведа Андрюши Хлобыстина и как раз собиралась переезжать в сквот на Пушкинской. Андрей был в меня влюблен, и хотя у нас ничего не было, но его жена об этом знала, потому что я у них жила. Это была очень серьезная интрига, ходили самые разные слухи. И вообще все это было достойно сериала или романа.

Ну вот. В тот вечер перед моим самым первым выступлением мы сидели и выпивали. На шее у меня висел амулет, найденный в какой-то археологической экспедиции. Это был такой скифский знак солнца. Я потом видела похожие в Кунсткамере. А в гостях у Андрея сидел очередной сумасшедший... Он был помешан на какой-то языческой религии, и когда по пьяной лавочке увидел мой амулет, то очень завелся. Он

бросился на меня и просто сорвал его с шеи. А я и так на нервах перед выступлением, а тут еще этот придурок срывает у меня с шеи медальон. Ну, в общем, завязалась потасовка, и ушла я в слезах, а в “Тоннель” пришла уже совсем никакая. Но тем не менее от первого выступления никто меня не освободил. Я вышла и отыграла часа полтора.

Недавно те же пластинки, что и тогда, я играла на вечеринке у Феди Бумера. Они очень быстрые – сто шестьдесят ударов в минуту. И теперь я всегда играю их на “минус восемь”, то есть замедляя скорость. А тогда, помню, я играла их на “плюс восемь”, то есть совсем жестко. Ритм был такой, что следить не успеваешь. Ну что тут скажешь – время было такое. Жесткое.

DJ Бумер (Федор Крылов): Я очень часто ездил в Финляндию и покупал пластинки для себя и для большого количества диск-жокеев. И отчасти я жил на деньги от продажи пластинок. То есть я привозил пластинки, а люди потом приходили ко мне домой, чтобы купить то, что их интересует.

DJ Слон (Олег Азелицкий): С пластинками была засада. Были люди, которые привозили пластинки. Мы с ними общались так. Я звонил и спрашивал:

– Сколько у тебя?

Чувак говорит:

– Осталось десять!

Я говорю:

– Никому не продавай! Беру все!

Я покупал все подряд, не слушая. Пластинки тогда стоили от шести до десяти долларов. Я только на таком уровне разбирался: либо техно, либо хаус. Я брал эти пластинки, отвозил их к себе и тут же начинал слушать. “Так, – говорил я, – здесь у нас какой-то вонючий хаус. Эту пластиночку мы кому-нибудь подарим. А здесь что?” В общем, если из десяти пластинок пять оказывались что надо, то это был праздник.

DJ Анжела Шульженко: В 1993-м я уехала во Францию и накупила там пластинок. Просто так. Я даже не знала, что с ними делать. Думала, для себя, просто потому что музыка нравится. Это сейчас пришел купил пластинок и заявил, что ты диджей. А раньше это было такое почетное звание, что его нужно было еще заслужить. Ну вот я служила-служила и дослужилась. Когда я сказала, что привезла пластинки из Франции и попробую играть, Миха Ворон выпучил глаза: “Ты?! Да ты че? Куда ты лезешь?”

DJ Лена Попова: Я должна была уезжать в Германию, но за день до отъезда очень сильно сломала ногу. Тогда у нас был совместный музыкальный проект с группой “Голубые пидорасы”, мы планировали вместе записать песню. Участие принимал еще художник Вадик Овчинников. У меня даже осталась фотография с Вадиком, помоему его последняя, предсмертная, фотография – через некоторое время Вадик повесился.

В общем, мы сидели на студии, что-то писали, а после студии я побежала в “Тоннель”. Был гололед, я упала и свернула ногу. А так как я была очень пьяна, то совсем этого не заметила. Я пришла в “Тоннель” и влюбилась в Андрюшу Хааса. Когда я уезжала, Андрюша Хаас сказал: “Ну, Леночка, в Германии купи пластинок. Приедешь, мы тебя играть поставим!”

И вот с таким напутствием я отправилась в Германию. И там, как настоящий инвалид, ходила на рейвы с палочкой.

DJ Анжела Шульженко: А я сперва занималась танцами. Тогда многие наши девочки по контракту выезжали за границу танцевать. Ну и я поехала. Меня обещали привезти в респектабельный клуб, а попала... в бордель. Я вышла один раз, потанцевала на сцене, и мне надавали чаевых столько, сколько девушки зарабатывают за месяц. Хозяйевам я сказала:

– Я ни в коем случае не буду делать все, что вы от меня хотите. Я приехала танцевать. Я – солидная артистка больших, малых и академических!

На меня стали давить:

– Мы тебя щас, тра-ля-ля!

Я говорю:

– Делайте что хотите! Но работать я не буду.

Они отвезли меня на вокзал в центре Берлина, бросили там с вещами и с пятью марками в кармане. Слава Богу, паспорт не отняли. А на чаевые от танца я купила себе очень крутые ботинки. В общем, денег не хватило, даже чтобы позвонить. Тогда судорожной рукой я написала своему другу в Париж факс. Вот, мол, я здесь, в Берлине, вообще без денег, но в Россию возвращаться не хочу. Он тут же прислал мне денег, чтобы я доехала до Парижа, но поехала я не в Париж, а на север Германии, в Росток. Просто я позвонила другому своему приятелю, а он говорит: “О! Приезжай сюда! Мы здесь на „Штубнице“, все круто!”

Я рванула в Росток и там, на рейв-пароходике “Штубниц”, зависла сразу на пару недель. Даже умудрилась заработать каких-то денег. Ребята поставили меня навход, я брала плату и ставила посетителям на руки печати.

С тех пор в Европу я ездила именно так: ставила визу на неделю, а возвращалась через полгода. Последний раз, когда уезжала домой, я сказала, что паспорт у меня украли негры на Монмартре. Мне дали справку, и я по этой справке вернулась домой. А в Лондон как-то мы ездили вообще без документов. В Англию очень сложно получить визу, и поэтому нам сделали фальшивые голландские паспорта. Причем мы не могли даже выучить свои голландские имена – их было невозможно выговорить. Но каким-то чудом все равно умудрились проехать. В аэропорту пограничница, думая, что мы голландские девушки, начала что-то спрашивать, а ответила я ей со своим русским акцентом. Но ничего, все обошлось, нас пропустили.

DJ Лена Попова: По-настоящему клубной культуры я хлебнула только в Берлине. Вообще, я никогда специально не стремилась на все эти рейвы. Я ходила туда, куда ходили мои товарищи. Просто когда я оказалась в Германии, то выяснилось, что там, в общем-то, совсем нечем заняться. И мы начали ходить на рейвы. Я сходила один раз. Потом второй. А потом во мне проснулся какой-то такой настоящий интерес... В общем, домой я приехала уже с пластинками. Я пришла в единственный известный мне берлинский пластиночный магазин. За прилавком стояла очень коротко стриженная и крашенная в зеленый цвет девушка. Это была DJ Электрик-Индиго. По-настоящему мы с ней познакомились уже много лет спустя. А тогда она продала мне самые первые пластинки... По тем временам самый передовой край – жесточайший эйсид.

DJ Анжела Шульженко: Очень скоро я начала ездить на выступления в Европу. Впервые в Париже я играла в очень известном клубе: до меня там выступали “Sex

Pistols”, “Rolling Stones” и “The Doors”. Сейчас во Франции дурацкая экономическая ситуация. Пластиночные магазины закрываются, выступают одни черномазые, а из-за того, что франки поменяли на евро, у молодежи совсем нет денег. Но в 1995-м я еще застала расцвет. В самый первый раз я выступала с DJ Ленни Ди. А это мой кумир в мире музыки. Гениальный хардкоровый диджей! И у меня, конечно, ручки тряслись, потому что дома-то я знаю публику. Здесь всегда куча друзей, если что – поддержат. А там я играла перед французами, а они вообще очень привередливые. Я начала играть, смотрю – они все стоят, никто не танцует. Я испугалась. О, думаю, мамamia! А потом через какое-то время поднимаю глаза, смотрю – все танцуют! Вообще все! Думаю: у-у-у-у-yes! Потом подходили, спрашивали, откуда ты, тра-ля-ля...

DJ Лена Попова: Когда я возвращалась из Германии, никто, в общем-то, не знал, что такое DJ Лена Попова. Но все ждали, что я привезу пластинок. Хотя я совсем немного привезла – штук двадцать пять или тридцать. Но на тот момент это было о-го-го сколько! Прямо офигенная коллекция.

Олег Назаров (промоутер): У нас был проект. Мы хотели всех диджеев объединить и сделать резидентами “Тоннеля”. Для этого в “Тоннеле” мы собрали хорошую коллекцию винила, наверное тысячу пластинок или даже чуть больше. Мы поставили на все пластинки печати и сделали договоры, по которым резидентам можно было брать домой не больше определенного количества пластинок. Но коллекция все равно потом расплзлась, пластинки с нашими штампами мы потом находили в каждом городе страны.

DJ Слон (Олег Азелицкий): Я помню, как только мы с Массальским стали резидентами клуба, Назаров сказал: “Сходите посмотрите. У нас там своя коллекция пластинок. Можете взять что-нибудь”. Я прихожу, а там хилая пачка: какой-то рок, еще какая-то фигня... Я говорю: “Олег, а где нормальные-то пластинки? У меня в принципе и свои двадцать пять штук есть, но...”

Олег Назаров (промоутер): Свежие пласты привозили ящиками, сразу штук по восемьдесят. Когда этот ящик приходил, диджеи уже толпились у дверей. Толкались... Нужно было забежать в комнату как можно быстрее и схватить все лучшее.

DJ Слон (Олег Азелицкий): Мне никогда ничего дельного из этих партий не доставалось.

Олег Назаров (промоутер): Тогда было такое время, что покупать пластинки диск-жокеи не могли. Ну сколько мы платили?! Долларов тридцать за час работы. Им на жизнь еле хватало. Поэтому приходилось докупать “пластмассу” за счет клуба, иначе у нас звучала бы одна и та же музыка.

DJ Слон (Олег Азелицкий): Была вечеринка, на которой играли Леха Хаас, Лена Попова и я. И все подряд играли одно и то же, потому что у каждого были только пластинки с лейбла “Superstition”.

Олег Назаров (промоутер): В “Тоннеле” был офис. И все, кто так или иначе считал себя диджеем, вокруг этого офиса ошивались. Там висело расписание. Подходили, пальцем тыкали и кричали: “О! Свободное время! Я буду играть!” Никто ни с кем не созванивался. Тогда ведь сотовых телефонов еще не было.

DJ Лена Попова: Первое время я играла мало. Раз в неделю. При этом даже этих выступлений нужно было ждать. Ты приходишь в “Тоннель”, а там играет маститый по тем временам диск-жокей. И иногда были такие мероприятия, где я просто сидела и ждала, когда мне дадут поиграть. А они разыгрывались и вообще меня не пускали. А

так как я человек мнительный, да еще и девушка, то мне казалось, что это реально какая-то диверсия. Что это прямо заговор какой-то против меня.

Олег Назаров (промоутер): “Тоннель” дал выручку в первый же вечер. Нас было четверо: братья Хаасы, я и Одинг. После первой же вечеринки утром мы поделили выручку. Так дотянули до следующей вечеринки. Там снова собрали деньги – опять поделили. И так все время... Мы не воспринимали это как бизнес. Ну жили и жили. Ничем другим заниматься не хотелось. Тогда все были беспшашные, молодые...

Транс-клуб “Тоннель” (1995—1996)

Денис Одинг (промоутер): Деньги “Тоннель” приносил. Сразу машину купить было нельзя, а жить было можно. Я мог даже себе позволить на месяц-два уехать в Германию и спокойно там жить.

ДЖ Лена Попова: Как-то мы снимали в “Тоннеле” фильм про фашистов. Взяли на “Ленфильме” немецкую форму, нарядились и весь день снимали в клубе свой фильм. А к вечеру, к двенадцати часам, приперлись бандиты. В те годы бандиты были бритые, страшные, в спортивных костюмах, и они, конечно, охуели, когда зашли в “Тоннель”. Там – куча разряженных телок в трусах и со свастиками. А к тому моменту мы были уже тепленькими и разговаривали соответствующе. Знаешь, пьяному море по колено! Бандиты всем этим были, конечно, очень-очень-очень-очень удивлены. И сейчас мне странно, что они никому в тот раз не дали пизды.

Никого, кроме бандитов, в тот вечер в клубе не было. Только бритые парни, а тут мы со своими свастиками. И в тот вечер мне показалось, что в этом городе бандитов куда больше, чем нормальных людей. Это было время, когда проводиться могли только так называемые “вечеринки белых рубашек”. То есть ты приходишь в клуб, а там у всех черные джинсы под ремешок и белая рубашка. И девочки с этими ребятами тоже очень специальные – в шубах до пола, с хрипылыми осипшими голосами.

Ты заходил в клуб, а там все белым-бело. И среди них танцует DJ Майкл Пуго. Голый. *(Смеется.)*

Денис Одинг (промоутер): Бандиты стали ходить в “Тоннель” с самого момента открытия. Если взрослые бондеры вели себя еще более-менее, то молодое пушечное мясо было вообще неуправляемым. Эти ребята считали, что имеют к нашему “кафе” какое-то отношение. И из-за них были самые большие неприятности – избитые девушки...

Олег Назаров (промоутер): Люди, которые десять лет назад ходили по клубам, – это достаточно узкий круг. Человек пятьсот. Так что как такового фейс-контроля у нас не было. Не пускали только совсем уж очевидных гопников. А потом, когда бандосы стали жрать наркотики, они пачками повалили в “Тоннель”. Ходить-то было совсем некуда, а тут – клуб. И очень скоро бандиты, тусовщики – это все стало единым комьюнити. Просто тогда так была устроена жизнь: с одной стороны сложно, страшно и опасно, зато с другой, в общем-то, предельно просто и понятно.

ДЖ Фонарь (Володя Фонарев): Про 1990-е говорят, что это было бандитское время. И я с таким определением полностью согласен. Это не клише, это факт. *(Смеется.)* Как в песне у группы “Bad Balance”: “Кожаные куртки, спортивные штаны, все это не люди – это дети сатаны!”

Денис Одинг (промоутер): Мы знали, что “ребята” к нам обязательно придут. Но все равно каждый раз расстраивались. Представь, ты приходишь на работу и думаешь, что будет праздник, а вместо этого собираются агрессивные упыри. Согласись, это неприятно.

Олег Назаров (промоутер): В кассе “Тоннеля” было сорок ячеек для стволов. Было время, когда в одну ячейку приходилось класть по два ствола.

DJ Лена Попова: В “Тоннель” бандиты ходили вне зависимости от того, в какой группировке состояли. Я помню, у меня случались очень серьезные разговоры. Я дружила с воркутинцами, а Сережа Беззубый, представитель крыши “Тоннеля”, время от времени, глядя мне в глаза, говорил: “Попова, а че это ты там, типа, с воркутинскими? У тебя че там, любовь или че?”

Этот Сережа Беззубый был страшный человек. Он был смотрящим. Это такой парень из Одессы, двухметрового роста, бывший боксер, вот с такенными наковальнями. Реальная “Сказка о попе и работнике его Балде”. Я его очень любила. У меня с ним, правда, был конфликт один раз очень серьезный – он меня... украл. Ну, увез меня прямо из “Тоннеля” в качестве залога. Но потом, когда пришел в себя, счел, что теперь должен мне по гроб жизни.

Один раз он подошел ко мне и попросил, чтобы я поиграла для него и его друзей в “Тоннеле” в неурочное время, в воскресенье, с девяти утра. Я забыла про это, а потом Сережа мне говорит: “Ну все, до завтра. Утром увидимся. Ты ведь будешь для нас играть?”

Тут трудно отказать. Воскресенье, утро. Приходит человек двадцать, здоровые мужики с телками. Типа afterparty. Все начальство в ужасе свалило, остались только я и DJ Quest. Тот вообще страшно перепугался – маленький еще был. И вот мне пришлось играть. А потом в дверь постучали и сказали, что это милиция, открывайте. Я говорю, ага, щас! В общем, двери я им не открыла, а как будешь их ломать? Это же военное бомбоубежище!

Милиция взяла и заперла нас снаружи. Тогда я нашла черный ход, который был завален какой-то хренью. Мы его разгребли, посмотрели, что мусоров нет, и выпустили пацанов. Они сели в свои “шестисотые” и умчались. Потом, правда, Сережу все равно убили. Он обторчался – его зарезали. К сожалению...

DJ Слон (Олег Азелицкий): В диджейской постоянно должен был сидеть охранник. Потому что как только он от тебя отходил, к тебе тут же, как из ларца, подсакивают двое-трое таких неприятных качков со своими заявками...

DJ Лавски (Константин Петров): Один раз я играл и подошел человек, крепкий такой малый. Заказ был следующий: “Знаешь, ты ставь че хочешь, но объяви в микрофон, что эта песня звучит для ребят из магазина!”

DJ Лена Попова: Когда бандиты стали только-только ходить в “Тоннель”, естественно, начались наезды. Пришлось проводить с ними беседы, объяснять: “Ребята, это не кабак! Диск-жокей – творческий человек. И вы приходите сюда не подрывать, а послушать, как он играет. Вот если бы вы пришли в филармонию, то, уж наверное, не стали бы бегать и заказывать себе какие-то песни, правильно?” И те, кто ходил к нам часто, они прониклись. Если, например, они приводили своих корешков и кто-то из них вдруг лез к диск-жокею, то остальные сами брали придурков за шкуру и оттаскивали. За диджея могли прямо рыло набить.

DJ Слон (Олег Азелицкий): В “Тоннеле” были вечеринки, когда приходишь, а там только бандиты. Плюс немного шлюх на шпильках и рейверов человек десять. Нормальные люди всего этого просто боялись. Войти в клуб можно спокойно, да только никто не гарантировал, что ты оттуда выйдешь. Помню, отличная была драка: два бандита начали какую-то заваруху, а я, Леха Хаас, Массальский, Кузьма и еще человек восемь пытались с ними справиться. Их было всего двое, но они разбрасывали нас,

как щенков.

ДЖ Фонарь (Володя Фонарев): Путешествуя по заграницам, я всегда поражаюсь, что людей там не прет на агрессию. А у нас это просто заложено в психологии. Что за удовольствие, если нельзя оскорбить и унижить соседа? Люди желали свободы и ради этого портили жизнь всем вокруг. В начале 1990-х границы дозволенного отодвигались все дальше... и дальше... и дальше. Одно время был такой спонсорский напиток “ХТС” – противная желтая бурда, после которой язык становился совсем несуразного цвета. И вот помню, как какой-то бандяра подходит к барной стойке и говорит: “Экстази! Пять штук!” То есть он был уверен, что раз пришел в клуб, то может теперь открыто купить в баре разведенный в воде наркотик. *(Смеется.)* Бандосы воспринимали рейв именно так: теперь нам можно все!

ДЖ Лавски (Константин Петров): Помню, я играл на какой-то идиотской вечеринке. Мы закончили и уже собирались выходить, но тут вдруг прибегает один мой товарищ: “Сейчас выходить нельзя. Там два синих бандита потеряли свою бабу и всем, кто идет к выходу, дают порепе”. И мы целый час сидели и ждали, пока они уйдут. Потому что было понятно: рискнешь сунуться к выходу – и проблем не избежать. Время было такое, что никто тебе не поможет, даже охранники.

Олег Назаров (промоутер): С охранниками тогда все было очень просто. Берешь каких-нибудь ментов и платишь им деньги. Если не устраивают, берешь других ментов. В какой-то момент я знал всех ментов в городе. Меня девушки спрашивали: “Олег, кем ты работаешь?!” Яшел со знакомой девушкой по Невскому, а через каждые двадцать метров ко мне подходил мент: “О, Олег! Привет! Как дела?”

Денис Одинг (промоутер): Поначалу “Тоннель” охраняли районные милиционеры, которые просто физически не могли противостоять этому безумию. Дошло до того, что Лешу Хааса прямо посреди вечера затолкали в машину и увезли в неизвестном направлении. После этого мы пригласили охранников посерьезнее. Они были не то омовцы, не то еще кто-то. В общем, им было все нипочем.

ДЖ Слон (Олег Азелицкий): В “Тоннеле” был охранник, который еще на первой чеченской воевал. Он выбежал один на десятерых бандитов и орал: “Стреляю на поражение! Не уйдете, суки!” Бандосы тоже были не дураки, разбегались, едва завидев этого парня. Еще был легендарный милиционер в “Тоннеле”, который вместе с нами прямо в форме ел галлюциногенные грибы.

ДЖ Лена Попова: Периодически в “Тоннеле” стреляли. Постреливали, я бы сказала. Время от времени. Ну а на улице-то – постоянно. Я помню, как мой приятель Илюша танцует на танцполе, и вдруг приходит наш же охранник Якут, достает пистолет и приставляет его к Илюшиной башке. Мол, Илюша – пидорас, а Якут таких не любит. То ли он набухался, а может, нанюхался чего. Я ж не знаю, что там охрана употребляла. Я побежала к Андрюхе Хаасу, говорю: “Слушай, там Якут волюной трясет налево-направо!”

Андрей его тут же уволил. Прямо тут же! Потому что это опасно: он ведь мог запросто пристрелить человека. И глазом бы не моргнул. Илюша потом еще час ходил как полотно белый. Причем народу вообще никого не было. Это было самое начало вечеринки, по-моему чуть ли не десять минут первого.

ДЖ Лавски (Константин Петров): А еще год спустя в клубах стали появляться настоящие оборотни в погонах. Милицейские курсанты шли в клуб на практику – они терлись, грели уши, провоцировали людей. Когда потом, во время облавы, менты вхо-

дили внутрь, то уже заранее знали, кого брать.

Олег Назаров (промоутер): Облавы бывали примерно раз в полгода. Причем это были такие облавы, которые нынешним тусовщикам даже и не снились. Увидеть чьи-то выбитые зубы на стене – это было в порядке вещей. Приезжало человек пятьдесят – в касках, с дубинками, с помповыми ружьями. Причем они даже не успевали крикнуть “На пол!”. Когда ОМОН вбегал, все уже лежали. Не потому что ты сам ложился, а просто, вышибая двери, эти ребята роняли все на своем пути до самой противоположной стены. Приезжали не только из-за наркотиков. Где-нибудь мента убили или ограбили банк – ну, что делать? Надо ответить на это рейдом. В “Тоннель” – пятьдесят человек. Всех замесить! А еще такие же наряды отправляли в самые дорогие рестораны того времени. Человек ест какого-нибудь лобстера за сорок долларов, и вдруг в ресторан влетает ОМОН. Дубинкой по голове – и ты падаешь лицом в этого сорокадолларового лобстера. Это было нормальное явление.

DJ Лавски (Константин Петров): Я помню, самая жесткая облава прошла в 1994-м, когда на Суворовском проспекте расстреляли какого-то высокопоставленного мента и руководство дало команду прочесать весь город. Так сказать, отомстить за товарища. Это были совсем не шутки. Я тогда был на дискотеке, на Невском, 40, и туда перед самым началом вечеринки ворвались ребята в масках. Я видел, как человек, который сидел с девушкой за столиком, ни с того ни с сего получил с размаху прикладом в лицо. Просто так! Потому что не упал сразу, как только они вбежали. Или потому что ел не то блюдо. Я не знаю – просто так. Потом они уехали, раненых увезли в больницы, и только после этого мы начали играть.

DJ Слон (Олег Азелицкий): Когда была самая первая облава в “Тоннеле”, я лежал как раз на проходе. Все ходили и пинали меня. Каждый считал нужным пнуть и сказать: “Че, блядь, разлегся!” В общем, я потом рентгеновские снимки ходил делать.

DJ Лена Попова: Я играю, играю, и тут врываются какие-то идиоты. Я вырубаю музыку и начинаю им хамить. Просто потому, что серьезно все это не воспринималось. У меня на танцполе несколько десятков малолеток, а тут вбегают точно такие же, только все накачанные и в масках. Одни лежат, другие ходят и бьют их ботинками. А возраст у тех и у других один и тот же.

Олег Назаров (промоутер): Никому из ментов деньги во время таких облав мы не платили. Да они и не спрашивали. Наверное, им это было не очень интересно. Ну что такое выручка клуба, если у кого-нибудь из посетителей в кармане легко могли лежать десять тысяч долларов? У входа в “Тоннель” тогда ведь постоянно стояло несколько “порше”, штук пятнадцать “мерседесов”, а девушки ходили все увешанные бриллиантами. И это при том, что сам клуб был раз в двадцать грязнее, чем сейчас.

DJ Слон (Олег Азелицкий): Один раз в “Тоннеле” в облаву попал DJ Fireball – приезжая знаменитость, гость культурной столицы. Он лег вместе со всеми, но не понял, что надо лежать именно лицом в пол. Он просто ничего не понимал по-русски, и ему захотелось посмотреть по сторонам, узнать, что происходит... Ну и посмотрел. Парень поднял голову и очень смачно получил прикладом в лицо. Ему выбили несколько зубов.

Причем этот чувак, Fireball, уехал не сразу после инцидента, а выступал потом еще в “Курорте”. А там была такая система: на сто человек было всего два сотовых телефона. Один человек с телефоном стоял у въезда, другой – на танцполе. Fireball спросил,

зачем это нужно, а я ответил, что на случай облавы. Он весь побелел, а потом даже во время сета очень волновался, языком облизывал обломки зубов и постоянно спрашивал: “Сколько мне еще играть?!”

Интересные, в общем, у парня получились гастроли.

Клубов становится много (1996)

ДЖ Анжела Шульженко: Раньше хорошими были все вечеринки подряд. Вообще все! А сейчас – нормальная одна из ста, потому что происходит очень много всего. Столько клубов открылось, что качество просто не могло не снизиться. Их же масса, просто масса! И все, что там творится, совсем неинтересно.

ДЖ Слон (Олег Азелицкий): Через некоторое время после открытия “Тоннеля” я организовал собственную структуру. Она называлась “Underground Experience”. Это был октябрь или ноябрь 1994-го. Помимо “Тоннеля” тогда уже существовал “Ten-Club”, и свои мероприятия я стал делать там. Мы устраивали вечеринки с выставками, перформансами, рок-группами, показом мод. Народу было много. Я помню, была одна вечеринка, где играл Лавски, – туда набилось больше пятисот человек.

ДЖ Лена Попова: Говорят, диджеи сначала работают на свое имя, а потом имя работает на них. На самом деле мы вообще об этом не задумывались. Мы занимались тем, что нам нравится, и жили какой-то своей компанией. Никто не претендовал ни на титул “Первой девушки-диджея” (как называют меня), ни на пост “Папы русского техно” (как теперь все вдруг стали называть Олега Слона). Мы просто играли музыку. Это была такая игра.

ДЖ Анжела Шульженко: Раньше рейверы приходили на вечеринки с папками своих произведений. Кто-то со стихами, кто-то с фотографиями. Все были люди творческие. Даже если гардеробщик, то все равно творческий. Честно говоря, я сомневаюсь, что сегодня на г’н’b-вечеринки кто-нибудь приносит свои стихи.

Александр Зайцев (музыкант, группа “Елочные игрушки”): Наши первые выступления проходили в клубе “Кобальт-проход”. Это место находилось в ДК Десятилетия Октября. Основное помещение в этом ДК занимал “Ten-Club”, а в подсобных помещениях приютился еще и клуб “Кобальт-проход”. Главными там были Слон и Вова Пи-Си-Пи. Они на всю ночь отдавали нам чил-аут, и мы делали, что хотели. Я тогда работал в магазине грампластинок и обычно перед выступлениями брал у себя в отделе два диска: “Иосиф Бродский читает свои стихи” и детскую пластинку “Дракончик-Пыхалка”. Первый час мы играли свои новые песни (тогда они писались быстро – по несколько штук в неделю), а потом запускали ритмические кольца и “Бродский” с “Дракончиком-Пыхалкой” звучали поверх них.

Это, в общем, и концертами нельзя было назвать. Ну, играли мы в чил-ауте. Создавали какой-то фон. Люди обычно болтали или приходили отдохнуть с танцпола. Уже потом, через много лет, к нам подходили какие-то ребята и говорили: “О! Помню ваши концерты! Охуенно было!”

Мы удивлялись. Нам казалось, что эту музыку вообще никто не слышал. Мы сидели, отгородившись от всех аппаратурой, и нам тогда было все равно. Мы играли, что хотели, – и были счастливы.

ДЖ Анжела Шульженко: В “Ten-Club’e” у нас была еще и лаборатория экспериментального моделирования под управлением Светы Петровой. Мы показывали такие трансформирующиеся костюмы. То есть сначала это что-то одно, а потом р-р-раз – и уже что-то другое. Брюки превращаются... Превращаются брюки... Было яблоко –

стал огрызок. Мы выступали со всякими перформансами и, помню, на одной из вечеринок хотели, чтобы девушка с крыльями ангела летала над сценой. Я бы мочила жесткий хардкор, а надо мной бы летал ангел. Но потом мы внимательно посмотрели на трос и решили, что нашего ангела он может и не выдержать. Так что ангел остался стоять на земле. Просто это был падший ангел.

Владимир Иванов (группа “Пи-Си-Пи”): Вся первая половина 1990-х – как в тумане. Ни единой даты не помню, только общую канву. Я тогда ходил в рок-н-рольный клуб “TaMtAm”, где играли панки, скинхеды, рокабилы и звучала злая индустриальная музыка. Я всегда воспринимал техно и панк-рок как что-то единое. Просто вся музыка, которую я слушал, была агрессивная. А потом DJ Слон как-то устраивал в “Ten-Club’e” вечеринку и мне было предложено: “Не хочешь поиграть?”

Так и появилась моя группа “Пи-Си-Пи”.

DJ Слон (Олег Азелицкий): После “Ten-Club’a” открылся еще клуб “Сатурн”. Это тоже была какая-то школа творчества. Там делал вечеринки Даня Адельсон. У диджея Гаврилы есть жена, так вот это ее младший брат. Вообще к концу 1995 года новых мест стало очень много. Раньше был один “Тоннель”, а теперь вдруг появилось сразу то ли пять, то ли семь новых клубов.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): Кто-то познакомил меня с парнями, у которых был бар неподалеку от города, на железнодорожной станции Курорт. Место было очень удачное – прямо на берегу Финского залива. И мы с ними договорились устраивать вечеринки.

DJ Слон (Олег Азелицкий): Все проходило в помещении пансионата “Курорт”. Вечеринки в “Курорте” вместе с Воронцовым мы стали делать начиная с лета 1995 года. Вот тогда заработки пошли очень хорошие. Бандиты очень полюбили техно. Им надо было, чтобы музыка была пожестче, они такую любили. На деньги бандитов, собственно, и делались вечеринки. Техно ведь было будто создано для русских бандитов. Ох, как они танцевали!

DJ Кома (Алексей Дунаевский): В “Курорт” я ездил каждые выходные. Мы приезжали, и если Воронцов был в хорошем настроении, то через час или через два он мог пустить кого-то из толпящейся у входа молодежи внутрь. А если он был в плохом настроении, то мы просто лезли в окно. Сбоку там была такая здоровая витрина, у которой сверху форточка, и мы просто запрыгивали туда. Если везло, то охрана не ловила. Мы заходили в туалет, мыли руки и выходили, уже распахивая дверь ногой. Как будто мы только что сполоснули руки – и обратно на танцпол. Танцпол был довольно здоровый, с деревянными проминающимися досками. И сцена там была тоже проминающаяся. И вот в этот небольшой зал набивалось около тысячи человек.

DJ Слон (Олег Азелицкий): Когда я начинал играть, бандосы выбегали на танцпол, по пути ломая столики и сшибая всех встречающих. У меня тогда были две очень попсовые пластинки: одна с таким дебильным смехом “о-хо-хо-хо-хо-хо”, а вторая с духовыми инструментами “пам-пам-па-бам”. И вот бандюки по очереди ко мне подходили и говорили: “Поставь „смех“, а?” Или: “Поставь „трубы“, а?” Другая музыка их не очень интересовала.

DJ Анжела Шульженко: Мы проводили мероприятия не только в клубах, но и на свежем воздухе. Вот там был настоящий угар. Один раз Катя Ангел в кураже разделась догола и голая упала на колонки. Она танцевала прямо передо мной и постоянно

голой попой пыталась присесть на вертушки. Приходилось одной рукой играть, а второй рукой придерживать Катю, чтобы голым задом она не садилась на мои пластинки. Классный был сет. Слушали нас одни грибники. Дождь, тьма, вспышки молний. Всех вставляло. Грибы-то тогда еще было модно есть, вот грибники и слушали. **DJ Массаш (Александр Массальский):** То время было русской психоделической революцией. Наркотики в начале 1990-х в основном привозили из-за границы. А кому хотелось чего-нибудь натурального, те бегали по полям и собирали грибы. Но главное – наши знакомые-химики в лаборатории одного из вузов делали амфетамины. И в принципе они делали их в таких количествах, что раздавали всем бесплатно. Были вечеринки, когда таблетки просто раскидывали по танцполу. Швыряли их в толпу! Как в кино!

DJ Re-Disco (Денис Медведев, участник группы “два Самолета”): В 1994-м появилась знаменитая питерская кислота, и на ней свихнулось очень много народу. У нас был знакомый, который работал дегустатором этой кислоты: химики, производившие наркотики, пробовали на нем концентрацию. Давали ему кислоту на пробу (причем каждый раз очень помногу) и смотрели: умрет или не умрет. Ну а он всех, конечно, угощал.

DJ Слон (Олег Азелицкий): Тогда все читали Кастанеду и ели галлюциногенные грибы. Мы тоже пару раз ездили куда-то под Ломоносов собирать грибы. Насколько помню, ничего так и не собрали. Наркотики тогда не так много значили. Все, конечно, ели грибы и LSD, но такого, как сейчас, не было. И профессиональные дилеры были большой редкостью. И уж конечно, с такими ребятами никто не дружил. Тогда ведь как было – дилер появлялся, полгода работал, а потом исчезал. Так что в друзьях такие люди не ходили.

DJ Re-Disco (Денис Медведев, участник группы “два Самолета”): Галлюциногенные грибы первыми открыли ребята с Фонтанки. Но они этим секретом ни с кем не делились и целый год никому ничего не говорили. Потом меня все-таки посвятили в тайну, но с условием, что я никому ничего не скажу. А я, разумеется, тут же рассказал ребятам из группы. И скоро за грибами мы ездили уже целой компанией. Я был проводником и помню, как мы поедали эти грибы прямо в лесу, чтобы не везти в город. В этот период головы посрывало очень многим. Люди уходили в монастыри, попадали в больницы... Я знаю несколько историй, когда человек объедался грибов до такой степени, что его прорубало и он все бросал – семью, работу, друзей... А потом эта волна как-то поутихла.

Олег Назаров (промоутер): Наркотики это ведь вопрос интимный. Каждый выбирал то, что ему было нужно. Таблетки по хорошим, надежным каналам привозились друзьями из Германии. Хорошая таблетка стоила тогда тридцать долларов. И за эти деньги ты получал действительно хорошее качество, не такое, как сейчас. Я уже давно ничего не употребляю, но вот пять лет таблетки люди жрали целыми пригоршнями. А в старые времена всего от половинки таблетки тебя могло так выштырить, что ты запоминал это на всю жизнь.

DJ Дэн (Андрей Котов, участник группы “Мальчишник”): В те времена драг-дилеров было немного. Ну и выбор наркотиков был небольшой.

DJ Слон (Олег Азелицкий): В “Курорте” был такой дилер Сулейман. А бандиты тогда занимались тем, что ловили дилеров, отнимали у них все, а потом еще и заставляли работать на себя. Они подбегают к этому Сулейману:

– Есть наркотики?

А он говорит:

– Нет. Вон у него есть!

И показывает на меня. Ко мне подходят двое бандитов, достают пушки. Затворами не щелкают, но показывают так, чтобы все стало понятно.

– Ну, где твои таблетки?

– Какие таблетки?

– Кислоты!

– Да ладно. Я вообще диск-жокей!

– Конечно! Тут все диск-жокеи... Хватит заливать, давай таблетки!

В общем, разговор стал принимать опасный оборот. Но тут пришли другие бандиты, которые за меня вступились:

– Эй! Это наш чувак! Диджей типа...

Потом ребята извинились. Горку денег мне предложили за моральный ущерб. Я отказался, и они тогда говорят:

– Ну раз так, то мы того чувака, который тебя оклеветал, найдем!

Я говорю:

– Давайте я не буду брать деньги, а вы не будете его искать! И все разойдемся, хорошо?

– Нет, – сказали они, подумав, – деньги можешь не брать, это твое дело. А вот Сулеймана мы все равно отыщем. Это уже наше дело – дело чести!

Вроде бы нашли через полгода.

DJ Лавски (Константин Петров): Самые большие проблемы с публикой были в клубах на окраине города. Например, между станциями метро “Нарвская” и “Кировский завод” был такой кинотеатр “Прогресс”. Там стали проводить вечеринки, на которые собиралось просто ОЧЕНЬ много местной публики. И когда они поднапивались, то из соображений выживания лучше было находиться все-таки на сцене, чем в зале.

DJ Слон (Олег Азелицкий): Был случай, меня позвал один мужчина:

– Поиграй на моей вечеринке! Сколько денег это будет стоить?

Я говорю:

– Тысячу!

– Хорошо! Я даю две тысячи, и ты играешь один всю ночь!

– А народу-то много будет? – решил уточнить я.

Он задумался и говорит:

– Нет. Не очень много.

Я приезжаю, а там только он со своей бабой! Загородный дом в Токсово. На улице без поводков гуляют десять овчарок-“кавказцев”. Я тоже люблю собак, но тут было ясно: из дома лучше не высовываться.

Ну хорошо. Я встал играть, он с девушкой танцует. Время от времени мы с ним выпиваем, а он еще и таблетки щелкает. Я играю, мы выпиваем. А потом я смотрю: он дошел до состояния, когда перестал соображать, где находится и кто мы тут все такие. Он подходит ко мне и удивленно спрашивает:

– А ты вообще кто?

– Тише, тише! – говорю. – Ты сам меня сюда позвал. Я диджей, помнишь?

– Ах, диджей? Тогда давай бухать!

До самого утра мы смотрели видик, бухали и курили. Хотя история могла закончиться совсем не смешно.

DJ Кома (Алексей Дунаевский): Свой самый первый сет я отыграл в только что открывшемся клубе “UFO”. Это на северной окраине года, в районе метро “Академическая”, какой-то торговый центр, переделанный в дискотеку. Место, кстати, было неплохое, но верховодили там полные упыри. На дворе стоял 1996 год. В то время вдруг появилось большое количество вот таких клубов – жутких, идиотских, периферийных... Впрочем, там неплохо платили.

DJ Лавски (Константин Петров): У меня были подруги из Германии, которые, приезжая сюда, каждый раз находили себе новых спонсоров для клубных походов. Те покупали им наркотики, одежду и вообще все... И эти девушки решили развести спонсоров на то, чтобы те устроили мне вечеринку. При этом клуб, где все должно было проходить, располагался у черта на рогах, в Купчино. Приезжаю, встаю за вертушки, и тут же ко мне в диджейку забрался чувак, который стал требовать поставить медляк.

– Какой медляк-то? – пытался объяснить я. – Не бывает на вечеринках медляков!

Он достал вольту и говорит:

– Точно не бывает?

У меня на кассете была единственная песня, дописка в самом конце. Просто чтобы на кассете не оставалось пустого места. Кажется, какой-то саундтрек. Я поставил ему и говорю:

– Вот. Больше нет ничего. Честное слово.

Он взял наушник, в такт покачал головой, послушал и сказал:

– То что надо. А ты говорил, нету!

DJ Слон (Олег Азелицкий): В том году до меня вдруг дошло, что уже несколько лет подряд я являюсь полностью профессиональным диск-жокеем. Сначала я ведь соглашался играть бесплатно. Но потом это стало уже невозможно. Тогда в стране было от силы тридцать диджеев, причем модных – всего несколько. Леха Хаас, Женя Грув, Костя Лавски ну и я... Меня звали играть чуть ли не каждый день. Звонят:

– Приезжай, поиграешь!

– Я спать хочу!

– А мы дадим тебе на такси!

Потом стали платить сто пятьдесят–двести долларов за сет. А в 1996-м я уже легко мог получить за выходные пятьсот долларов. По тем временам фантастические деньги. Клубов стало много, диджеев были нарасхват, и для всех нас постепенно начиналась совсем другая жизнь.

Гламур подкрался незаметно (1997)

Павел Стогар (промоутер): Клубов вдруг стало много. И постепенно стали появляться клубы совершенно не такого плана, как “Тоннель”. Самым первым заведением для тех, кого сейчас называют гламурной публикой, стал “Конюшенный двор”. В 1996-м это было единственное место, где можно было тусоваться. Для состоятельной публики это был такой опознавательный знак: “свой–чужой”. Люди, которые сюда ходили, “Тоннель” просто игнорировали. И вообще считалось, что ходить в “Конюшню” престижно. Например, Людмила Нарусова, супруга тогдашнего петербургского мэра Анатолия Собчака, иногда привозила в этот клуб свою дочку, Ксению Собчак. Сама она садилась где-нибудь в уголок, а Ксюша плясала, плясала...

ДЖ Лена Попова: В 1996–1997 годах на вечеринках стали появляться малолетки. Может, в самом начале и мы так выглядели, не знаю. Но когда это стало массовым явлением, это стало невыносимо. В какой-то момент мне даже стало интересней гастролировать, чем играть в Петербурге. Потому что летишь, например в Новосибирск, а там примерно такая же ситуация, как у нас десять лет назад. И сам от этого становишься немножко моложе.

ДЖ Анжела Шульженко: В клубы вдруг повалили толпы непонятных людей. Всяких левых тетечек, которые объедались непонятно чего и ждали, когда их выштырит. Они ночь напролет бродили по танцполу и морщились: че-то сегодня нас не прет.

ДЖ Magic В (Василий Борисов): Раньше это было в диковинку. Все было новое, свежее, люди очень живо интересовались музыкой. Тогда ведь не было ни Интернета, ни MP3 в свободном доступе для скачивания. Все приходили, слушали музыку в исполнении диджеев. Сейчас проще – нарыл чего-то в Интернете, наслушал чего-то у приятелей – и, не побывав ни на одной вечеринке, вроде как уже специалист. Я смотрю на современную молодежь и вижу, что это такой же дремучий лес, как пятнадцать лет назад, только стало больше сомнений. В плане музыкального интеллекта так ничего и не прибавилось.

ДЖ Лена Попова: Играть в гламурных клубах мне никогда не нравилось. Играть стоит для тех, кто хочет слушать. А когда из твоей музыки делают просто фон для досуга... Помню, у меня был совсем идиотский случай: в Челябинске я выступала даже не в клубе, а в дорогом японском ресторане. На небольшой сцене на кухонный стол тебе ставят вертушки, а в зале сидят мужики в костюмах. Такие добротные уральские мужики со своими дамами. В этот клуб они приходят, блин, как на концерт. Сидят, жрут суши, а ты им в это время играешь, например, брэйкс. Как тебе такое?

Олег Назаров (промоутер): Не скажу, что к деньгам мы относились наплева-тельно. Бабки всегда были для нас довольно важны... Даже когда в самом начале мы делали все на чистом энтузиазме, нос от бабок никто не воротил. Дело не в том, что мы были “против” коммерции, а потом пришли те, кто был “за”. Просто на смену “Тоннелю” пришли такие гламурненькие промосковские клубы – а это конец. Одно дело получать деньги за правильные вещи, за то, что действительно стоит делать. А другое дело – просто получать деньги.

Владимир Иванов (группа “Пи-Си-Пи”): Помню, мы ездили в Финляндию и играли там на выставке фотографа Сами Хюрскилахти, а после этого Слон потащил

нас в “Лерроки” – легендарный, самый первый клуб в Финляндии. Это был такой финский “Тоннель”. К тому моменту я уже напился и в поисках наркотиков бродил по залу, подходил ко всем подряд и говорил незнакомым людям: “We need some fucking LSD”. А пьяный Пельмень ныл: “Please, take me cigaret”. Сигареты ему не дали, зато на нас обратил внимание какой-то манерный финский гей. Он забрал нас из клуба и увез к себе. Парень все объяснял мне что-то насчет тандема, а я делал вид, будто не врубаюсь. Он все подливал мне водку в кока-колу, и я понимал, к чему все идет. Кончилось тем, что я ему вьебал и кричу: “Валим отсюда! Это пидорасы!” В общем, мы удрали.

DJ Кома (Алексей Дунаевский): В середине 1990-х стали появляться гламурные клубы, и центр тяжести незаметно переместился в Москву. Техно появилось здесь, в Петербурге. И полдесятилетия подряд свежий ветер дул именно с нашей стороны. Но потом московские деньги свою роль все-таки сыграли. Москва стала еще одной столицей мира наравне с Нью-Йорком и Лондоном, а мы – нет. У нас все по-домашнему, более спокойно. Когда москвичи сюда приезжают, им кажется, будто они попадают на несколько лет назад, хотя это и неправда. Мы не отстали от них. Мы просто идем совсем в другую сторону.

Никита Маршук (промоутер, основатель фестиваля “Казантип”): Питер всегда был лидером техно-культуры. Это даже оспаривать глупо. А москвичи – они всегда брали немножко другим, они побеждали баблом. В результате сегодня в Москве мы имеем огромное количество гламурных клубов, ориентированных на золотую молодежь. В Москве это огромный сегмент рынка, а в Питере таких клубов почти нет. Зато в Питере проводятся масштабные рейв-фестивали. Мероприятия, на которые могут прийти десять, пятнадцать, двадцать тысяч человек. В Москве такое невозможно. Там это биение жизни потеряно уже очень много лет назад.

DJ Анжела Шульженко: Одно время в Москве пытались проводить хардкорные фестивали. Я ездила туда, зарабатывала шикарные деньги, все было оплачено, вообще, супер-пупер. Каждый приезд в Москву – это выступление, интервью на радио, всякие тусовки-растусовки, веселые компании, очень много денег. **DJ Слон (Олег Азелицкий):** Мне тоже очень нравилось ездить в Москву. Не выступать там, а именно сама дорога. В середине 1990-х в Петербурге было всего двадцать хороших диск-жокеев и пятнадцать из них в одном вагоне с тобой едут в Москву, нормально? Садись в поезд, проходишь до вагона-ресторана, а там уже сидят DJ Кузьма, Анжела Шульженко, Миша Воронцов и еще куча знакомых. Питерские диск-жокеи тогда были очень востребованы. Например, в московском заведении “Аэроданс” за всю его историю, по-моему, не было вообще ни единой вечеринки, чтобы на ней не поиграли питерские.

DJ Фонарь (Володя Фонарев): “Аэроданс” находился в помещении аэровокзала. Это было одно из самых интересных мест в Москве: бывший аэродром, который переделали в автобусную станцию, а потом одну из частей помещения еще и превратили в клуб. Минимализм: немного стробоскопов, и все.

Клубов в Москве тогда вдруг сразу открылось очень много. Был определенный перелом, связанный с появлением большого количества гламурных клубов. Москву эта волна накрыла просто с головой. В помещение ставили барную стойку, сажали рядом красивых девочек и ставили легкую музыку. Все! Можно запускать публику и считать бабки.

На этом фоне заведений с интересной музыкой в Москве почти не было. Лично я в те годы предпочитал “LSDance” и “Титаник”, который открыл Леша Хаас. Изначально планировалось, что “Титаник” станет работать как и все клубы: по пятницам и субботам в каком-нибудь попсовом формате. Деньги надо было в любом случае отбивать – в доле были солнцевские. Но потихонечку клуб ушел в электронный формат. Вход туда стоил двадцать долларов, но тогда это абсолютно никого не пугало. В определенный момент “Титаник” стал местом паломничества всех модников страны. В пятницу они приезжали в Москву, в субботу клубили, в воскресенье отвисали, а к понедельнику разъезжались по домам.

А что касается самого “Аэроданса”, то не могу не поделиться наблюдением. Недавно я просматривал какой-то западный журнал про электронную музыку. И там была статья, в которой говорилось, что эта музыка всегда была очень прочно связана с гей-культурой. Рядом со статьей фотографии, и я смотрю: где я все это уже видел? Плечистые, крепкие, сильные ребята... Танцуют одни... Никаких девушек... И тут меня осенило – “Аэроданс”! В “Аэродансе” десять лет назад было огромное количество молодых мужчин. Все накачанные, коротко стриженные. И никаких девушек!

То есть я, конечно, не хочу сказать, что все они были пидорасы. Ни в коем случае! Просто поделился наблюдением.

Павел Стогар (промоутер): С бандитами в то время я общался очень много. Первое время я делал бизнес с челноками. Самолет сто двадцать человек. И у каждого бандитская крыша. Как-то я взял груз – двенадцать тонн из Арабских Эмиратов. Груз принадлежал шестидесяти челнокам, а самолет задержали. И каждый считал своим долгом позвонить, рассказать, что меня ждет. Меня обещали выбросить из окна, разрезать на куски и закатать в асфальт. Моя мама просто посылала всех, кто звонил, на три буквы. Кричала: “Идите на хер! Оставьте меня в покое!” Потом эти ребята звонили и жаловались: “А твоя мамочка нас на хуй послала!”

В общем, если ты правильно и грамотно себя вел, то бандитов можно было не особенно опасаться. На самом деле криминальный мир на том этапе делал очень много полезного. Государство ведь ужасно обошлось с нашими коммерсантами. Их просто выкинули на помойку мира, а бандиты их там подобрали. Они делали то, что должна была делать милиция. Просто делали это не на базе законов и суда, а на базе того, что тебя просто грохнут. Поэтому и веди себя по-людски, а не то...

Ну и конечно, бандиты любили клубы. Промоутеры обращались к ним за помощью в проведении мероприятий, а те давали деньги. Тем более это ведь круто: диджей, вся эта клубная фигня. То есть, например, дать денег на открытие клуба – да не вопрос!

DJ Фонарь (Володя Фонарев): Лично я был резидентом клуба “Jump”. Находился он в зале “Дружба”. Обыкновенное спортивное сооружение, по периметру – трибуны. Правда, была одна проблема – рядом там проходило московское метро, и на танцполе в какой-то момент все чувствовали, как здание начинает вибрировать. Если не считать этого, то, в общем-то, “Дружба” была довольно уютной – всего порядка полторы тысячи человек. На тот момент это было совсем не много. Например, на первые московские выступления Богдана Титомира или группы “Мальчишник” собиралось столько людей, что они реально не могли войти внутрь.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): В московские заведения типа “Манхэттен-экспресса” и “Пентхауса” ходил такой чувак Мамедов. Тусовщик, танцор Богдана Титомира. Он всегда приходил на вечеринки с мешочком марихуаны. И всем подгонял. Собственно, поэтому он был со всеми в хороших отношениях. Вот он клуб “Аэрорданс” и замутил. А так как я был в авторитете, то стал возить в этот клуб диджеев.

ДЖ Лена Попова: Тогда как раз возникло повальное увлечение добавлять в напитки наркотики. Один мой знакомый как-то случайно в клубе выпил воды из чужой бутылки. Ну просто стояли рядом две одинаковые бутылки, и он перепутал. Парень потом смотрел на меня вот такенными глазами, плакал и повторял: “Я не хочу! Я не хочу!” И на глазах превращался в животное. Плачет и превращается. Ну а куда уже денешься? Никуда не денешься. Блядь, какие свиньи!

ДЖ Анжела Шульженко: Наши бандосы полюбили наркотики сразу. Им же много не надо... Таблетку закинул – и становится просто как маленький ребеночек. В нем его истинное “я” открывается. А это истинное “я” как у испуганного мальчишки, который подходит и говорит: “Ой, можно я с тобой посижу, а то мне страшно!”

ДЖ Фонарь (Володя Фонарев): Как ни странно, именно появление электронных клубов и легких наркотиков очень сильно изменило психологию бандитов. Потому что агрессивный настрой и желание убить, раздавить, уничтожить уходило. Началось благодущие, счастье, радость. Можно сказать, что весь нынешний гламур появился в тот момент, когда бандиты попробовали наркотики. Поначалу считалось, что если ты надеваешь какую-то обтягивающую футболочку, то ты как минимум пидор. Через полтора года количество пидоров резко увеличилось – пацаны стали следить за модой, стали как-то за собой ухаживать. Я никогда не забуду, как шел по клубу “Аэроданс” и случайно въехал в какую-то глыбу. Думаю, всё, пипец, приехал. А он мне очень тонким и спокойным голосом отвечает: “Браток, извини!” (Смеется.) Я понял, что мир точно изменился.

ДЖ Анжела Шульженко: Десять лет назад мы привезли в Москву настоящий стиль, и с тех пор этот город изменился. Москвичам всегда хотелось быть модными. Поэтому они и приходили к нам на рейвы. Они же видели, что там – самые стильные, самые красивые, самые модные девушки. С изюминкой. Потому что на кого тогда еще можно было равняться? Вся наша эстрада, вся московская элита – это ведь такая гопота рыночная. Сейчас пооткрывались бутики, и, слава Богу, эти люди купили себе дорогую одежду. Пусть это и треш, но хотя бы уже не рынок. Пусть они выглядят, как проститутки в Париже или как лондонские трансвеститы, но лучше уж хоть так, чем то, что было.

Конец клуба “Тоннель” (1997)

Олег Назаров (промоутер): “Тоннель” работал уже третий год. И постоянно приносил нам какие-то деньги. Выручку от клуба мы делили так. Берешь деньги, раскладываешь на пять пачек – мне, Одингу и двум братьям Хаасам. Каждому по пачке, а пятая – это НЗ, неприкосновенный запас. Она лежала в сейфе. Если у кого-то кончились деньги, он всегда мог приехать в клуб, взять необходимую сумму и написать: я взял столько-то. Это было очень удобно. Ты всегда знал, в каком бы состоянии ты ни был – пьяный, больной, – ты всегда можешь приехать в “Тоннель” и взять денег.

ДЖ Лена Попова: Когда открылся “Тоннель”, деньги у нас появились сразу. Ну, знаешь там, на жизнь, то, се... Но так чтобы прямо что-то лишнее – этого не было. Хватало только на еду, хотя дома никто особо не питался – мы все время ходили по гостям. То есть я вообще не помню, чтобы на протяжении 1990-х шла в магазин и покупала продукты. Мы ходили по гостям и по ресторанам. Был момент, когда мы куролесили, жили на широкую ногу. Из клуба с Андрюхой Хаасом и с Олегом Назаровым мы прямо с утра уезжали в самую дорогую гостиницу города завтракать. Ну там рестораны, все чудеса. То есть все, что мы зарабатывали, мы тут же пропивали. Ну а как еще?!

Олег Назаров (промоутер): Первая годовщина “Тоннеля” была отменная. Эта вечеринка прошла под лозунгом “Пингвин, две клубники, вода из-под крана!”. Клуб как-то устоялся, но работы все равно хватало. Если занимаешься клубом, то проблемы есть каждый день. И они почти всегда глобальные – с первого дня до последнего. В какой-то момент нервы просто не выдерживают. На выходных ты пытаешься разобраться со всеми головорезами, наркоманами, ублюдками, диджеями... в общем, со всеми подонками города. А потом всю неделю бегаешь по чиновникам, которые хотят прикрыть “наркопритон в центре города”. То одно, то другое, то надо какой-то рекламой заниматься, то наводнение – стоишь воду руками вычерпываешь.

ДЖ Лена Попова: К концу работы первого “Тоннеля” отношения с Олегом Назаровым у меня почему-то перестали складываться. Видимо, из-за коммерциализации всего предприятия. Он коммерсант, ему наплевать на музыку. А такое отношение меня немножко подрубает. Дальше мне становится уже не очень интересно. И на этой почве как-то мы разошлись.

Олег Назаров (промоутер): А в конце 1995-го (или в самом начале 1996-го?.. не помню) из “Тоннеля” я ушел. Потому что среди организаторов клуба произошел внутренний раскол.

ДЖ Слон (Олег Азелицкий): Там были какие-то проблемы с размещением логотипа “Тоннеля” на плакатах отдельных вечеринок... приходили разговаривать какие-то беззубые парни...

Денис Одинг (промоутер): Я работал в “Тоннеле” до весны 1995 года. То есть почти два года подряд. Подвал все время затапливало. Дренажные системы не справлялись. Мы постоянно чинили систему водоснабжения, а она постоянно ломалась. И в клубе пахло сыростью. Но вот крыс я не видел. Потом, говорят, появились. Под конец в “Тоннеле” была очень специальная атмосфера. Выносить ее было нелегко. Да и ежедневное хождение на работу надоело. А потом мы так неприятно поссорились с

Андреем, ну и для меня все кончилось.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): Пришел момент, когда Назарова с Одингом просто вынудили уйти из “Тоннеля”. Повторилась обычная история, когда первоначальные организаторы в какой-то момент вынуждены оставить то, что создали своими руками.

Дело было так. Назаров и Одинг организовали вечеринку “Гармониум”. Они все сделали сами и выручку потом взяли себе. Андрей Хаас никаким образом не участвовал, но после мероприятия вдруг захотел, чтобы ему заслали. А ребята ему сказали, мол, с какой стати? Мы сами организовывали вечеринку, ты в этом участия не принимал... И Андрей, надо сказать, поступил совсем нехорошо. Он пожаловался бандитам, и у Дениса начались серьезные проблемы. Со стороны Андрея это было совсем странно, потому что он присутствовал при давнишнем налете бандитов на Фонтанку и в тот момент просто слился со стеной. Как после этого он мог подписывать каких-то бандитов?! Но тем не менее своего он добился – выдал парней из “Тоннеля”.

Денис Одинг (промоутер): На самом деле там была вот такая ситуация. Леха Хаас в клубе почти не появлялся. Он жил то в Москве (строил там клуб “Титаник”), то в Америке (у него там жена). А Андрей переживал какие-то личные драмы и плюс взялся за строительство дорогущего клуба “Пирамида”. В общем, с братьями мы стали видаться очень редко. И возник какой-то communication error.

В тот момент мы с Олегом собирались сделать свою вечеринку. Впервые отдельно от всех остальных. А поскольку мы не делали до этого вечеринок отдельно от “Тоннеля”, то Андрею, наверное, показалось, что мы как-то не так себя ведем. Кажется, он обиделся, что мы отправились в самостоятельное плавание. А тогда в духе времени были выяснения отношений через криминальные структуры. Ну и получилось достаточно неприятно. Скандал продолжался несколько недель, и личные отношения на этом фоне были похоронены.

DJ Лена Попова: Плюс через какое-то время обанкротился хозяин помещения, завод имени Кулакова. За долги у него стали забирать все имущество. В том числе и “Тоннель”. То есть тогда бомбоубежище можно было выкупить за копейки, но Андрей просто не стал заморачиваться. А Леха был в Америке. Когда Леха вернулся, клуба уже не было.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): Еще в 1994-м я уехал в Москву. В Москве стали открываться клубы типа “Пентхауса” или “Манхэттен-экспресса”. И по каким-то некозырным дням (кажется по понедельникам) мои старые приятели начали проводить там свои вечеринки. Сперва на эти мероприятия я ездил как диджей, а потом постепенно почти совсем перебрался в Москву. Вернулся как раз к закрытию “Тоннеля”. Олег Назаров тогда ушел из клуба и провел вечеринку в Театре юного зрителя. Вернее, тогда в Петербурге прошло сразу несколько интересных мероприятий. Я решил остаться и снова заняться вечеринками.

DJ Слон (Олег Азелицкий): Мы тогда провели сразу две вечеринки подряд, а потом еще был “Пиратский рейв”, и после этого Олег с Денисом тоже разошлись. Дружили почти десять лет, а теперь вот перестали. Вся первоначальная компания распалась. Казалось, что дружить станем до самой смерти, а вышло...

Олег Назаров (промоутер): После “Тоннеля” мы с Денисом Одингом решили заниматься большими мероприятиями, рейвами. Мы организовали структуру, кото-

рая стала называться “Контрфорс”. Правда, очень быстро я вышел из этой организации. А поначалу в ней состояли я, Денис Одинг и DJ Слон.

Денис Одинг (промоутер): Сначала в рамках “Контрфорса” мы делали вечеринки с Назаровым и DJ Слоном. Потом – только вдвоем с Назаровым, а потом Назаров уехал в Германию, зато из Москвы приехал Миша Воронцов. И мы стали с ним работать.

Олег Назаров (промоутер): Когда “Тоннель” закрылся, я на полгода уехал в Германию. Вернулся и устроил новогоднюю вечеринку в ТЮЗе. Она называлась “Нулевой отсчет”.

Денис Одинг (промоутер): “Тоннель” всем нам испортил отношения. И этот процесс продолжался, даже когда клуба уже не было. В состав “Контрфорса” тогда входил я, Миша Воронцов и Маша Малос. Когда Олег вернулся из Германии, выяснилось, что ни Миша, ни Маша работать с ним не хотят, а он не хочет работать с ними. Все эти конфликты были ужасно неприятными. Лично мне были симпатичны и те, и другой, но надо было выбирать. А так как у нас с Машей тогда были отношения, то выбор был очевиден. Олег приехал и пытался сделать что-то самостоятельно. Я помог ему с ТЮЗом: заключил на себя договор, сходил с кем-то договорился, потому что у меня в этом театре были контакты. Ну и он сделал вечеринку “Нулевой отсчет”, после которой никого из нас в ТЮЗе очень долго вообще не хотели видеть. То ли Олег не убрал за собой после вечеринки, то ли еще что-то... В общем, вместе после этого мы больше не работали.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): Зато “Контрфорс” сделал вечеринку, которая называлась “Восточный удар”. Сложно сказать, почему мы так ее назвали. У нас была концепция: мы привлекаем диск-жокеев со всех концов бывшего Союза. Не с Запада, а с Востока. В противовес иностранным диск-жокеям – наши. **Денис Одинг (промоутер):** “Восточный удар” был придуман летом 1995-го. Обычно в то время как бывало? Наши диджеи тогда годились только на то, чтобы служить фоном для какой-то иностранной звезды. А тут мы решили сделать вечеринку с большим количеством именно русских диджеев. Тогда, конечно, никто не думал, что “Восточный удар” станет масштабнейшим ежегодным фестивалем и будет проводиться на протяжении следующих двенадцати лет.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): Мы провели первый “Удар”, а потом пошло уже мероприятие за мероприятием. “Тоннель” ушел в прошлое, и теперь все самое интересное проходило именно в рамках “Контрфорса”.

DJ Анжела Шульженко: Сперва “Контрфорс” смотрелся очень свежо и революционно. И какое-то время я поддерживала с ними отношения, а потом рассорилась. Просто как-то перед вечеринкой “Рейв-монтаж”, за несколько часов до начала, мне позвонила Маша Малос и говорит:

– Анжелка, выручай! Нужно найти танцовщиц! Срочно!

Ну я нашла, они приехали, а Маша вдруг заявляет:

– Они страшные. Выступать не будут!

А эти девушки настоящие профессионалки, я за них отвечаю. И совсем они были не страшные. Я говорю:

– Дай им хотя бы деньги на такси!

Она отказалась. Тогда я сказала ей, что она сама страшная, и больше на вечеринках и фестивалях, которые устраивал “Контрфорс”, никогда не выступала.

DJ Федор Бумер: А я прекрасно помню, как проходила последняя вечеринка “Тоннеля”. Как раз потому, что устраивал эту вечеринку я. Перед этим Лена Попова позвонила Померанцевой и говорит: “Слушай, такая хуйня. Короче, „Тоннель“ закрывают. Все, вечеринок больше не будет”.

Я об этом узнал и говорю: “Нихуя! Должна быть! С этим клубом мы все должны как следует попрощаться!”

И я настоял на том, чтобы была вечеринка закрытия “Тоннеля”. Заставил всех диск-жокеев сыграть в течение одного вечера. Я тогда еще работал на радио “Порт FM” и повесил в студии бумагу, чтобы диджеи после каждой песни, через каждые десять минут, говорили, что сегодня закрытие легендарного клуба “Тоннель”. И даже на этой вечеринке многим еще казалось, будто это шутка. Вот сейчас закрытие, а через неделю еще одно, а потом еще одно, и еще... Да только на следующей неделе уже ничего не было. Это была последняя вечеринка в золотом “Тоннеле”. Время, когда реальным было вообще все на свете, понемногу уходило в прошлое.

Клуб “Трансформатор” (1997)

DJ Бумер (Федор Крылов): Первое время на вечеринки ходили очень свободные люди. Тогда не было такого понятия “гламур”. Люди, которые ходили на вечеринки, были просто друзья. Это была действительно компания друзей. До поры мы все были друзьями. Не было никаких напрягов. Все вопросы решались очень просто: “Алло, алло! Вот у меня вечеринка!” – “Да? А у меня на следующий день... Приходи!” И вдруг появились первые незваные гости: ребята из клуба “Трансформатор”. Они жили как-то отдельно, своей собственной довольно уродливой жизнью. Это была тусовка прибрандошенных богатых чуваков. Со своими диск-жокеями. Со своими представлениями о том, как все должно выглядеть. Эти люди впоследствии и превратились в костяк петербургского гламура.

DJ Re-Disco (Денис Медведев, участник группы “2ва Самолета”): Как-то я подслушал разговор в чил-ауте клуба “Трансформатор”... Сидят две девочки:

– Знаешь что, а я бы диджею дала!

– Да ты что! Какому?

– Да любому.

И я в то же мгновение решил стать диджеем. *(Смеется.)*

Олег Назаров (промоутер): Где-то через год после открытия “Тоннеля” диджеев вдруг стало очень много. Появились всякие DJ Кефир, DJ Примат... То есть где-то они существовали и до этого, но раньше все эти люди жили как-то параллельно. **DJ Лавски (Константин Петров):** К середине десятилетия публика в дорогих заведениях типа планетария полностью сменилась. То есть понятно, что это все равно были бандиты, но теперь все они стали, блядь, продвинутыми. Бандиты носили модную одежду, разбирались в музыке, понимали, что такое электро и кто такой диджей.

DJ Слон (Олег Азелицкий): Я помню, один раз был на вечеринке. Приходят дамочка с каким-то бандосом, тот показывает пальцем на Федю Бумера и говорит: “Слушай, а че Федя не может определиться? Он то дедовский олд-скул играет, то охуенную музыку. Это что такое?! Ты ему передай, что если он джангл будет играть, то мы, блядь, его поддержим, а если хаус, то хуй!”

DJ Бумер (Федор Крылов): Бандосы в то время были вообще очень продвинутые. У них были бабки, и они много ездили по Европе... Кто-то тачки перегонял, кто-то просто отдыхать ездил. И оттуда они приезжали уже очень продвинутыми в плане музыки, таблеток, наркотиков и ночного отдыха. Надо помнить, что в прежние времена любые ночные заведения в России были вообще запрещены. То есть опытаночной жизни ни у кого не было. А бандосики его сюда импортировали. Пятнадцать лет назад они были почти миссионеры. *(Смеется.)* Хозяевам заведений эта публика нравилась, потому что бандиты хорошо покупали таблетки... Самое смешное, что от таблеток они становились добрыми, не знали, как себя вести, и превращались в маленьких детей. Но иногда у них что-то там переклинивало, и они начинали стрелять в потолок.

DJ Лена Попова: Когда закрылся “Тоннель”, вся эта публика перебралась в заведение, которое называлось “Трансформатор”. Располагалось оно на 22-й линии Васи-

льевского острова. Там играли все диджеи, потому что иногда нам просто нечего было жрать. При этом само место было ох какое лихое. Оно полностью принадлежало бандюганам и постоянно переходило из рук в руки. Боролись за “Трансформатор” целых три группировки. Там проходили своего рода корпоративные вечеринки, только это была корпорация бандитов. На этих вечеринках люди жрали галлюциногенные грибы в таких количествах, что страшно было смотреть... Там один человек просто умер.

ДЖ Бумер (Федор Крылов): Я родился в Перми, а в Петербург переехал как раз к открытию “Тоннеля”. Других клубов в стране тогда не было, и о “Тоннеле” все говорили. Вот, мол, в Питере открылось крутое заведение. Ну и вообще тогда в Петербурге было очень весело. Москва в те годы и рядом не стояла. Меня все это впечатлило, и в 1994-м я решил сюда переехать.

Я приехал на пермском поезде в пять часов утра. С сумками, со всем дерьмом в руках. Куда идти, я не знал. Знал только, что, судя по карте, где-то во-о-о-о-он там должна быть квартира, коммуналка, в которой можно кинуть вещи и умыться. И утром я шел с Московского вокзала по Суворовскому проспекту, тащил свою скромную коллекцию пластинок (тогда она казались мне настоящим сокровищем) и проигрыватель.

С собой у меня была достаточно приличная сумма. Уже тогда я пытался как-то зарабатывать. Какой именно это был бизнес, сейчас я сказать не могу. Скажу только, что не криминальный. Я привез с собой кое-какие деньги, но примерно за полгода все их потратил. Тусовался я очень активно, и деньги быстро закончились.

Ко мне постоянно приходили друзья. У меня дома сложилось довольно модное место. Это была просто комната в коммуналке. Но у меня постоянно сидела толпа народу. Сидеть у меня считалось круто: прийти ко мне в коммуналку, послушать музон, побаловаться с вертушками, потусоваться. Приезжало много всяких знакомых, которые меня подкармливали, приносили какие-нибудь маковые рулетки. Потому что я реально полгода жил на одних макаронах, и то если повезет. Жестко было. Но при этом середина 1990-х была, наверное, лучшей порой моей жизни. Денег мне хватало только на макароны, а если оставалось что-то еще, я бежал в видеопрокат, который находился через дорогу, чтобы брать видеокассеты. Я старался смотреть хотя бы один новый фильм в день. Если получалось, то я был счастлив. Все было реально, все было по правде.

Ко мне постоянно приезжали знакомые и говорили: “У тебя вертушка! У тебя вся хуйня, почему ты не выступаешь?!”

Надо понимать: в первой половине 1990-х в Петербурге было от силы пять комплектов вертушек. Ну, и как-то пошло: “Дай вертушки, а? Ну и сам заодно поиграй”.

ДЖ Дэн (Андрей Котов, участник группы “Мальчишник”): У нас был концерт в Петербурге, и там мы познакомились с Бумером. Это был такой карикатурный фрик. Он тогда еще не играл, а только плясал... Это теперь он пытается переписать историю – будто все началось с него. Но на самом деле в те годы он был еще никто...

ДЖ Бумер (Федор Крылов): После переезда в Петербург я быстро стал рейвером, с крашеной головой, в виниловых штанах в обтяжку. Я был мегафриком! В оранжевой футболке, в каких-то латексных, блядь-пиздец, штанах... Война и немцы! Первый раз я отыграл в клубе “Лагуна”, куда меня привела подружка. А потом как-то пошло-поехало, и уже через два месяца я играл практически везде.

Сводил я очень хорошо. Сводил, скретчил, и с техникой у меня было все в порядке. И один из моментов, почему меня стали везде приглашать, был связан с тем, что я играл... ну не знаю... я играл круто. Технично. По тем временам никто не скретчил, а я играл хаус и при этом скретчил. Многие приходили не послушать, как я играю, а посмотреть: “Круто Федя скретчит! Давай! Покажи фишку! Ты-жи-жи-жи-у-о-о-о-о-о-о-о! Бля-а-а-а, вот это круто!”

DJ Бумер (Федор Крылов): Я, наверное, стал первым молодым диск-жокеем, которого приняла вся эта старая тусовка, сложившаяся еще на Фонтанке. Потому что никто из молодежи в то время еще не появился. Единственным молодым диск-жокеем, которого как-то восприняли, был я. На тот момент кроме меня и DJ Тоника скретчил только Женя Грув. Но мы уже скретчили намного круче. Мы делали всякие технические фишки: вертелись, играли спиной и даже задницей. И кстати, одно время я много гастролировал именно с показательными выступлениями. Был в жюри каких-то конкурсов местных диск-жокеев. А в 1995-м Леха Хаас приехал откуда-то и говорит: “Ты охуенную музыку играешь! Это ведь джангл! Я хочу, чтоб ты с этой музыкой играл в „Тоннеле!“”

Он начал ставить меня в “Тоннеле”. Хотя я и не был резидентом клуба, но играл часто.

DJ Фонарь (Володя Фонарев): Бандиты, которые ходили на вечеринки, никуда не делись. (*Смеется.*) Они и сейчас ходят. Просто трансформировались. Ну, наверное, к середине 1990-х их стало меньше. Кого-то застрелили, кто-то сторчался, кто-то сменил форму бизнеса.

DJ Лавски (Константин Петров): Бандиты очень активно тусовались года четыре. Ну считай, с 1991-го по 1995-й, а потом куда-то все запропастились. Хотя, в общем, понятно куда – в землю. **DJ Кома (Алексей Дунаевский):** Но тогда бандиты в “Трансформаторе” еще замечательно отдыхали. Сперва по колесу, потом – по пять, потом героин. У них были такие настоящие наркоманские “качели”.

DJ Лавски (Константин Петров): Специально для них стали открываться заведения уже совсем нового типа. Считай, спортивные клубы – почти что качалка под музыку. Бандосам стали уже совсем не нужны ни наши рожи, ни наша музыка. Потому что если рейвер ел таблетку для того, чтобы лучше понять музыку, то для бандитов таблетки были самоцелью, а музыка – это фон. Просто чтобы лучше вставляло. А вставляло их лучше всего под такую низкопробную голландскую колбасу.

Илья Барамия (музыкант, группа “Елочные игрушки”): Как-то мы должны были выступать, а перед выступлением весь день писали новый трек, целиком состоящий из сбивок. Такой странный брейкбит. И вот вечером мы играли, а на танцпол пришли два грузина со своими девчонками. Один из них так разошелся, что пошел вприсядку. Прыгает, радуется! И в какой-то момент он сел, ожидая момента, чтобы поэфффектнее выпрыгнуть. А тут как раз пошла эта серия сбивок. Минуту идут сбивки... две минуты... Он сидит, ждет, когда же уже выпрыгивать. В конце концов встал, плюнул, махнул рукой и ушел. Решил, что в настоящей музыке мы ничего не понимаем. **DJ Лавски (Константин Петров):** На вечеринках тогда появилось словосочетание, такой клич радости “опа-опа-опа-па!”. Его привез Мистер Малой, звезда рэпа. Он все время так орал, ну а прогрессивные бандиты того времени переняли этот клич у него. И на всех вечеринках помимо того, что звучало из колонок, был слышен

еще и дополнительный саунд: вот это самое “опа-опа-опа-па”. Таких бандитов мы называли “колбасеры опа-опа-опа-па”.

Олег Назаров (промоутер): Я познакомился с Мистером Малым еще в “Тоннеле”. Ему было лет двенадцать. Он был подвыпивши и, пошатываясь, шел по залу с двумя шлюхами из “Прибалтийской”. А он им примерно по поясу. Подходит к бару, достает пачку баксов, отслюнивает согнуто, кидает бармену и говорит: „Мартини“ мне и моим крошкам!” И смачно шлепает одну из девчонок по заднице. Широко жил шкет!

DJ Кома (Алексей Дунаевский): В те годы диджеи были как каста избранных. И конечно, в “Трансформаторе” бить нас никто не пытался. Правда, меня периодически подозревали в продаже наркотиков, и приходилось оправдываться. Просто музыка, которая играла в “Трансформаторе”, мне не нравилась, и я болтался по залу, везде ходил, к кому-то подсаживался. Там посижу, здесь поболтаю. Когда барыги это видели, они напрягались: че это за чувак?! Помню, в этом клубе была замечательная вечеринка, на которой выступали диджей и почему-то певица, которая поет про розового фламинго... Не помню, как зовут... очень худая... а!.. Алена Свиридова! Точно! Просто у бандитов был такой вкус: им хотелось, чтобы у них в клубе выступали все, кто им нравится. Не важно, что это совсем разная музыка и разные люди, что это трудно соединить...

DJ Слон (Олег Азелицкий): Как только Свиридова запела своего “Фламинго”, рейверы завизжали от ужаса и побежали с танцпола. Это была не вечеринка, а полный тухляк. Будто похороны! Хозяева понимали, что на таких исполнителях в Петербурге кассы не сделаешь.

DJ Лавски (Константин Петров): Все мы начинали с того, что денег не было. Первые вечеринки мы ведь делали своими руками. Соответственно, не зарабатывали на них либо вообще ничего, либо очень мало. Клубы типа “Норы” сначала не платили вообще, потом стали давать деньги на такси, потом уже стали платить шестьдесят рублей. Не знаю, почему именно шестьдесят. Странная сумма, конечно.

Но к середине десятилетия с деньгами все стало вдруг очень хорошо. Пооткрывались сомнительные клубы типа “Трансформатора”, и хозяева этих клубов теперь могли обеспечить нам очень серьезный уровень дохода. В том же “Трансформаторе” была знаменитая вечеринка, куда позвали Алену Свиридову и меня. Свиридова тогда получала триста долларов за выступление, а мне хозяева дали четыреста пятьдесят и долго заглядывали в глаза: “Извини, что не можем дать пятьсот!”

К 1996—1997 годам эпоха действительно сменилась. Все эти, блядь, гонорары, они росли моментально. То есть на той неделе ты получаешь сто, а на следующей неделе уже триста. Тогда всем казалось, что дальше дела будут идти еще прекраснее.

Вечеринка в ядерном реакторе (1996—1998)

DJ Бумер: А еще в том году я поехал в Крым выступать на “Казантипе”. Знаешь, да? Это вечеринка в недостроенном ядерном реакторе. Когда я приехал и выступил, все вдруг поняли, что... В общем, все приходили слушать только одного диск-жокея. Это было что-то из разряда “Вы должны это видеть! Вы должны это слышать!”

Никита Маршунок (основатель фестиваля “Казантип”): “Казантип” родился случайно. Первая вечеринка состоялась в 1992-м. Смешно, конечно, говорить, но там стояло несколько колонок АС-90, светило несколько фонариков и на берегу моря стояло человек триста моих знакомых. В самый последний день того фестиваля, когда мы сидели на берегу моря, кто-то сказал: “Вот сейчас родилось что-то настоящее!”

DJ Массаш (Александр Массальский): Самый первый раз на “Казантип” мы ехали в поезде. Тумблер спал на третьей, багажной, полке, а Женя Нейманд, брат Дениса, который потом стал режиссером и недавно снял фильм “Жесть”, тогда уехал с нами вообще случайно. Пошел нас провожать и уехал. Без документов, без вещей... Тогда такое часто случалось.

Никита Маршунок (основатель фестиваля “Казантип”): В 1993 году по странному стечению обстоятельств мне достались ключи от атомного реактора. Я не очень понимал, как это можно использовать, но в моем окружении были люди, которые сразу сказали: “Никита, сюда надо тащить электронику!”

Сам я в то время слушал совсем другую музыку. У меня был гранжевый период и совершенно другое настроение. И вообще электронная музыка была тогда совсем в зачаточном состоянии. Но нужна была радикальная смена музыкального формата, а электроника никого не могла оставить равнодушным. Я помню, был момент, когда почувствовал, что стою у истоков чего-то нового, какой-то музыкальной революции, да еще и с ключами от атомного реактора в кармане.

На самом деле до этого мы тусили в этой крымской деревне уже лет десять. Я пытался проводить здесь соревнования по виндсерфингу. Приезжали спортсмены, катались на досках... Тогда я коллекционировал хороших людей. И наступил момент, когда я понял, что если кого-то сюда приглашаю, то должен продумать, чем эти люди будут заниматься. Должен обеспечить им возможность досуга. Я купил звук, свет. Ну и повесил на себя кучу обязательств: общение с официальными структурами, с бандитскими формированиями и все остальное, чтобы оградить людей от всей этой херни. Я уже почувствовал, что в ответе за них.

В первый раз всем было безумно хорошо. Это было мероприятие совсем другого размера – не такое, как сейчас. Серферов было не очень много, но все знали друг друга по именам. Первый раз настолько мне понравился, что я не бросил, а стал заниматься “Казантипом” и дальше. Это ведь очень заразная вещь... Когда ты эту энергию чувствуешь, когда ты ею управляешь... Бросить невозможно! Это вам любой владелец клуба, любой промоутер и диск-жокей скажет. Никогда не променяешь это ощущение. Страшная зараза!

DJ Фонарь (Володя Фонарев): Впервые я попал на реактор в 1997 году. У меня было ощущение, будто я оказался внутри кинофильма “Чужие”. Совершенно футури-

стический дизайн! Неимоверные декорации, здание стоимостью в миллионы долларов с такими потолками, что гигантский воздушный шар свободно парил под потолком этого здания. Все очень огромное и при этом совершенно недостроенное. В любой момент ты мог сломать себе шею. Отовсюду торчали прутья и металлические штыри... Очень много людей переломалось. Это ведь настоящая атомная электростанция. Ее начали строить в 1980-х, а потом СССР развалился, и все бросили. Но при этом реактор так и остался там, внутри.

В наш самый первый приезд на “Казантип” шли жуткие ливни. Мы еле добрались. А потом машина подъезжает, и я понимаю, что реактор – это такой гигантский живой организм. Живущее своей отдельной жизнью существо размером со все это здание. Наверное, все это чувствовали, потому что насчет реактора бродило огромное количество легенд: и космические тарелки сюда прилетают, и мертвецы от радиации по ночам встают... Все это, конечно, очень подходило для электронной музыки. У меня в жизни вообще было всего два таких серьезных впечатления: “Love-parade” в Берлине, когда мы с DJ Грувом играли для полутора миллионов человек, и “Казантип”.

Никита Маршунок (основатель фестиваля “Казантип”): Сейчас ветераны движения, как пенсионеры на лавочке, с тоской вспоминают те первые вечеринки. Им бы показать живую то, о чем они тоскуют: бандиты, чудовищная аппаратура, бесконечные ментовские рейды... *(Смеется.)*

Крым на тот момент был такой украинской Сицилией. Очень жесткая территория. Тогда в Крыму людей убивали за сто долларов. Закапывали в лимане – и все. А мы приехали, привезли кучу аппаратуры, кучу всего и стали делать праздник с абсолютно бесплатным входом. Жители не понимали: зачем?! Никто не мог понять, в чем же здесь подвох?

Знаешь, есть такое понятие: крымский менталитет. С одной стороны, этим людям можно позавидовать – они живут в замечательном месте, на берегу моря. Но с другой стороны, в Крыму люди живут всего два месяца в году. И за эти два месяца они, несчастные, должны заработать денег. Поэтому в эти два месяца для них ничего святого не существует. Ничего, кроме денег, у них в глазах увидеть невозможно. В межсезонье с ними можно говорить о чем угодно. Они – прекрасные и вдумчивые люди. Но в сезон они становятся исчадиями ада. И все эти люди пытались узнать, зачем я всем этим занимаюсь?

Как-то, сидя на допросе в кабинете одного полковника милиции, мы незаметно перешли на “ты”. Он спрашивает: “Никита, ну скажи честно, для чего ты все это делаешь?”

Я говорю: “Знаешь, я, в общем-то, ничего другого не умею. Вот почему ты сидишь в этом кресле и задаешь мне вопросы? Вот и я тоже – ничего другого не умею, поэтому этим и занимаюсь!”

DJ Лена Попова: В Петербурге и Москве я здорово устаю. Просто от повышенного внимания к собственной персоне. Я, например, очень люблю танцевать, но уже давно не танцую. Просто не могу, когда на меня все смотрят и тыкают пальцем. Поэтому “Казантип” – это лучшее, что можно представить. Крым, ночь, берег моря... В семь утра все лохи сливаются, и мы отлично рубимся на пляже, и никто во всем мире не знает, где нас искать.

Никита Маршунок (основатель фестиваля “Казантип”): Сперва вход был бесплатный. У меня был другой бизнес, который мог мне позволить проводить этот праздник практически за свой счет. Но со временем бизнес пришлось бросить – “Казантип” стал занимать все мое время. То есть становилось понятно, что если мы не попробуем сделать фестиваль самокупаемым, то он просто закроется. В 1997-м я подтянул журнал “Птюч”, радио “Станция 106,8”, “Радио Максимум”, где тогда работал DJ Фонарь, а также несколько промоутерских групп. Из Москвы были “Underwater Promotion” (Горобий, Цодиков и Федоров), а из Петербурга был “Контрфорс”... Я собрал лучших промоутеров страны! Мне удалось посадить за один стол людей, которые бы вообще какать не стали на одном поле. Они все говорили о какой-то Ибице, а я даже не понимал, что это такое. Они мечтали о российской Ибике и о русском Гоа. На тот момент я не был ни там, ни там. Я не понимал, к чему они клонят.

Денис Одинг (промоутер): Впервые на “Казантипе” я оказался в 1997-м. Никита был серфером, и ему интересно было с нами общаться, чтобы научиться промоутерской деятельности. Арт-директором фестиваля первое время был москвич Леша Горобий. Но через какое-то время Никита поссорился и с “Птючем”, и со “Станцией”. И я поехал ему помогать. Тогда как раз появилась эта игра в государство “Казантип”. Никита стал его президентом, а все мы – министрами. Там был пост министра хорошего настроения в министерстве счастья и все в таком роде...

Никита Маршунок (основатель фестиваля “Казантип”): Новые люди пришли со своей аудиторией, со своими рекламными возможностями, со своими идеями. Но в проекте все они были малоэффективны, потому что не воспринимали его как свой. Я им очень благодарен, каждый из них многое сделал, но... Когда у меня возникли серьезные проблемы, все они сказали: “Прости, Никита. Но мы, в общем-то, ни при чем”. И все, кто до этого занимался “Казантипом” вместе со мной, тут же уехали. Один Миха Ворон меня не бросил. А проблем тогда было на полмиллиона долларов. На украинской таможне застряла фура с аппаратурой, плюс было возбуждено уголовное дело. Мне пришлось продать все, что у меня было, – вообще все! И следующие три-четыре года были очень тяжелыми. Но я выбрался. Просто после этой истории многие люди для меня лично перешли из категории партнеров в категорию просто друзей. Зато фестиваль выжил. Все продолжалось.

Модный клуб “Грибоедов” (1997)

Денис Одинг (промоутер): Даже к середине 1990-х, когда “Казантип” уже собирал толпы народу, а мы уже устраивали большие фестивали вроде “Восточного удара”, электронная музыка рядовому слушателю была известна довольно плохо. Все было очень свежим, хотя постепенно и начало как-то оформляться. В Москве, например, появился журнал “Птюч”. В то время он был очень важным средством получения информации. Мы, кстати, тоже пытались издавать свой журнал. Он назывался “Заноза”. Но у нас не было ни спонсоров, ни сети распространения, и в результате вышел только один номер. А “Птюч” был федеральным, и его читали по всей стране.

DJ Кома (Алексей Дунаевский): Когда “Птюч” только появился, это было очень круто, потому что тогда информации было мало и “Птюч” был едва ли не единственным способом узнать, что вообще происходит в этой области. Больше ничего не было, разве что лесная почта – кто-то что-то привез, кто-то куда-то ходил, что-то услышал. Интернета еще не существовало, а “Птюч” давал какую-никакую, но информацию.

DJ Лавски (Константин Петров): Не знаю... Мне этот журнал совсем не нравился. У меня даже было некоторое отторжение, потому что там все подавалось как некая виртуальная реальность какой-то совершенно непонятной мне молодежи. Там были очень странные статьи типа того, как сварить наркотики, и все в таком роде. Все-таки я под словом “рейв” понимал совсем другое. **DJ Фонарь (Володя Фонарев):** К “Птючу” я испытывал очень противоречивые чувства. Журнал был назван в честь клуба, который ребята открыли не где-нибудь, а прямо в подвале церкви. Что само по себе уже навевало определенные мысли – о преисподней и все такое. Один из родоначальников этого дела очень быстро сбежал из “Птюча” и подался в монахи. Потом совершенно непонятным образом пропал Ваня Салмаксов. Был человек, что-то делал, а потом раз – и никто не знает, что с ним случилось. Говорили, будто Ваню убили, но даже тела до сих пор не нашли. Потом DJ Компас-Врубель поехал покататься на воздушном шаре и влетел в электропровода. Погибла его подружка... Какая-то хрень, в общем, с этим “Птючом” творилась.

DJ Слон (Олег Азелицкий): Конечно, как и все, я читал этот журнал. Не скажу, что был от него в восторге. Тем более что, когда Москва еще возилась с журналом, у нас в Петербурге уже существовала целая телепередача, посвященная электронной клубной сцене. Для тех лет это было что-то невиданное. Официальное телевидение – и вдруг большая передача, говорящая о том, что происходит в клубах, которых тогда и открыться-то успело всего несколько. Конечно, такое могло происходить только в Петербурге.

Сергей Мельников (теле- и радиоведущий): Предыдущие четыре года мы проработали в американской компании, которая занималась рекламно-музыкальными радиопрограммами. Потом одурели от этой работы и уволились. Но за эти четыре года мы полностью выпали из местной жизни. Вокруг нас все говорили на иностранных языках, Воронов, бедняга, изучал географию СНГ, мотаясь по радиостанциям, а я вставал в девять утра и приезжал домой к полуночи. С нормальными людьми мы вообще не общались.

Вадим Воронов (теле– и радиоведущий): Ну американская же компания, елы-моталы. И тут мы выпадаем обратно в русскую жизнь, в которой уже ни хрена не понимаем. До этого у нас были немислимые многотысячные зарплаты, и вдруг их не стало. Что-то нужно было делать...

Сергей Мельников (теле– и радиоведущий): А незадолго до этого мне позвонил старинный приятель, басист группы “два Самолета” Антон Белянкин. В конце 1980-х – начале 1990-х я устраивал им самые первые концерты, но с тех пор мы мало общались. А тут Антон позвонил и сказал: “Ну? Что подельваете?” Я понял, что дела у Антона идут плохо, раз он позвонил. Явно он искал способ заработать.

Вадим Воронов (теле– и радиоведущий): Это сейчас он миллионщик, а тогда!..

Сергей Мельников (теле– и радиоведущий): Да. Тогда он не был миллионщиком. Я говорю, вот в американской компании работаем, а ты как? Мы поболтали и договорились еще созвониться, а через неделю после этого наша американская компания начала производство подросткового шоу на петербургском “Пятом канале”.

Вадим Воронов (теле– и радиоведущий): Причем прикрепили нас к детской редакции!

Сергей Мельников (теле– и радиоведущий): И я подумал: у нас же есть Антон Белянкин! Герой рок-н-ролла! А тогда был угар – все пели песни группы “два Самолета”. Как-то я ехал в тачке, и вдруг на радиостанции “Европа Плюс” заиграла их старинная песня “Бамбула”. И мы сказали: “О! Отличная идея! Давайте возьмем Антона ведущим!” Для нашей детской телепередачи мы взяли Антона и добавили к нему некоего идиота-подростка...

Вадим Воронов (теле– и радиоведущий): Ну потому что это официальное телевидение и детская передача. Нельзя было, чтобы уж совсем без детей. И получилось так, что один мальчик у нас был такой взрослый – Антон, а второй – этот подросток.

DJ Re-Disco (Денис Медведев, участник группы “два Самолета”): Когда группа “два Самолета” только появилась, нам было просто негде выступать. Концертных площадок не было. Фестивали проходили редко. Мы выступали в Домах культуры, проводили квартирники и выступления в сквотах. Помню, отличный концерт у нас состоялся в сквоте у Назарова с Одином в Свечном переулке...

При этом денег вообще никогда не было. Выступали бесплатно. Купил пиво – значит, домой пойдешь пешком, потому что на метро уже не хватало. Мы тогда даже не думали, что за концерты можно деньги брать.

Вадим Воронов (теле– и радиоведущий): Мы сделали приблизительно десять этих детских передач и решили, что хватит. Теперь идея состояла в том, чтобы сделать совсем другое шоу, но с тем же Антоном в качестве ведущего. Только на этот раз уже без подростков. Мы прибыли в модный клуб “Грибоедов”, который открылся приблизительно за две недели до этого, и сели тереть с Антоном.

DJ Re-Disco (Денис Медведев, участник группы “два Самолета”): “Грибоедов” открылся осенью 1996-го. Сперва мы пытались делать вечеринки в клубе “Нора”. Это был один из первых клубов города. Все заведения тогда ориентировались на музыку, на музыкальный формат, а мы попробовали сделать упор на общении. В “Тоннеле” все было достаточно жестко, а здесь мы пытались сделать мягче, комфортнее, для своих. У нас к тому времени было очень много друзей. Даже когда мы репети-

ровали в сквоте на Пушкинской, 10, туда все время приходили большие компании. То есть люди, готовые ходить в наш клуб, уже были. Тридцать, сорок, может быть, пятьдесят человек. И ты знаешь, что они всегда готовы прийти к тебе на вечеринку. Тут уже не обязательно колбаситься под техно – можно и музыку поварьировать, можно и с живыми концертами как-то совмещать.

Концепция сработала. У “Норы” дела стали идти в гору. Но тут произошел какой-то глупый конфликт с хозяевами помещения, и нас оттуда попросили. Выглядело это нелепо. Успех места целиком держался на нашей политике, а теперь нас оттуда выгоняли. После нас сделать что-то с “Норой” пытались музыканты группы “НОМ”, но у них не очень выгорело... Клуб вскоре закрылся, зато мы к тому времени уже открывали новое место – модный клуб “Грибоедов”.

Название “Грибоедов” не было связано с грибами. Хотя доля каламбура в этом, конечно, присутствовала. Просто незадолго до этого мы почитали забавную книжку, будто, мол, Грибоедов был знаком с персидскими магами и все такое. То есть он был гармонично развитой личностью: и писатель, и поэт, и музыкант, и дипломат, который заключил с Персией мир, и еще маг. Символ всестороннего раскрытия творческого потенциала. И мы решили оформить заведение в персидском стиле. У нас был знакомый художник, кстати перс по национальности, который разрисовал коридор какими-то персидскими мотивами.

Сам клуб, как и “Тоннель”, находился в бомбоубежище. Принадлежало оно заводу “Большевичка”. Сначала мы его арендовали, а потом через несколько лет выкупили. Но когда мы пришли в это бомбоубежище первыйраз, там был полный мрачняк. Вода стояла выше чем по щиколотку, маленькие комнатушки, заплесневелые стены, какие-то ржавые кровати... У нас были компаньоны, которые очень рьяно взялись за дело. Нашли рабочих, поразбивали стены, все в авральном режиме отштукатурили. Через несколько месяцев клуб был более или менее готов.

Вадим Воронов (теле– и радиоведущий): Мы пришли в только что открывшийся “Грибоедов”, засели там с Антоном Белянкиным и стали тереть насчет того, что неплохо бы сделать передачу о новой культуре. Антон быстро согласился. Мы стали обговаривать детали и обсуждать варианты названия. И тут Белянкин сумрачно говорит...

Сергей Мельников (теле– и радиоведущий): ...Он говорит:

– Калитка! Хорошее название – “Калитка”.

Я говорю:

– Почему “Калитка”-то?

Он чего-то помычал, а потом говорит:

– Не нравится “Калитка”, возьмите название “Камыши”. Оно еще лучше.

– А почему “Камыши”?

– Потому что есть такие детские стишки: “Заберемся в камыши, наебемся от души!”

Вадим Воронов (теле– и радиоведущий): Ход его мысли был не очень понятен, но я как-то проследил логическую цепь. И поскольку стихотворение нас поразило, мы сказали, что пусть будут “Камыши”. Так зародилась передача, ставшая впоследствии легендой. Антон Белянкин и Алексей Лозовский были в этой легендарной

передаче ведущими, а ваши покорные слуги были всем остальным: режиссерами, монтажерами, администраторами... Была еще пара человек, один из которых находил под передачу деньги, а второй раз в неделю отвозил готовую кассету на канал “СТС”, который тогда назывался “Шестой канал”. Ну и все. А передачу делали мы с Сережей. Два героя. **DJ Re-Disco (Денис Медведев, участник группы “2ва Самолета”):** С самого начала резидентами в “Грибоедове” были DJ Юджин и DJ Чикатило. Мы были с ними знакомы еще по “Норе”. И сперва они планировали устроить в “Грибоедове” студию. Они сидели днями и ночами, покупали какие-то железки, приборы, пытались все между собой соединить. А вообще, диск-жокеев тогда появилось уже достаточно. В “Грибыче” с самого начала играло очень много народу...

Сергей Мельников (теле– и радиоведущий): В самом первом выпуске программы “Камыши” электронная танцевальная сцена была представлена двумя очень модными персонажами: DJ Юджином и DJ Чикатилой. Которые, как я понял, были то ли еще... то ли уже... В общем, их снимали без нас, и когда мы увидели отснятый материал, то Воронов сказал: “Из этого ничего нельзя сделать! (Смеется.) До свидания, спасибо!” Это был бред сивой кобылы. И Женя, и Чикатило несли черт знает что.

Вадим Воронов (теле– и радиоведущий): Времени переснимать у нас уже не было, и эти интервью были склеены буквально из отдельных слов. Из их галлюциногенного потока сознания я умудрился слепить что-то внятное, и на экране ребята стали выглядеть даже интеллектуалами. (Смеется.) Вообще, Белянкин и Лозовский научили нас работать в невыносимых условиях. Поскольку из нас четверых непьющий только Сергей Мельников, а я и оба ведущих выпиваем, то иногда съемки превращались в кошмар. **Сергей Мельников (теле– и радиоведущий):** Да нет. Все было не так уж и трагично. Просто важно было попасть в их периоды активности и пассивности. Потому что когда один наш ведущий был полностью пассивен и спал после пьянки в чилл-ауте “Грибоедова”, второй как раз в этот момент был активен и работал. А потом он выдыхался и засыпал – значит, пришел момент будить второго. Мы его переносили, сажали и начинали снимать. А первый спал.

Вадим Воронов (теле– и радиоведущий): Вообще в программе сложность была всего одна – диск-жокеи очень плохо говорят. Это люди довольно ограниченные в смысле культурного уровня и кругозора вообще. Это относится к людям творческих профессий: актеры, художники, писатели – все они очень плохо говорят. А уж электронные музыканты и подавно. Они зациклены на том, чем занимаются, и, кроме вертушек, их мало что интересует. Вот стоит чувак, очень хороший диск-жокей, и все умирают под его музыку. Но к сожалению, совсем не может говорить. И как мы будем показывать его по телевизору?

Сергей Мельников (теле– и радиоведущий): Из звезд хорошо говорила только Лена Попова. Очень хорошо всегда говорил Костя Лавски, потому что он зубной врач... Зубной врач должен хорошо говорить. Иначе пациент может откусить ему палец.

DJ Re-Disco (Денис Медведев, участник группы “2ва Самолета”): Клуб понемногу развивался. В “Грибоедове” Антон Белянкин занимался генеральным руководством, Миша Синдаловский взял на себя PR и рекламу, а я ведал подбором артистов и концертными программами. Мы получали проценты с прибыли – остальные деньги забирали учредители. Это были не очень большие деньги, но теперь этого хватало, чтобы как-то жить и заниматься тем, чем давно хотел.

DJ Массаш (Александр Массальский): Когда “Тоннель” закрылся, я стал играть в “Грибоедове”. Для середины 1990-х этот клуб стал тем же самым, чем “Тоннель” был для начала десятилетия. Место стало культовым почти моментально. Даже ментовские облавы там проходили так, что об этом писали московские газеты.

DJ Re-Disco (Денис Медведев, участник группы “два Самолета”): Первая облава прошла, по-моему, в 1997-м. Был четверг, народу совсем немного, и вдруг подъезжает автобус, вываливает куча народу, всех кладут на пол. И они у кого-то нашли пакет сида. Или марихуану? Ну не помню, в общем, что-то они нашли. Причем было ощущение подставы, потому что сперва они вбежали и начали обыск, а уже потом в клуб вошел человек, и они у него нашли. Ну а раз нашли, значит, можно все разгромить. Они погромили, украли у посетителей пейджеры и плееры (телефонов-то еще не было) и уехали.

DJ Массаш (Александр Массальский): Была еще одна легендарная облава, но я в тот вечер в клуб не пришел. Тогда менты стреляли прямо в дверь, а ребята изнутри закрылись и не открывали.

DJ Re-Disco (Денис Медведев, участник группы “два Самолета”): В “Грибоедове” мы иногда проводили показы мод. У нас были знакомые модельеры, и мы иногда просили их: давайте сделаем показ. В тот вечер мы показывали коллекцию модельера Бухинника. Было битком народу, и даже снимало какое-то телевидение. И тут подъезжают опять машины... Мы заперлись и давай звонить в милицию, говорить, что в клуб ломятся вооруженные люди. Потом предупредили всех гостей на случай, если кто-нибудь принес что-то с собой. Уборщики помыли полы, чтобы можно было ложиться на чистое. А ОМОН все это время стоял снаружи на морозе. Они приезжали, уезжали, потом наконец подогнули технику и вырвали дверь. Вбежали и стали вести себя очень жестко. Ходили прямо по людям, пизды давали, все отнимали. Народу в клубе было очень много. Места на полу, чтобы всем улечься, не хватало. В результате они вывели людей на улицу и положили прямо в снег. При том что это была ночь, зима и там было реально холодно. Бухинник объяснял, что на эту ночь у него куплен билет на самолет и ему нужно уезжать в Париж, а менты пинали его ботинками и говорили, чтобы он не вздумал разевать рот.

А Паша Владимирский с финским фотографом Самми Хюрскилахти шли снимать показ, но опоздали. Когда они подъехали и увидели, что происходит, то пробрались на крышу соседнего дома и хорошим фотоаппаратом сделали несколько кадров. Снег, менты и на снегу вокруг клуба лежат люди. Уже утром это было в англоязычной газете “St. Petersburg Times”. В статье говорилось, что ОМОН опять избил и ограбил клуб “Грибоедов”. Менты очень удивились и испугались. Был реально большой резонанс. Им звонили из Москвы: “Что такое творится? Что вы там устроили?”

Нас пригласили для беседы в офис ГУВД на Литейном. Разговаривать с нами вышла тетенька из пресс-службы, которая все спрашивала, что нам надо. А мы отвечали, что хотим только, чтобы нас не трогали. Чтобы дали спокойно заниматься своим делом.

Вадим Воронов (теле- и радиоведущий): Об этой облаве мы тоже сообщали в “Камышах”. Хотя мы старались не заикливаться только на Петербурге. Бывали и в других городах. Как-то в Москве за одну ночь объехали целых пять заведений. Первая точка – открытие клуба “Утопия”. Впечатление было совершенно дикое, потому что

билеты стоили, как сейчас помню, сто пятьдесят долларов. Для середины 1990-х это было очень круто.

Сергей Мельников (теле– и радиоведущий): Ах, это была ночь открытий! Из “Утопии” мы попали в “Титаник”. К тому времени клуб работал только десятый день...

Вадим Воронов (теле– и радиоведущий): К нам вывели директора клуба Олега Цодикова, он сказал (*изображает пьяную речь*): “С-с-сцену снимать н-низзя”. – “Почему?” – “Низ-з-зя! Там отдыхают (*свистит, изображая высоких шишек*), а вас... (*свистит, показывая тазом, что именно с нами сейчас случится*)” Мы все равно зашли, и до нас тут же докопались два свирепых чувака... Ну, все как надо – малиновый пенджик, цепь, кольца-гайки, рубаха шелковая. Они стали интересоваться: “Скока твоя камера стоит?” Оператор честно ответил, что двадцать пять тысяч долларов, и те полезли за деньгами. Нас еле увели оттуда, потому что, боюсь, эти красотки у нас ее бы купили вместе с отснятым материалом. (*Смеется.*)

Вадим Воронов (теле– и радиоведущий): А еще знаешь что? Убери из книги все наскоки Сергея, связанные с пьянством “Самолетов”, ладно?

Сергей Мельников (теле– и радиоведущий): А я требую, чтобы все было оставлено, потому что это все правда.

Вадим Воронов (теле– и радиоведущий): Это все неправда. От начала до конца. Это его гнусные выдумки.

Сергей Мельников (теле– и радиоведущий): Не слушайте этого старого, толстого, малоприятного человека. Он так говорит только потому, что теперь будет бояться ходить в “Грибоедов” в связи с тем, что я рассказал о делах “Самолетов” правду.

Вадим Воронов (теле– и радиоведущий): Это неправда!

Сергей Мельников (теле– и радиоведущий): Правда, правда!

“Радио Рекорд” (1997—1998)

Вадим Воронов (теле– и радиоведущий): Обиднее всего, что страна не знает своих героев. Но сейчас я вам все расскажу. Сейчас вы узнаете, кому обязаны всем хорошим в своей жизни. Вы ведь хотите узнать правду?

Сергей Мельников (теле– и радиоведущий): Сейчас уже и не вспомнить, каким ветром нас занесло на “Радио Рекорд”. Просто с Виктором Резниковым, знаменитым певцом и композитором, написавшим песню “Динозаврики, может, вы попрятались в Африке?”, мы были знакомы очень давно. Кажется, познакомились в начале 1990-х, когда он тоже сотрудничал с телевидением. А может, и нет. Ну не важно. Важно, что в те годы он умудрился получить деньги с какого-то немыслимого сталелитейного комбината. Каким-то образом он извлек из них сто с лишним тысяч долларов и на эти деньги соорудил продюсерский центр. Он придумал это радио, а потом трагически погиб. И его жена Людмила Александровна оказалась в очень сложной ситуации. Муж погиб, на руках двое маленьких детей, как жить дальше – непонятно. Но она все-таки не дала радиостанции погибнуть. За это ей можно сказать только огромное спасибо. Радио работало, эфир заполнялся, дела как-то шли.

Вадим Воронов (теле– и радиоведущий): А дальше мы просто пришли на “Рекорд” и попросились на работу. Естественно – пришли и предложили, чтобы там выходила радиоверсия “Камышей” в нашем исполнении... **Сергей Мельников (теле– и радиоведущий):** Потом запустили еще шоу “Модный Бум”. Оно выходило каждый вечер...

Вадим Воронов (теле– и радиоведущий): А через какое-то время мы пришли к Людмиле Александровне и сказали: “Понимаете, мы ведь, в общем-то, супергерои. И лучше нас все равно нет, поэтому давайте мы станем здесь самыми главными. Как вы считаете?” Людмила Александровна думала не очень долго. Она предложила нам огромные деньги, гигантские зарплаты, и мы, конечно, не могли отказаться. И стали заниматься радиостанцией.

ДЖ Бумер (Федор Крылов): Чтобы отыграть на этом радио, нужно было записаться заранее, договориться чуть ли не за месяц, что ты поиграешь, и следить, чтобы тебя поставили в эфирную сетку. В положенный день я брал проигрыватели под мышки, а в сумке у меня лежал микшерский пульт и пластинки. Нагруженный всем этим, я ехал на радио. У них техники тогда вообще небыло.

Сергей Мельников (теле– и радиоведущий): Был период, когда программный директор куда-то на четыре недели пропал. И радио четыре недели плей-лист вообще не меняло. Компьютер просто выдавал одни и те же песни. При этом с самой музыкой творилось что-то невообразимое. Любой человек мог прийти и начать втирать, будто его музыка – самая передовая. И его тут же ставили в эфир.

ДЖ Лавски (Константин Петров): На “Радио Рекорд” брали всех подряд. Первое время там был такой арт-директор, который в музыке не разбирался вообще. Он ходил на вечеринки, читал флаеры, а потом нанимал диджеев, исходя из того, что на флаерах было написано.

Вадим Воронов (теле– и радиоведущий): Личных музыкальных пристрастий Людмилы Александровны я не знаю. Но думаю, она и до сих пор не очень отличает

драм от бейса. Зато она хорошо отличает рубли от долларов. И вообще ориентируется. Сориентировавшись, она поставила нас на ответственные посты. Потому что на тот момент “Рекорд” мог в течение нескольких дней не выдать в эфир вообще ни одной популярной песни. А такого на радио не бывает. Так что первым делом мы начали радио реформатировать. И сделали из “Рекорда” то, чем оно во многом является сегодня.

Сергей Мельников (теле– и радиоведущий): У нас в компьютере лежало до хрена “колбасы”. Нужно было что-то с этим делать, и я придумал ставить ее по ночам. Я сделал плей-лист, состоящий исключительно из “колбасы”: каждый день, с понедельника по пятницу, она играла с двух ночи до пяти утра. Нужно было как-то все это обозначить, и я предложил название “Колбасный Цех”. Почему – не знаю. Говорят, сейчас “Колбасный Цех” – крупнейший рейв Восточной Европы. Но началось все с того, что я просто сделал ночную программу.

Вадим Воронов (теле– и радиоведущий): Через какое-то время делами радиостанции стал заниматься еще и сын Людмилы Александровны Андрияша Резников. Помните, наверное, когда он был маленьким, то вместе с сыном Михаила Боярского пел паину песню про динозавриков. Ну вот! К тому времени Андрияша вырос и взял радиостанцию в свои руки. Мы четыре месяца объясняли ему, как все это работает, и, кстати, Андрей Викторович помнит добро. Он до сих пор нас благодарит и, бывало, целует. В отличие от всех остальных.

Сергей Мельников (теле– и радиоведущий): Четыре года подряд я вставал в пять утра. А Воронов – в полшестого. Каждый день у нас было утреннее шоу. Мы отработывали его, но домой после этого уехать, конечно, не могли. Нужно было заниматься дневными делами. А потом еще и ночными делами. В общем, мы сидели там до полной потери пульса.

Вадим Воронов (теле– и радиоведущий): Эта радиостанция – во многом и наших рук дело. Правда, вспоминать об этом никому не нравится. Вот девушка DJ Lady Waks пишет на сайте, что работала на “Радио Рекорд”. Она об этом везде заявляет, но почему-то я нигде не видел истории про то, как она оттуда ушла. Или взять, например, диджея Гвоздя. Почему Гвоздь никогда и ни в каких интервью не говорит, что это мы взяли его на работу? И не просто взяли!

Сергей Мельников (теле– и радиоведущий): Да! Не просто! История, значит, какая. Первый раз мы увидели парня, еще когда снимали “Камыши”. Он играл панк-рок в составе какой-то группы. У них был басист и гитарист, а Гвоздь там крутил пластинки с басовым и барабанным битом. Когда после этого он решил стать диджеем, я мучил Костю восемь месяцев...

Сергей Мельников (теле– и радиоведущий): К тому времени на “Рекорде” существовало драм-н-бейс шоу. Оно называлось “Рикошет”, а вели его DJ Бумер и DJ Тук. При этом Бумер уже тогда вел себя как телепроповедник – задира подборонок и крестом складывал на груди руки. Он заранее записывал программу на кассету, и Тук, как младший по званию, эту кассету привозил к нам в студию. Бумер считал себя суперзвездой, вел себя как суперзвезда, а потом забил на “барщину” – перестал являться на радишные мероприятия, где его участие было заявлено. В общем, Бумер обидел руководство компании.

DJ Бумер (Федор Крылов): Ебаный корень! Сейчас всем кажется, будто “Рекорд” это круто. А это было радио самого низшего дивизиона! Оно было просто по

уши в говне! То есть нереальная срань болотная! Это мы делали им услугу, когда соглашались там поиграть. Я брал под мышки свои вертушки, набивал рюкзак пластинками – и полный вперед! Приезжал, играл, обратно уезжал за свой счет на такси. Выступал на этом долбаном радио, а потом ехал играть по клубам.

Сергей Мельников (теле– и радиоведущий): Руководство компании приняло решение, что Бумера надо закрывать. Федора закрыли, и на радио больше не было шоу про драм-н-бейс. Но совсем без такого шоу тоже нельзя. И что делать? Вот тут-то и появился DJ Гвоздь. Я Гвоздя мучил реально. Я заставлял его произносить скороговорки, потому что у него были проблемы с дикцией. Но постепенно мы справились. По четвергам ночью Гвоздь стал вести четырехчасовое драм-н-бейс шоу “Пиратская станция”. Сперва два часа драм-н-бейса, а потом два часа еще черт знает чего. Вот так DJ Гвоздь и появился на “Рекорде”.

DJ Бумер (Федор Крылов): Я работал на “Радио Рекорд” до тех пор, пока они не организовали гениальную серию выступлений под бредовым названием что-то вроде “Получи пятерку – и встретиться с диджеем!”. Или там была не пятерка, а зачетка? В общем, ты понимаешь. Для меня это было совершенно неприемлемо. Руководство радио предлагало мне выступать в спортзалах или актовых залах институтов и школ! Нормально? Пускай там играет DJ Цветков! Или DJ Ромео! Я играть там не собирался! Ни за что!

Я говорю: “Вы что, с ума походили? Вообще не понимаете, что несете?”

А они будто только этого и ждали. Тут же заявили мне: “У нас есть DJ Гвоздь! Молодой мальчик, из которого мы сделаем звезду! Ярче тебя! Мы уже сделали DJ Цветкова, а теперь сделаем еще и DJ Гвоздя!”

Ну что? Я пожелал им попутного ветра в сраку, развернулся и ушел. Вот так появился DJ Гвоздь. С его харизмой и дикцией ему потребовалось два года, чтобы добиться хоть какого-то резонанса. Представляешь, сколько в него было ввалено денег и рекламных эфиров? Именно благодаря Андрею Резникову и его команде драм-н-бейс сейчас – это дерьмо, которое не имеет никакого отношения к музыке. Спасибо, в общем, им большое.

Вадим Воронов (теле– и радиоведущий): Самым крутым на “Радио Рекорд” был, конечно, DJ Цветков. Это было время расцвета “колбасы”, в смысле таких стилей, как прогрессив-хаус или европейский прогрессив-транс. Цветкова незачем было раскручивать, потому что он реально был очень популярным персонажем. У него было шоу “Полетели”, которое продавалось лучше всего, что было на “Рекорде”. К концу 1990-х он был мегапопулярным.

DJ Бумер (Федор Крылов): Ну, да. Появился такой мифический чувачок, Леша Цветков. Какой-то молодой парень, школьник. Он тогда еще реально учился в школе. “Радио Рекорд” пребывало тогда в такой фазе, что только школьники там и могли играть.

Вадим Воронов (теле– и радиоведущий): Можно сказать, что всего за пару лет из “Рекорда” мы сделали фабрику звезд. Наши диджеи становились звездами, радио начало нормально работать. При этом на рекламу станции не было потрачено ни копейки! “Рекорд” заработал по-настоящему на наших идеях. Короче, пришли и подмогли “Рекорду” стать действительно радиостанцией. Полубоги, блин... (Смеется.)

Open-airs (1998—1999)

Никита Маршунок (основатель фестиваля “Казантип”): “Казантип” существует уже пятнадцать лет, и не проходит и года, чтобы кто-нибудь не пытался его запретить. Как-то раз Верховная Рада единогласно проголосовала за то, чтобы нас закрыть. Потом сами же приехали и искали выход из ситуации. Потому что невозможно закрыть предприятие, которое является основным налогоплательщиком в этом регионе, которое дает огромное количество рабочих мест, которое даже можно назвать градообразующим!

ДЖ Фонарь (Володя Фонарев): “Казантип” существует уже пятнадцать лет, и я бы разделил его историю на два этапа. Мне кажется, что до 1999 года это был один “Казантип”, а после – совсем другой. Пока вечеринки проходили на реакторе, там было много москвичей и питерцев, там была немного другая музыка, и все это больше напоминало тусовку. Сейчас там больше украинцев, сейчас это масштабное явление, и сейчас никто уже не скажет, будто это мероприятие только для своих.

DJ Re-Disco (Денис Медведев, участник группы “два Самолета”): Последний раз я был на “Казантипе” прошлым летом и опупел от того, что увидел. Столько жлобья, столько народу не в себе... Десять тысяч полностью убранных чело-век! То есть просто какая-то негативная волна. Я там был заявлен и даже начал играть, но тут приволоклись крепкие ребята и меня просто выдернули из-за пульта. Говорят:

– Сейчас будет играть вот он, а ты – на хуй отсюда!

Я говорю:

– А пластинки забрать?

– Потом заберешь!

Вот примерно такой “Казантип”.

Никита Маршунок (основатель фестиваля “Казантип”): “Казантип” – давно бренд. Только ленивый промоутер не проводил еще вечеринки, в названии которой стоит слово “Казантип”. Это происходит по всей стране, и бороться с этим бессмысленно. И потом, если вечеринка проведена на достойном уровне, то зачем бороться? Пусть оупен-эйров будет много. Пусть они будут очень разные.

ДЖ Лена Попова: Оупен-эйров стало проводиться очень много и разных. Но первым настоящим оупен-эйром в России была, конечно, наша вечеринка на дамбе, неподалеку от знаменитых Кронштадтских фортов. Площадка там не очень приспособленная. Место диджея располагалась прямо в кабине распиленного грузовика. Вертушки висели подвешенные на каких-то резиновых эспандерах. А для диск-жокея оставалось место на лежащей между колес досочке. Нужно было умудриться встать, как-то удержать равновесие, чтобы не грохнуться, и при этом еще и еще вертеть пластинки. В какой-то момент пошел дождь. Причем не просто дождь, а жуткий ливень. Мы как раз играли с Анжелкой, и нас вместе с грузовиком просто накрыли полиэтиленовой пленкой, чтобы не заливало пластинки. Мы играли в этом темном мешке, но было страшно весело. Еще я запомнила, что там была девушка-диджей – немка и беременная. А чуть в сторонке располагался очень красивый старинный пирс, который

ребята расчистили и поставили там свечи, украсили все это лампочками. Это был туалет.

ДЖ Бумер (Федор Крылов): Мне позвонила Лена Попова: “Федя, у тебя есть вертушки?! Мы делаем оупен-эйр”.

Сейчас к вертушкам относятся проще. Но чтобы в то время кто-то отдал свои вертушки для мероприятия в лесу? Вертушки были такой, знаешь, реликвией. Это было нереально! Люди чуть ли не молились на вертушки. Это была почти что икона.

А вот я согласился. Это был самый первый оупен-эйр в стране. Я сказал: “О’кей, я привезу вертушки, но мне хотелось бы тоже поиграть у вас со своей бандой”. Мне было отвечено: “Хорошо! Приезжай и играй! Там будет два танцпола – на одном из них поиграете”.

К фортам нужно было идти по дамбе, ведущей от берега Финского залива до острова Кронштадт. Мы пять километров несли вертушки в руках. А вертушки – каждая килограммов десять.

Сами форты были очень странным местом: такие старинные крепости, торчащие прямо из воды. Какие-то оупен-эйры ведь проходили и до этого. Но ничего подобного самому первому мероприятию в фортах не было никогда. Там собралась куча народу, все общелкались и потом тонули в Финском заливе... Это был хороший, я бы сказал, позитивный психоделический экспириенс.

Павел Стогар (промоутер): Необычных мест с особой атмосферой в Ленинградской области хватает. И в каждом таком месте можно что-нибудь устроить. Например, в поселке Лебяжье когда-то существовал офигенный клуб “Вентиль”. Он находился в огромной цистерне. То есть там была котельная, а прямо под котельной огромный бак, цистерна. В баке была пропилена дыра: ты идешь-идешь и вдруг неожиданно попадаешь в этот бак. Это металлический пузырь, наполовину закопанный в землю. И внутри там стоит пять киловатт звука. Причем этому звуку совершенно некуда там деваться. Когда включалась музыка, люди просто вылетали – их выносило волной звука. Это было похоже на аттракцион: ты включаешь музыку, и возникает эффект свободного падения. А прямо рядом с котельной там было маленькое озеро, такое болотце. И летом рейверы выскакивали из цистерны и прямо в одежде прыгали в воду.

Денис Одинг (промоутер): О том, чтобы провести мероприятие в фортах, мы думали еще в 1993-м. Но в то время Кронштадт был закрытым военным городом. Потом его открыли, но я тогда уже был занят “Казантипом”. А потом все как-то сложилось, и вместе с архитектором Мишей Бархиным мы решили сделать большой оупен-эйр. Вариантов было два: либо устраивать все в Константиновском дворце, либо в фортах.

Еще одним участником проекта был промоутер Эдик Мурадян. Мы встретились, поговорили, и Эдик сказал, что у него есть знакомый нефтяной магнат – увлекающийся человек и любитель электронной музыки. Тот был готов давать под такие проекты деньги. Мы показали ему оба места, и он сказал: “Давайте лучше форты. Дворец – это тоже неплохо, но форты как-то красивее. Кроме того, у меня есть яхта, я прямо на ней сюда и приплыву”.

Он дал нам двадцать тысяч долларов. Тогда этого было достаточно. Большинство диск-жокеев играли бесплатно, поэтому мы уложились в эту сумму. Наш спонсор то-

же приехал на вечеринку, правда не на яхте. Ему все очень понравилось. Понравилось настолько, что вскоре нас подвинули, и вечеринки в фортах москвичи стали делать самостоятельно.

DJ Бумер (Федор Крылов): Мы ходили на все вечеринки подряд, везде играли и показывали себя. В то время не обратить внимание на новое поколение было уже невозможно. После 1997 года вдруг появились ребята, которые выглядели очень определенным образом. Тогда ведь все выглядели рейверами, все были такими мурзилками. А тут вдруг приходили парни, которые слушали другую музыку и выглядели иначе – в панاماх, в камуфляжных штанах. Мы были просто такой антипод всему происходящему. Когда мы где-то появлялись, это просто отправляло всех в нокаут. Наша армия постоянно росла. Ты шел по улице, и люди сразу понимали, что ты джанглист, а не рейвер. То есть мы тогда выглядели ох как особенно.

Павел Стогар (промоутер): К концу 1990-х на первый план вышло совсем другое поколение, которое слушало уже другую музыку и желало совсем других развлечений. Старые герои не могли удержать позиции, а молодежь только и делала, что отплясывала на оупен-эйрах.

DJ Бумер (Федор Крылов): В Европе тогда как раз только-только набирал силу стиль r'n'b. Ну, знаешь, все эти телочки со спущенными штанишками, с торчащими трусиками. Одно время промоутер Эдик Мурадян проводил вечеринки на кораблике... вернее, не на кораблике, а на таком небольшом дебаркадере, пришвартованном прямо напротив Эрмитажа. Сначала дебаркадер занимал Миша Воронцов, но у него там что-то не заладилось. А потом я открыл там клуб “Комбо”, начал устраивать там летние вечеринки, и дело пошло! Именно там впервые в России можно было услышать нормальное r'n'b!

Павел Стогар (промоутер): Вечеринки в фортах стали известны очень быстро. Но самым массовым оупен-эйром стали не форты, а “Медное озеро”. Эти мероприятия тоже устраивались на свежем воздухе, но поскольку вход там был бесплатным, то съезжалось на “Озеро” больше тридцати тысяч человек.

Появилось все это почти случайно. Ребята из клуба “Мама” как-то решили устроить барбекю. У кого-то из них рядом с Медным озером на Карельском перешейке была дача, и они знали эти места. Знали, что там мешать им никто не будет. В первый раз приехало человек пятьдесят. На следующий год уже несколько сотен. Желающих было так много, что людей заранее собрали в городе и организовали для них централизованный выезд на природу. А потом все пошло по нарастающей.

На третий год там творилось уже непонятно что. Это был тот самый год, когда прямо во время сета DJ Слону в руки прилетела голая баба. Вообще диджею постоянно что-то бросают, и Слоны привык: прилететь может все что угодно. Но чтобы голая баба?

В разгар веселья эта дура залезла на колонку ElectroVox, разделась и стала танцевать. Причем уколбашена она была конкретно. Ну и наебнулась – упала прямо на вертушки Слоны, ногой порвала мне динамик. Я влетел на сто пятьдесят евро. Отличная была party!

DJ Бумер (Федор Крылов): В 1999-м на меня свалилась уже реальная слава. Например, на каком-нибудь фестивале мог играть реально именитый диджей, а я вы-

ходил на сцену, просто чтобы поставить сумку с пластинками. Я осторожно крадся к пульта, чтобы меня, не дай Бог, не заметили, но вдруг кто-то из зрителей видел меня, и толпа начинала скандировать: “Бу-мер! Бу-мер!” В течение десяти минут! Они даже не давали ему закончить свой сет!..

Сперва я просто играл по клубам, потом вел программу на радио, а потом стал ездить с выступлениями по городам России. На тот момент никто не занимался турами – ни москвичи, ни парни из Петербурга, никого-никого-никого не было! А мы подошли к этому очень ответственно. Печатали афиши, перед выступлениями засылали в город флаера, в поддержку тура делали кассеты.

Микс для кассеты я готовил месяца два. Тогда ведь все записывалось живьем, никакого монтажа не было. Я сидел над миксом очень долго, но в результате это был настоящий лидер продаж! Люди из торговли говорили мне потом, что поп-артисты нервно курили в углу – такие невероятные у нас были продажи! Из всех киосков звучала только наша музыка. По глупости на обложки мы поставили свои лица, и нас стали везде узнавать. Это был реальный культ. Вдруг промоутеры поняли, что если нас не пригласить, то они просто не соберут необходимое количество слушателей. Теперь это был уже серьезный бизнес, и к нам стали относиться совсем по-другому.

На пике этой популярности у меня появилось ощущение, что надо дать возможность поиграть молодым диджеям. Я стал человеком, который давал возможность мечтам диск-жокея сбыться. Играть и получать за это деньги. Я был работодателем, а на афишах так и писали: крупно “Бумер”, а мелким шрифтом “и компания”. Так, собственно, и появилась вся современная грядка драм-н-бейсовых диск-жокеев. У большинства этих ребят даже не было своих имен, но я вывел-таки их в люди. Вместе с Олегом Слоном мы были промоутерами в высшем смысле этого слова. Не просто тупо и цинично рублили деньги, а делали какую-то историю.

Владимир Иванов (группа “Пи-Си-Пи”): Он все врёт! Так и напиши: первым драм-н-бейсовым музыкантом в России был я! *(Смеется.)* Мы играли джангл, и Федя играл джангл. Причем мы все вместе играли в “Тоннеле” и в “Ten-Club’e”. А он теперь орет, будто кроме него этим никто не занимался. Они всегда были ублюдками!

По-любому отцы всего, что сейчас происходит, это мы со Слоном. Сами это заварили, а теперь оба сидим в жопе. Я – в Ломоносове, Слон – в Ольгино. Сейчас очень смешно наблюдать, как всякие лохи, которые раньше были детьми, пытаются на тебя подзалупный творожок крошить. Говорят, дескать, это они тут отцы всего!

Я каждый раз им отвечаю: “А ну, пошли на хуй отсюда! Распоясались!”

За все это я Бумера и не люблю. Когда в последний раз встретил его на фортах, то чуть рожу ему не набил.

DJ Лена Попова: Постепенно пошла волна крупных рейвов, очень массовых мероприятий, но лично мне играть там не нравится. Раньше еще куда ни шло, а сейчас... Играть не в прайм-тайм, за сто долларов, на сгоревшем звуке, как я последний раз играла? И смотреть на семнадцать тысяч нагрибоченных малолеток, потому что нормальные люди давно уже никуда не ходят? Мне это совсем неинтересно. После такого как минимум за моральный ущерб надо доплачивать.

Павел Стогар (промоутер): Мы проводили вечеринки в Сосновом Бору, где расположена атомная электростанция, и в Выборге, рядом с рыцарским замком. Мы

проводили очень много вечеринок, и часто случались очень жесткие истории, которые я для книжки даже не хочу рассказывать. Бывало, там творились такие безобразия, что мне самому было страшно. Все было: и побоища, и несчастные случаи. А вот Госнаркконтроль почему-то никогда меня не навещал. Хотя я к деятельности Госнаркконтроля отношусь очень положительно. Не было бы его, у нас бы пенсионерки здесь кокаин нюхали. Вообще, для нормального промоутера важно, чтобы человек пил в баре пиво. Постоянно подходил, покупал и пил, потому что доходы вечеринки складываются в том числе и из выручки бара. А если человек понюхал спидов или кокса, то на следующие двенадцать часов ничего, кроме бутылки минеральной воды, ему уже не надо. Так что, когда милиция задает мне хитрый вопрос: “А на чем это вы во время „Медного озера“ зарабатываете?”, я каждый раз говорю: “Не на том, на чем вы думаете. Мне невыгодно, чтоб у меня люди херачили это дело. Финансово невыгодно, понимаете?”

ДЖ Бумер (Федор Крылов): Все эти массовые огромные мероприятия выглядят очень увлекательно. Но основная идея из них давно ушла. На большие рейвы сегодня ходят слушатели, которые и понятия не имеют о том драм-н-бейсе, который играл я. Так что настал момент, когда я сказал: “Нет, ребята! Это не мой драм-н-бейс! Я к этому никакого отношения не имею и иметь не хочу! Я сделан из другого теста”.

Павел Стогар (промоутер): А мне большие мероприятия нравятся. На “Медном озере” я ведь почти ничего не зарабатываю, больше трачу. Но это отдых, замечательный отдых, за который не жалко платить. По большому счету я организую этот фестиваль для себя, а если туда придет еще тридцать четыре тысячи девятисот девяносто девять человек, ну что ж, прекрасно! Сегодня мне тридцать три года, и я не чувствую никакой усталости. Вообще ни от чего – ни от бизнеса, ни от вечеринок! Знаешь, бывает, в таком возрасте люди начинают жаловаться на жизнь, а я не могу! Сейчас мне вообще охуенно. Я чувствую себя прекрасно! Недавно поставил себе в машину звука на три с половиной тонны баксов – и счастлив! Нормальный человек ведь не поставит себе в машину звук за три с половиной тысячи долларов, как думаешь? А я поставил! Зато если теперь включить у меня в машине музыку, то звучит отлично! Сейчас вот жесткач с фестиваля “Mayday” слушаю. Никогда еще не чувствовал себя так замечательно!

“Порт-FM” (1997—1998)

DJ Бумер (Федор Крылов): На момент появления радио “Порт-FM” и клуба “Порт” за нами уже стояла целая толпа людей, огромная тусовка. То есть на наши вечеринки приходило, может быть, не очень много народу, но зато это были нереальнейшие модники, которые врубались во всю историю. Мы будто сидели на динамите. Мы верили, не сегодня завтра выстрелим. В то время мы были техно-романтики, верили во что-то неземное. Все думали, что наступит момент, и техно-культура победит. Вот это раннее техно-движение, оно было сродни хиппи. Все ждали какого-то отличного, охуенного рейва, когда все станет так здорово. Но как ни странно, чем больше народу к нам приходило, тем все становилось хуевее и хуевее. А после того как закрылся “Порт”, все, можно сказать, и совсем кончилось.

Олег Назаров (промоутер): В Москве был такой парень Игорь Поддубный. Он был владелец компании “Техносервис” – в то время самого крупного поставщика сигарет в России. И он вложил в проект “Порт” два с половиной миллиона долларов.

Михаил Воронцов (промоутер, диджей): И клуб, и радиостанция “Порт-FM” изначально не строились как бизнес-проекты. Это было развлечение сигаретного магната Поддубного, который, используя разные хитрые схемы, возил сюда сигареты. Он зарабатывал миллионы, сотни миллионов. И “Порт” был просто его игрушкой.

Олег Назаров (промоутер): “Порт” сначала строил Леша Хаас с одним московским чуваком, которого звали Данила. Этот Даня резанул из бюджета пятьдесят тысяч долларов и проиграл их в казино. К счастью, голову им отрывать не стали, а просто выгнали и вместо них позвали модного архитектора Мишу Бархина. Бархин до этого жил в Москве. Петербургскую специфику он знал не очень хорошо. И он позвал меня. А мы тогда как раз устроили рейв в Знаменке. И хозяева “Порта” сказали: “Вот это да! Вот это мероприятие! Очень вменяемые чуваки! Давайте возьмем их к нам на зарплату? Нашему клубу такие нужны!”

Денис Одинг (промоутер): Оупен-эйр в Знаменке сделали Бархин и Назаров. Сперва я очень обиделся, что все это было проведено без меня. Потому что о том, чтобы провести оупен-эйр в императорском Константиновском дворце, где сейчас резиденция Путина, я думал уже несколько лет подряд. Мне сперва казалось, что ребята украли у меня идею. Но потом поостыл, сам туда съездил, и мне очень все понравилось.

DJ Лена Попова: В Знаменке, я помню, играла в одних трусах и в варежках. И еще у меня была страшно модная куртка. Помню, там на кого-то упали... или кто-то откуда-то сверху свалился... в общем, я играю, а ко мне подходят и говорят: “Там девочка разбилась насмерть!”

Я играю и плачу. Я плачу и думаю: да как вы можете танцевать?! Человек погиб! Потом, правда, оказалось, что вроде все ничего, девушка жива, просто здорово разбилась.

DJ Бумер (Федор Крылов): Как раз после того рейва в Знаменке я и познакомился с Мишей Бархиным и со всеми остальными участниками проекта “Порт”... И Назаров сказал, что помимо клуба у них будет еще и свое радио.

Я говорю: “Всё, пиздато! Я буду в этом участвовать!”

Олег Назаров (промоутер): Развести москвичей еще и на радио – это была моя идея, потому что я узнал, что продается волна. Это был стопроцентный развод. Было понятно, что больше полугода радио не протянет и все это время будет жутко убыточным. Так, кстати, и получилось. Минус был порядка тридцати тысяч долларов в месяц. То есть радио сжирало тысячу долларов в день.

ДЖ Бумер (Федор Крылов): Когда я узнал о радио “Порт-FM”, сам проект представлял собой пустое место. Над ним работала Вета Померанцева. Был выделен какой-то бюджет, Вета уже несколько месяцев получала какую-то зарплату. Но дело при этом не сдвинулось ни на миллиметр. Потому что Вета – очень интересный, творческий человек, но как администратор... В общем, она не могла свести концы с концами. Надо было просто жестко относиться к каким-то моментам и работать, а она не могла.

Когда до открытия оставалась всего неделя, появился я. Вета собрала всех, кто хоть как-то выразил желание во всем этом поучаствовать. Мы приходим на общее собрание и понимаем, что ничего не готово. Радиостанция должна выйти через неделю, а ничего не сделано! Ни одной отбивки, ни единой программы! И люди, участники проекта, только сейчас встречаются в первый раз. За неделю до открытия!

В общем, понятно было, что проект надо спасать. Бархин на том собрании сказал, что, мол, определенная сумма из бюджета была выделена, но раз ничего не произошло, то все – радио, наверное, закроется. А я до этого уже работал на радио. Радио было моей мечтой, и я стал очень настойчиво говорить: “Ребята! Погодите! Не надо ничего закрывать! У меня есть план, как вывести страну из кризиса!”

Собрание длилось полчаса, но так ничем и не закончилось. Все разошлись по домам, а мы поехали к Мише Бархину. Я рассказал ребятам, как все вижу. Они сказали: замечательно! За следующие два часа мы даже расписали какую-то эфирную сетку. В конце Миша сказал: “Федор, приезжай завтра к полудню ко мне в офис, и я думаю, мы договоримся”.

Я приехал, мы еще пообщались. Миша Бархин сказал: “Все, что ты вчера говорил, мне очень понравилось. Я ставлю тебя возглавлять проект. Будешь программным директором”.

А у меня ведь юридическое образование. Я знал, как настроить делопроизводство. Пришел на набережную реки Карповки, в наш офис. На тот момент все радио представляло собой два стола, пачку бумаг и коробку скрепок. Нам нужен был хотя бы секретарь. Я вызвонил секретаря и за пару дней набрал штат сотрудников в двадцать с чем-то человек.

Сергей Мельников (теле- и радиоведущий): По городу ползли слухи, что затевается открытие чего-то нереального. Какого-то мегаклуба! И мы решили съездить, снять для программы “Камыши” еще не открывшийся “Порт”...

Вадим Воронов (теле- и радиоведущий): Мы заходим во двор, где расположен клуб... Белянкин летит впереди, мы с камерой семеним за ним. И он комментирует происходящее, а там во дворе помойка, какие-то бачки, бегают драные кошки. Попахивает мочой... В общем, ужас. А потом Белянкин звонит в дверь, нам открывают, и вдруг за железной дверью мы видим фантастический мир будущего. Все эти механистические конструкции – невиданная роскошь по тем временам. Какие-то гигантские

блестящие штуки, высоченные потолки, все сверкает. Вышел Миша Бархин давать нам интервью и сказал, что это будет клуб для друзей. Я тогда еще подумал: у зала вместимость минимум тысяча человек. Ни хрена себе, сколько у этого парня друзей!

Олег Назаров (промоутер): Перед тем как провести открытие клуба “Порт”, мы проводили такой эксперимент: составляли списки знакомых. То есть каждый, кто приходил в клуб, должен был вписать в эти списки тех, кого знает. И после двух тысяч персонажей список стал повторяться. То есть несмотря на то что электронная музыка существовала уже восемь лет и постоянно открывались новые клубы, сама компания людей, все это слушавших, почти не выросла. В этом смысле мы очень рассчитывали на влияние нового радио. Потому что если бы и оно не изменило ситуацию...

DJ Бумер (Федор Крылов): “Порт-FM” объединил всех адекватных диск-жокеев. Они перезнакомились, они начали чаще видеть друг друга, они стали тусоваться в одном месте. Было ощущение одного большого общего дела. И, я помню, всего через месяц после открытия у всех были футболки “Порт-FM”. И появилась какая-то дурацкая гордость. Не только у меня, у каждого, кто участвовал в этом проекте. Это был последний такой всплеск. В ближайшее время в России вряд ли появится что-то подобное.

DJ Лена Попова: Мы все будто вернулись на несколько лет назад. Я помню, на этом радио всегда было весело. Мы всей компанией отмечали праздники. На первое апреля записали кучу смешных джинглов, а ребята в прямом эфире сказали, что Лена Попова вышла замуж за DJКарла Кокса.

DJ Бумер (Федор Крылов): В то время Интернета, считай, не было. Поэтому все наши эфиры на радио люди записывали, а потом выпускали на кассетах. Ты приезжаешь в какой-нибудь Екатеринбург, а там уже продается твой диск. Культурная значимость всего, что тогда происходило, была крайне велика. То, что сейчас происходит в течение года, не может сравниться даже с одним месяцем в то время. Потому что вся история происходила именно тогда. Жалко только, что нынешняя молодежь этого не застала. **Олег Назаров (промоутер):** С “Рекордом” я тогда полностью испортил отношения. Они как раз стали звать меня делать программы и устраивать вечеринки. А тут – раз! – я у них за спиной открываю радиостанцию! И все люди, которые работали у них, теперь начинают работать у меня! Зарплата на “Порт-FM” была двенадцать долларов в час. Огромные деньги! На радио тогда никому столько не платили! Плюс – делай что хочешь. Полная свобода! Конечно, у “Рекорда” резко упали рейтинги. Меня там до сих пор за это ненавидят.

DJ Лавски (Константин Петров): Я, кажется, единственный диск-жокей, который не сбежал с “Рекорда”, когда открылся “Порт-FM”.

DJ Федор Бумер: Все это счастье продолжалось три месяца. Ровно через три месяца всё понемногу стало портиться.

Еще в самом начале мне было сказано: “Насчет формата не парься. Рекламодателей мы найдем”.

Потом пришли рекламщики и были в шоке. Нас интересовало не то, что скажут спонсоры, а творчество в чистом виде. И мы нарушили вообще все возможные правила. Например, диджеи у нас почти ничего не говорили. Шел нескончаемый микс танцевальной музыки, а на коммерческих станциях так не бывает.

Пока во главе проекта стояли нормальные люди, ямог делать, что хотел. А потом у клуба сменились учредители. Вся старая команда ушла. У радио тоже сменилось руко-

водство. Миша Бархин ушел, ну и я с ним.

DJ Кома (Алексей Дунаевский): Первым программным директором “Порт-FM” был Федя Бумер. Он меня с давних пор невзлюбил, и при нем на радио я работать, конечно, не мог. А потом Бумер ушел, и директором вместо него стал Сергей Демидов.

DJ Слон (Олег Азелицкий): Когда Бумер ушел, Вета Померанцева звала меня работать одним из программных директоров. Она говорила, что “Портом” теперь станут заниматься Лена Попова, Демидов и Кефир. Вот сейчас они сделают сетку вещания, и все начнется по-настоящему. Да только до составления сетки дело так и не дошло.

Денис Одинг (промоутер): “Порт” – это был мощнейший проект. Просто Миша Бархин – он ведь художник. Манипулировать людьми не умеет. А кроме Мишитам были очень странные ребята, которые в конце концов всех и выжили. Очень быстро весь этот проект – клуб, радио, кибер-кафе – превратился в убогую дискотеку. Романтические мечты, которыми мы жили, столкнулись с суровой правдой жизни.

DJ Федор Бумер: Проблема была в том, что это было предприятие, знаешь, как в басне Крылова – каждый тянул в свою сторону. Было слишком много советчиков, и все продвигали какие-то свои идеи. А нужен был единый лидер, который сказал бы: будет вот так, и все! Пиздец, не ебет! А там было просто какое-то неимоверное количество людей, которые работали над проектом. Иногда я приходил и не понимал: кто эти люди?! То есть понятно, что они здесь работают, но чем конкретно они занимаются? Разобраться в этом было невозможно! И постепенно эта публика оттеснила, оттерла всех, кто начинал “Порт”. Постепенно все отцы-основатели оказались не у дел.

Олег Назаров (промоутер): Клуб “Порт” был неоправданно большим. Было ясно, что без регулярных выступлений коммерческих музыкантов он не протянет. Чтобы собирать такое помещение под завязку, нужны были громкие имена. Их не было. И постепенно с зарплатами стали закручивать гайки. Мне это не понравилось, я собрал все бумаги и ушел.

DJ Лена Попова: Почему закрылся “Порт”? Там очень остро стоял вопрос денег. Ну, и люди сложные. С нашей стороны выступали Миша Бархин и Олег Назаров. Они, в общем-то, знают, как чужие деньги использовать правильно. Медленно, но верно они свое дело делали. Но вот люди, которые давали деньги, явно хотели чего-то другого. Они, кажется, хотели просто вложить деньги и быстренько их отбить. А этого не получилось.

Павел Стогар (промоутер): Хотите, я расскажу вам, как выглядела самая последняя вечеринка в клубе “Порт”? Закрытие “Порта” стало реально концом большой эпохи. А устраивал ее я.

На эту вечеринку пришла налоговая полиция. Ворвались и спрашивают: “Ты хозяин?”

Я отвечаю, что нет. Хозяин – Вета Померанцева, а я координатор. Ничего не знаю, ни за что не отвечаю. Они подходят к Вете, а та глазами хлопает, и понятно, что добиться от нее внятного ответа не выйдет. Тогда эти ребята встали у кассы и сказали, что будут пересчитывать все собранные мною деньги. Тогда я объявил, что сегодня вход бесплатный. Они в ответ собрали все деньги, которые уже лежали в кассе, в корбку и собрались ее опечатать, но каждый раз, как только они отворачивались, я бы-

стро хватал деньги из коробки и пихал себе под куртку. Просто руками воровал и под куртку запихивал. Мне надо было потом еще рассчитываться с артистами. Так что куртку я отдал маме, и мама убежала с этой курткой и спрятала ее в машине. Причем маме на тот момент было шестьдесят шесть лет и она у меня была оформлена в клубе грузчиком, а папа числился охранником.

Потом про меня показали пятнадцатиминутный сюжет в программе “Криминальный вестник”. Это были мои пятнадцать минут славы. Потому что там такого понаговорили: и деньги-то, украденные у государства, я отмываю, и наркотиками-то торгую. Меня превратили в какого-то авторитета. После этого сюжета мне все начали жать руку. За полкилометра меня видели и бежали здороваться. А как иначе? Попробуй не поздоровайся с авторитетом!

Денег, которые я напихал в куртку, хватило, чтобы я смог рассчитаться с артистами. В итоге вечеринки мы все равно подзалетели, но как-то уже не очень серьезно. По-моему, мне пришлось продать машину, и все. После этого “Порт” полностью сменил формат. Такого, как было раньше, больше не было. И вообще, вся эта история в тот вечер закончилась навсегда.

Нулевые годы

Владимир Иванов (группа “Пи-Си-Пи”): Мы все живем на обугленных развалинах рейв-культуры. Меня окружают люди с прожженными мозгами, которые и не тут, и не там. Они и не в обществе, и не в полном подвале, – телепаются туда-сюда. Взрыв прошел, и никто не понимает, что теперь. Мы его застали, но сейчас от взрыва остались только редкие подвалы, где до сих пор круто, и еще – выхолощенные, огромные дискотеки.

Никита Маршунок (основатель фестиваля “Казантип”): Танцевальная электроника, на мой взгляд, остановилась в развитии в 1998 году. После этого последовал дефолт, который совпал с кризисом идей. За следующие десять лет ничего интересного и свежего в этом мире не появилось. И вся дальнейшая история – это история упущенных возможностей. Мы остановились, мы остались страшно недоразвитыми и потеряли целое поколение молодежи, которое ушло, в общем, не понятно куда. И если в Европе электронная музыка давно стала мейнстримом, то в России – как была андеграундом, так и осталась. Всем казалось, что еще чуть-чуть... еще немного... и ситуация изменится. Но она так и не изменилась.

Владимир Иванов (группа “Пи-Си-Пи”): На протяжении всего этого десятилетия нам казалось, будто музыка изменит мир. Выяснилось, что это не так. Но я до сих пор верю, что все изменится, просто Систему можно точить разными способами. Можно выходить на баррикады и бить машины, как это делают антиглобалисты. А можно точить Систему изнутри. Создавать закрытые сообщества, такие как клуб “Deep Sound” или как лейбл “Underground Experience”. Выцеплять туда самых буйных и деятельных. Процесс отбора идет на очень простом уровне: ну кто пойдет ночью в темный клуб, далеко от метро, на бандитской Лиговке? К нам приходил участковый и говорил: “Тут по соседству два ножевых, ребята. Тусуемся поаккуратнее, ладно?” Пришел тот, кто не испугался: фу, какой у вас тут негламурный клуб! Фу, какой у вас вонючий сортир! Эти люди (будь то зрители, будь то артисты) – они уже никогда не смогут мыслить иначе. А ведь в этом и есть свобода. Кто остался в нашем клубе, это уже настоящие отморозки. Только из них потом что-то настоящее и выходит. Ты личным примером показываешь, что жить иначе возможно. Можно провести жизнь не так, как все! По иным правилам! Жить так может каждый. И твой личный пример по-прежнему, но каждый день меняет этот мир.

ДЖ Лавски (Константин Петров): Дефолт страшно долбанул по всем диджеям. Ну и по мне, в частности. Тогда зарплату все время считали в долларах, а вы давали в рублях. А тут рубль вдруг со страшной силой завалился, и я помню, были времена, когда ты получал деньги, которые не отбивали даже одну пластинку. Да что пластинка?! Дорогу не отбивали!

Владимир Иванов (группа “Пи-Си-Пи”): Накануне дефолта мы с Олегом Слоном пытались выпустить первый в России винил. Ну и влетели, кажется, каждый на четыреста баксов. Фирма, которая делала нам этот винил, находилась в Москве. Мы поехали туда на машине, причем Слон поехал в тапочках. Как вышел из дома, так и уехал: в трениках, кенгурухе и тапочках. Он вообще всю дорогу в себя не приходил. Машина у нас была старая “пятерка”. Ехала она очень плохо, поэтому мы оставили ее

где-то на въезде в Москву, а дальше поехали на метро. Мы забрали тираж винила (тысячу экземпляров) и со всем этим добром, с коробками и пластинками, поехали на Красную площадь, потому что Слон отказывался уехать из Москвы, не заехав на Красную площадь. Пока мы туда-сюда катались, дефолт и случился. Когда мы выезжали из города, все было еще о'кей, а когда приехали в Москву, сигареты стоили уже двадцать рублей – в пять раз дороже, чем накануне. Естественно, наш винил моментально стал никому не нужен. Это был первый в стране винил, и никому не было до этого дела. Кстати, недавно я его переслушивал – все это и до сих пор звучит очень актуально. Даже сегодня у нашего винила такой модный саунд. Но тогда всем было наплевать. Слон продал одну пластинку, а остальную тысячу мы просто раздали первым встречным.

DJ Magic В (Василий Борисов): После дефолта огромное количество людей потеряли деньги, клубы стояли пустые, диджеям не платили. Денег ни у кого не осталось, было уже не до клубежа. Из этого невеселого трипа все выкарабкивались несколько лет подряд. Цены на пластинки были непонятные, курс скакал, с гонорарами была полная неразбериха. Тратить деньги на посещение клубов мог только реально сумасшедший. Люди, до 1998-го бывшие вполне зажиточными, теперь находились в абсолютно подвешенном состоянии. И всю культуру сразу отбросило на несколько лет назад.

DJ Фонарь (Володя Фонарев): Перед самым дефолтом вдруг стало понятно, что наркотики и электроника спаялись так крепко – не разорвешь. Это было такое наркодвижение. Оно принимало очень жесткие формы, особенно в регионах, потому что там люди доходили до совсем кошмарных состояний. Многие города, такие как Екатеринбург, просто захлебнулись героином. Через танцевалку они шагнули сразу в нарк.

DJ Кома (Алексей Дунаевский): Уже давно замечено – рейверы меняются волнами.

DJ Слон (Олег Азелицкий): Те, кто в конце 1980-х– начале 1990-х ходили с нами на первые вечеринки, – многие из них уже давно мертвы.

DJ Фонарь (Володя Фонарев): Все начинали с легких наркотиков, а потом всех заносило. Я помню, что в середине 1990-х годов вдруг стало очень много героина. И огромное количество людей просто вымыло. Я не успевал реагировать: то один знакомый умер, то другой... Вчера человек еще был здесь, ходил на вечеринки, а сегодня мертв.

DJ Массаш (Александр Массальский): Году в 1998-м я стал играть все реже и реже. Перестал устраивать вечеринки. Была такая темная полоса мрачного употребления наркотиков, которую я не без труда преодолел.

DJ Лена Попова: После того как закрылся “Порт”, было несколько попыток начать все заново. Но они все, в общем-то, окончились ничем. Например, заново открыли “Тоннель”. И что? Да ничего!

Идея восстановить “Тоннель” пришла в голову одновременно мне и Леше Хаасу. Как-то неожиданно. Я звоню Лехе, а Леха говорит: “А я как раз собирался звонить!”

Это был 2001 год. Мы планировали открыть клуб за шесть месяцев, но не вышло. Мы стали вести переговоры с людьми, с которыми, как потом выяснилось, вообще ни о чем нельзя договориться. Сначала мы три месяца уговаривали их купить турбо-саунд. Наконец договорились. Мы еще пытались составить какие-то юридические

документы – на это ушло очень много времени. Но когда мы все составили, оказалось, что эти люди не имеют права ничего подписывать, потому что клуб находится на балансе у муниципалитета – это ведь стратегический объект. То есть они сами там нелегально сидели. Короче, подписать с ними бумаги мы так и не смогли.

Мы все равно сделали этот клуб. В конце концов он открылся в День космонавтики 2002 года. Но вскоре они нас кинули и на деньги, и на клуб. Ну как кинули?! Мы сами отдали, потому что общаться с ними и обсуждать что либо было нереально. От них, например, поступали такие предложения: давайте не будем везти диск-жокея из Швеции, а за двести долларов привезем какого-нибудь парня из Томска, который не будет говорить по-русски, и выдадим его за шведа. А деньги спонсора, предположим “Winston’a”, возьмем себе и попилим. Все это было очень трудно терпеть, так что я полгода проработала там арт-директором и ушла.

Олег Назаров (промоутер): Начинать все заново и еще раз открывать клуб я не хочу. А вот ресторан, может быть, и открыл бы. Я ведь наркотики теперь не употребляю, а есть по-прежнему люблю.

ДЖ Лена Попова: Я с тех пор, как стала диджеем, так и не бросала это дело. Даже когда у меня родилась дочка, я довольно быстро стала снова гастролировать. У меня есть фотка, где я стою в Таллине, в черном платье, а у меня на платье белые круги от молока... В Петербурге я ехала в клуб играть, а в два часа ночи возвращалась домой, кормила Дусю и ехала обратно... Потом возвращалась к шести утра, опять кормила Дусю, – и так много-много месяцев подряд.

Дуся Ким (дочка Лены Поповой): Я часто хожу с мамой на вечеринки. Мне там нравится. Напитки бесплатные, и еще музыка хорошая – можно в догонялки играть.

Олег Назаров (промоутер): Понимаешь, это ведь такая вещь... Мы все повзрослели. И стало ясно, что скакать всю жизнь по клубам не получится. Обзаведешься семьей, появятся другие интересы... Я ведь пятнадцать лет этим занимался. Мне все известно: что будет в клубе, что мне скажет встреченный где-нибудь старый знакомый, картинка не меняется. Я лучше с дочкой в зоопарк схожу. Потому что это – настоящее. А все остальное – было и кончилось. Давным-давно кончилось.

Эта книга не будет завершенной без выражения благодарности всем тем, кто смог встретиться со мной или моим соавтором Кириллом Ивановым и рассказать свои истории: Лене Поповой, Анжеле Шульженко, Косте Петрову, Леше Дунаевскому, Федору Крылову, Денису Одингу, Мише Воронцову, Олегу Назарову, Денису Медведеву, Косте Шевелеву, Андрею Котову, Василию Борисову, Володе Фонареву, Никите Маршунку, Александру Массальскому, Володе Иванову, Алексею Мешкову, Саше Зайцеву, Илье Барамия, Вадиму Воронову, Сергею Мельникову, Джулиану Либератору, Павлу Стогару.

Если бы у меня было больше возможностей и времени, этот список был бы намного длиннее, но, к сожалению, в связи с занятостью многих моих друзей он таков, каким вы его видите.

Огромное спасибо за помощь и поддержку в работе Илье Стогову.

Особая благодарность тем людям, без которых этот труд попросту не состоялся бы: Станиславу Малькову и Ольге Губочкиной.

